Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа
Абхазское историческое общество

В.З. Чамагуа

Видные представители Абхазии и абхазской диаспоры в борьбе за восстановление национального единства (воссоединение) абхазского народа (XIX–XXI вв.)

Сухум, 2026

УДК 314 (5)
ББК 63.3 5 (Абх) - 284.6
Ч - 17

Издание рекомендовано Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа

Чамагуа, В.З.
Видные представители Абхазии и абхазской диаспоры в борьбе за восстановление национального единства (воссоединение) абхазского народа (XIX–XXI вв.) / Виталий Чамагуа. – Сухум, 2026. – 316 с.

Монография В.З. Чамагуа «Видные представители Абхазии и абхазской диаспоры в борьбе за восстановление национального единства (воссоединение) абхазского народа (XIX–XXI вв.)» посвящена видным представителям абхазской диаспоры. В представленной работе содержатся соображения, которые дополняют и расширяют имеющиеся источники. Так, рассматривая основные тенденции выселения абхазов с родины на различных этапах XIX в., рассматриваются более 10 волн исхода коренного населения с исторических земель Абхазии на чужбину. В работе большое место отводится теме эмиграционных процессов в абхазском обществе в XX в.

Г/р 978-5-166-39-06026

© Чамагуа, В.З., 2026
© АбИГИ им. Д.И. Гулиа АНА, 2026

Содержание

Введение. Характеристика движущих сил махаджирства (исхода населения) в Абхазском княжестве, позже в Сухумском округе в XIX веке. Последующие миграционные процессы во время меньшевистской (грузинской) оккупации, также в советскую эпоху и постсоветский период (XX – XXI).....4

Глава I. Видные государственные и общественные деятели, представители интеллигенции Абхазии в борьбе за воссоединение абхазского народа.....85

Глава II. Вклад зарубежных абхазских диаспор (Турецкой, Европейской, Сирийской и других) в активизацию процесса национального единства абхазов.....168

Глава III. Роль международных организаций (ООН, ОБСЕ и др.), Российской Федерации, Турецкой Республики в решении проблемы воссоединения разделенного народа (абхазов) на исторической родине – в Абхазии.....242

Заключение.....279

ВВЕДЕНИЕ

Характеристика движущих сил махаджирства (исхода населения) в Абхазском княжестве, позже в Сухумском округе в XIX веке. Последующие миграционные процессы во время меньшевистской (грузинской) оккупации, также в советскую эпоху и постсоветский период (XX – XXI).

Переселения, или миграции народов, были свойственны человечеству, видимо, с самого начала его истории. На заре человечества движение народов и племен происходило интенсивно, с охватом больших территорий, и, чаще всего, оно сказывалось негативно, а, порой, и гибельно, на судьбе тех, кто оказывался на пути этих процессов. И тысячелетия спустя эти события все также сопутствовали людям и народам, возникали с новой силой, но уже в форме захватнических нашествий и войн, в горниле которых бесследно исчезали, как малые народы, так и довольно многочисленные. В этом плане суровые испытания история преподнесла автохтонным народам Кавказа, в том числе и Абхазии, как в ходе освободительной войны с царизмом, так и в результате поражения горцев в этой многолетней трагической борьбе. Победа российского самодержавия явилась той отправной точкой, после которой Западный Кавказ и черноморское побережье подверглось катастрофическому опустошению, связанному с насильственным изгнанием (переселением) из данного региона подавляющего большинства абхазов, абазин, адыгов, убыхов (всех), а также значительного числа других горских народов Кавказа, ее коренных жителей.

Историческая наука – о трагедии махаджирства

Трагическое для горских народов Кавказа 19 столетие стало предметом изучения ведущих историков Кавказского региона, ученых России, Турции, многих западных стран. Среди них известные исследователи А. Фадеев, Е. Тарле, С. Бушуев, Н. Смирнов, Н. Я. Марр, Г. Дзидзария, О. Бейгуаа, И. Беркок, Ш.

Инал-ипа, В. Ардзинба, Т. Ачугба, С. Лакоба, Х. Ибрагимбейли и другие. Мимо этой темы не проходили мыслители, политики и общественные деятели: К. Маркс и Ф. Энгельс, представители российской демократической интеллигенции А. Герцен, Н. Чернышевский, А. Добролюбов. К этой проблеме нередко обращались глава правительства Великобритании Пальмерстон, члены парламента этой страны, министр иностранных дел Франции, небезызвестный Талейран, польские революционеры во главе с полковником Лапинским, российские самодержцы и турецкие султаны, высокопоставленные военные и чиновники различных стран, задействованные в событиях того времени. На тему исхода горских народов Кавказа на чужбину написано и создано много литературных, изобразительных и музыкальных произведений. Это животрепещущая до сих пор проблема утери родины миллионами ее сынов активно исследуется, обсуждается и дискутируется в среде тех народов, которые понесли колоссальные, а, порой, и невосполнимые по сей день людские потери.

Самыми крупными представителями науки и творчества в рамках Абхазии и всего Кавказского региона, разрабатывавшими тему махаджирства на протяжении многих лет были известный историк, профессор Г. Дзидзария и народный поэт Абхазии Б. Шинкуба. Ученый, исследуя данную тему, создал поистине уникальный труд «Махаджирство и проблемы истории Абхазии *XIX* столетия», отличающийся глубиной анализа истоков и движущих сил глобального исхода населения горских народов, событий и процессов, сопутствовавших трагедии махаджирства. Ценность данной монографии заключается также в том, что работа основана на засекреченных в то время официальных источниках, к которым исследователем все же был найден доступ. Поэт же, на основе реального исторического катаклизма – исчезновения с карты мира одного из древнейших этносов – убыхов, родственного абхазам народа – написал роман «Последний из ушедших», также уникальный тем, что сие произведение, словно набатный колокол, преду-

преждая горские народы Кавказа, предостерегает их от опрометчивых действий и поступков, дабы не утерять своей Отчизны.

Таким образом, можно констатировать, что любой исследователь, склонный изучить ту или иную проблему, связанную с историческими процессами и событиями, происходившими в Абхазии и Кавказском регионе в 19 столетии, думается, не преминет ознакомиться с указанной книгой Баграта Васильевича Шинкуба, как и с упомянутым ценным трудом Георгия Алексеевича Дзидзария. И тема нашего исследования, что отметим сразу, в рамках упомянутого столетия, непременно будет опираться на аналитические выкладки и сведения выдающегося абхазского и Кавказского историка.

И начнем с того, что характеризуя гибельные для народов события, случившиеся на Кавказе в 19 веке, профессор Г. А. Дзидзария подчеркивал: «Речь идет о переселении, в основном насильственном и вынужденном, коренных жителей Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи, известном в истории под названием махаджирства (мухаджирства) и являвшемся той страшной трагедией, которая поставила целые древние народы края на грань их полного уничтожения»[1].

Следует отметить и то, что Георгий Алексеевич неспроста разъясняет смысл термина «махаджирство», отметив его нейтральное звучание на арабском – «мухаджерет», означающее переселение. А вот в абхазской среде (как, полагаем, и на Северном Кавказе), подчеркивает ученый, оно означает «изгнанники». Именно этот смысл, изначально устоявшийся в абхазском обществе, как в период интенсивного исхода абхазов, и позже, уже в наше время, является лейтмотивом монографии, сжатой формулой вселенской трагедии абхазов. Потому, думается, оно, это слово, вынесено и в заглавие сего выдающегося исследования автора.

Подчеркнем также и то, что данная монография абхазско-

[1] Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 3.

го историка является уникальным явлением в кавказоведении, поскольку оказалось, что подобных широкомасштабных и многоплановых исследований на тему махаджирства ранее не существовало не только в Абхазии, но подобное не имело места на всем Кавказе.

В этой связи Г. Дзидзария подчеркивал, что «наиболее ценные материалы, без которых невозможно осмыслить глубоко данный вопрос, оставались не разысканными, продолжая лежать под спудом в течение десятилетий. Поэтому отдельные стороны рассматриваемого явления казались даже загадочными. Между тем нельзя считать освещенным прошлое абхазского народа в целом, как и, скажем, адыгейского, без истории той его органической части, которая волею судьбы сравнительно недавно оказалась по ту сторону Черного моря – в Турции, а также рассеялась частично по другим странам Ближнего Востока, входившим в Османскую империю»[1].

Здесь, полагаем, надо понимать это высказывание таким образом, что долгое время официальные материалы царизма были недоступными для исследователей – кавказоведов. Это – с одной стороны. С другой стороны – исследователь, отмечая «загадочными» явления и действия той поры, подчеркивал, как нам представляется, предвзятую недоброжелательность к коренным жителям края, как местной колониальной власти, так и столичных апологетов самодержавия – беспощадных вершителей злосчастной судьбы абхазов.

Неоценимая заслуга Г. А. Дзидзария состоит в том, что он, будучи крупным ученым и большим патриотом, смог целенаправленно, упорно, в то же время с необходимой для той поры гибкостью, поднимать и использовать в своей выдающейся работе секретные в то время материалы, которые, как правило, были недоступны исследователям. Эти ценные сведения, состоявшие из рапортов, донесений и переписки местных сатрапов колоний со своим начальством метрополии, как нельзя лучше представляли всю картину трагедии народов,

[1] Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 4.

раздавленных соперничеством двух великих держав той поры – Российским самодержавием и Османской империей. И в довершение тому изгнанных, в силу политических и стратегических интересов тех же держав, со своих древних очагов на чужбину.

Также отметим, что в советский период абхазские ученые не могли в полной мере раскрыть правдивую картину движущих сил катастрофы народов, подвергшихся практически геноциду, сотворенного военными и гражданскими представителями самодержавия на протяжении почти всего 19 века. Считалось правилом плохого тона доискиваться до истины, поскольку в советской стране господствовала идеология братства представителей различных наций, что предполагало оную реальность представлять и в прошлой жизни тех же народов. Реальный анализ и достоверная характеристика национальной политики царизма, хотя бы и столетней давности, могла быть сведена, как это ни парадоксально, теми же ярыми оппонентами самодержавного режима также и к национализму самих пострадавших народов. Получалось, что советский центр далеко не склонен был честно и без оговорок прояснить ситуацию с выселением горцев Кавказа в 19 веке. Это подтверждается и содержанием официальных источников. Возьмем, к примеру, советский энциклопедический словарь, в котором в разделе «абхазы» утверждалось, что «… основное население Абх. АССР (83 т. ч.). Всего в СССР 91 т. ч. (1979), в Турции – 5 т. ч…»[1].

Однако давно не являлось секретом, что абхазы в Турции, в результате принудительного выселения в период самодержавия, уже в советское время насчитывали не пять, а сотни тысяч. И вряд ли высокое научное сообщество, отвечавшее за издание столь солидного произведения, не было информировано о том обстоятельстве. Таким образом, официальные власти и приближенная к ней научная среда по сути дела скрывали известные факты трагедии 19 столетия.

[1] Советский энциклопедический словарь. Под редакцией А. М. Прохорова. Москва – 1982. С. 11.

Г.А. Дзидзария о движущих силах исхода абхазов и других горских народов Кавказа на чужбину в 19 столетии.

В своей монографии «Махаджирство…» Георгий Алексеевич вскрывает весь пласт военных, политических и социально-экономических проблем 19 века, приведших в результате к исходу подавляющего большинства населения, как в Абхазии, так и на Западном Кавказе. Исследователь убедительно показывает роль в том основных игроков трагедии: Российского самодержавия, Османской (Турецкой) империи, также Англии и Франции. Характеризуя ответственность этих государств за ситуацию в крае, Г. Дзидзария подчеркивал, что они, эти страны, «… создавали почву и, так или иначе, способствовали процессу миграции населения, а именно: социально-экономические условия; активизация военных мероприятий царского самодержавия, сопровождавшиеся усилением антиколониального движения…». Отмечал он и «реваншистскую политику правящих кругов Турции, преследовавшую и иные цели (колонизацию кавказскими переселенцами пустых и малозаселенных земель страны, особенно пограничных с Россией территорий, использование воинственных горцев в будущем в войне против последней и для поддержания разваливавшейся Османской империи и т. д.)». Много места отведено и «проискам английских интервентов, во внешнеполитических планах которых Западный Кавказ занимал особое место»[1].

К указанным выше причинно-следственным условиям махаджирства (исхода) населения автор исследования причисляет также завершение Русско-Кавказской войны в 1864 году и упразднение автономии Абхазского княжества в том же году, введение военно-народного управления, попытки проведения крестьянской реформы, восстание населения 1866 года, Русско-Турецкие войны: 1806 – 1812, 1828 – 1829, 1877 – 1878 годов и ряд других условий и причин. Все эти факторы, без-

[1] Советский энциклопедический словарь. Под редакцией А. М. Прохорова. Москва – 1982. С. 5.

условно, являлись основными движущими силами исхода коренного абхазского населения в Османскую империю, также и в некоторые страны Ближнего Востока. Здесь же можно отметить, что основные цели российского правительства, а это не что иное, как создание плацдарма с лояльным населением, то есть, заселение края колонистами из внутренних районов России, и все это замышлялось для решения задач на Востоке.

Но и турки не собирались уступать России давно занятые плацдармы, используя при этом народы Южного и Северного Кавказа в этой поистине долговременной титанической схватке двух империй. Так, законный наследник Келешбея, не получив поддержки и понимания российского правительства, вынужден был дать отпор царским войскам совместно с турецкими силами. После короткого сопротивления Сухумская крепость была захвачена в июле 1810 года. Сие обстоятельство повлекло за собой «первую волну» махаджирства в 19 веке. Это были в основном, приверженцы законного наследника Асланбея, правившего княжеством уже два года. Уточним, все же, что насильственных действий по выселению в ту пору не было. Наоборот, российская администрация пыталась, как отмечает официальная переписка царских чиновников, воспрепятствовать переселению абхазцев в Батумскую область, находившуюся под властью Турции. В данном массовом исходе – 5 тыс. человек, скорее всего, сказалось влияние поражения правителя Асланбея, захват его резиденции и большие потери при этом. В боях за Сухумскую крепость погибли 300 абхазцев и турок, и в плен попало 76 человек[1].

Османская империя, приходившая в упадок, стала сильно уступать России уже в первой трети XIX века. И, как отмечает Г. Дзидзария, после Русско-Турецкой войны 1828 – 1829 гг. «спорный вопрос» о прибережных землях был окончательно решен. Адрианопольский трактат 1829 года санкционировал притязания России на Кавказ. Статья четвертая этого договора гласила,

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 227 – 228.

что «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая (Шекветили – Г. Д.) включительно пребудет в вечном владении Российской империи»[1]. Далее ученый пишет о том, что горцы не признали упомянутого трактата, поскольку, во-первых, «он был заключен без их участия. Во - вторых, и самое главное, подавляющее большинство горцев никогда не считали себя подданными, в полном смысле этого слова, турецких султанов». Исследователь в этой связи приводит емкое и точное определение К. Маркса, который по этому поводу отмечал следующее: «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама»[2].

В то же время автор монографии подчеркивал, что «горские народные массы не желали власти и российских императоров, опиравшихся на Ермоловых, Зассов, Горчаковых и Муравьевых – на жестоких покорителей Кавказа… Отказываясь от повиновения царским колонизаторам, горцы Кавказа решались с оружием в руках отстаивать свою независимость». Здесь же Г. Дзидзария приводит слова Н. А. Добролюбова, коими он охарактеризовал «подлинные причины возникновения затяжного и самоотверженного характера борьбы горцев против царского господства на Кавказе», а именно: «… Едва ли надо прибегать к чуду для того, чтобы растолковать причины ненависти свободных горских племен к русскому владычеству. Все дело разрешается гораздо проще: во-первых, ненависть к чужому господству вообще сильна была в горских племенах; во-вторых, наше управление не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями»[3].

Ко всему прочему, как пишет Георгий Алексеевич, «на все это враждебные России силы отвечали усилением пропаганды среди горцев, в результате чего в 1829 – 1830 годах последовало новое переселение в Турцию, которое на Абхазии отразилось существенно – 10 тысяч человек…».

---

[1] Дзидзария Г.А.. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. Там же. С. 68.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9. С. 417.

[3] Добролюбов Н. А. Полн. соб. соч., т. IV. М., 1937. С. 143 – 144.

Сложным периодом оказались для Абхазского княжества 40-е и 50-е годы 19 столетия. Это было время правления одного из внуков Келешбея и младшего сына Сафарбея – Михаила Чачба. Как политик и государственный деятель он, несомненно, был энергичнее своих предшественников. К его слову прислушивались и соседние народы, особенно убыхские предводители, один из которых – Хаджи Берзек Догомуко – являлся его воспитателем в юности.

Еще более осложнилось положение Абхазского княжества и его главы Михаила Чачба во время Крымской войны (1853 – 1856 гг.). Российское командование с помощью Михаила вывело войска из княжества, посчитав, что эти силы вряд ли смогут оказать сопротивление неприятелю. Таким образом, Абхазия, союзник России, оказалась практически один на один с турецкими войсками, высадившимся на побережье. Владетелю приходилось, ради смягчения напряженности в крае, вести переговоры с представителями командования турецких войск, пытавшемся вербовать абхазов в свои ряды. Князь Михаил вполне удачно противостоял турецким намерениям, и, несмотря даже на сильнейший нажим некоторых лиц из его окружения (А. Шервашидзе, Х. Маргания, Б. Маршания и др.), не поддался искушению признать власть султана в Абхазии. Эти действия впоследствии послужили основанием для обвинения владетеля в «предательстве» российских интересов. Донос российского посла в Константинополе с большим рвением дополнил своим рапортом в Тифлис начальник Гурийского отряда генерал И. К. Багратион-Мухранский. Оттуда все эти сведения о «неблагонадежности» Михаила Чачба стекаются в Петербург. Все это делалось, как отмечает Г. Дзидзария, лишь с целью «использовать данные обвинения в качестве повода или даже причины для ликвидации Абхазского княжества еще в тот период».[1]

Однако в ту пору царизм посчитал преждевременным шагом ликвидацию Абхазского княжества, учитывая, на наш

[1] Там же. С. 165 – 166.

взгляд, влияние владетеля на соседние горские народы. Г. Дзидзария по этому поводу приводит официальный документ, в котором подчеркивалось: «Владетель Абхазии – воспитанник убыхов, пользуется в этом племени популярностью и влиянием совершенно исключительным. Что он у убыхов сильнее Магомет-Амина и прочих проповедников, в том нет сомнения, и, при искреннем желании его, дело совершенного подчинения власти нашей джигетов, убыхов, ахчипсоуцев и псхувцев потребовало бы никак не более 3-х лет времени». В тот же период, по мнению ученого, чтобы укрепить позиции Российской империи в западной Грузии царизм «уже в 1857 году лишил владетельских прав правительницу Мегрелии Екатерину Дадиани, а в следующем году упразднил Сванетское княжество»[1].

И все же, как полагает Г. Дзидзария, позиции автономии Абхазского княжества в период Крымской войны были сильно расшатаны. Это, на наш взгляд, и повлекло очередную махаджирскую волну, точное число которой установить не удалось. Например, по утверждению некоторых исследователей (З. И. Чичинадзе) переселенцами в середине 50-х годов 19 века стали около 20 тысяч абхазов.

Самое массовое выселение коренного населения на Западном Кавказе и в том числе в Абхазии происходило в 1858 – 1866 годах. В рамках этого периода произошли такие важнейшие исторические события, как завершение русско-кавказской войны (1864 г.), окончательное завоевание исконных территорий народов Северного Кавказа, ликвидация в том же году одного из последних государственных объединений на всем Кавказе – автономного в составе российской монархии Абхазского княжества. Произошли в это же время на западном и восточном Кавказе и народные волнения, самым крупным из которых было Лыхненское восстание (1866 г.), направленное против колониальной политики царизма.

В отмеченный выше период, особенно в конце 50-х и в начале 60-х годов царизм стал готовить базу для эффективного

[1] Там же. С. 196.

переселения «избыточного» горского населения, особенно на Западном Кавказе и Черноморском побережье. Наряду с принудительными формами выселения, сыграли свою роль и тайные переговоры самодержавия, как с предательской племенной верхушкой выселяемых народов, так и с Турецкими властями о беспрепятственном приеме несчастных переселенцев на своей территории. Много примеров подобного приводит в своей монографии Г. Дзидзария, в частности, по Черкесским племенам, Чечне, Осетии, Убыхии, Абхазии. Словом, все делалось для того, чтобы быстро и основательно очистить стратегическую территорию от коренного населения.

С особой откровенностью в свое время (в октябре 1861 года) о том говорил наместник Кавказа Барятинский (Александр Иванович, наместник в 1856 – 1862 гг.), отмечавший, что основная цель переселения – «избавить Кавказское плоскогорье от населения… и открыть этим самым прекрасные и плодородные места для… казачьего поселения». Поздравляя Александра II с окончанием Кавказской войны, – отмечал Г. Дзидзария, – в письме от 1 мая 1864 года фельдмаршал Барятинский восклицал: «Без потери времени и насколько возможно выселять в Турцию горцев, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда»[1].

Г. Дзидзария приводит данные подсчетов председателя Кавказской археографической комиссии А. П. Берже. По ним за период с 1858 по 1865 год в Турцию переселилось 439 194 души, или 11 часть населения, занимавшего северный склон Западного Кавказа и прибрежную горную полосу между Главным хребтом и Черным морем от Анапы до Гагры и котловину реки Бзыбь. Однако ряд ученых, в том числе и Г. Дзидзария, считали, что официальные цифры сильно занижены. Впрочем, и сам Берже считал, что число переселенцев, отправившихся из незанятых русскими приморских пунктов на турецких кочермах «нельзя определить даже приблизительно: оно никому не было известно и остается неизвестным точно также, как и

[1] Там же. С. 243.

места, куда они прибыли в Турцию и где водворились»[1].

В монографии приводятся данные М. С. Тотоева, по мнению которого число переселенцев достигало в ту пору 700 – 750 тысяч. По данным А. Убичини и П. де Куртейля, общее количество кавказских переселенцев 60-х годов в 1866 году дошло до миллиона человек. Это мнение, замечает Г. Дзидзария, разделяет и турецкий историк И. Беркок[2].

«В то же время, – как пишет исследователь Э. Д. Эшба,– американский профессор Кемаль Карпат, изучавший турецкие архивы, утверждает, что с 1859 по 1879 гг. в Османскую империю прибыло 1,5 млн. черкесов. Берзэдж Нихад приводит еще более впечатляющую цифру – 2 000 000 человек»[3]. Там же ученым отмечается, что по данным российских источников, приведенных в монографии А. Х. Касумова и Х. А. Касумова, «общая численность адыгов, переселившихся в Турцию за время с 1858 по 1864 г., составляет 398 тыс. 955 человек».

Безусловно, и то, что в число указанных переселенцев также входили абхазы, убыхи, абазины, садзы-джигеты и некоторые другие родственные им горские общества. В этой связи Г. Дзидзария, проанализировав данные Берже и некоторых других исследователей, полагает в своей работе, что «число выселившихся в тот период людей абхазско-абазинской и убыхской этнической принадлежности определяется цифрой 94 864». Из них абазин – 30 000 душ, садзов-джигетов – 19 925, убыхов – 44 864. Автор также упоминает, что к переселенцам в Абхазии (в пределах княжества – В.Ч.) относились весьма сочувственно. Наместник Кавказа М. Романов в этом упрекал самого владетеля. В письме Александру от 23 марта 1864 года он сообщал, что последний «не только не запретил своим подвластным помогать убыхам и выходцам абадзехским и шапсугским, столпив-

[1] Берже Ад. П. Выселение горцев… январь. С. 349.

[2] Там же. С. 261 – 262.

[3] Эшба Э.Д. Значение черкесского вопроса на современном этапе. Абхазоведение. Археология, История, Этнология. Сухум – 2018. С. 168 – 169.

шимся на их земле и терпящим голод и всякие лишения, но даже обложил абхазцев налогом хлеба в пользу наших врагов»[1].

Полагаем, что уже к началу 60-х годов 19 века царизм начинал тяготиться как абхазским народом, так и существованием Абхазского княжества, хотя само же самодержавие определило его внутреннюю автономию. Свидетельством тому официальная переписка правящего дома, по которой видно, что на самом верху «планировалось выселение жителей из собственно Абхазского княжества. В марте 1864 года, т. е. до окончания Кавказской войны, наместник в личном письме Александру II писал: «… Будем действовать осмотрительно, но и решительно, чтобы окончательно очистить Черноморское побережье. Надо ожидать, что большая часть горцев предпочитает выселиться в Турцию, чем перейти на назначенные для них места на Кубани…». Еще раньше, 27 февраля того же года, кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский о коренном населении Абхазского княжества пишет следующее: «… Если абхазское население «возымеет намерение удалиться в Турцию, то полагаю, что этому препятствовать не следует». Также позже газеты («Кавказ», 25 мая 1867 г., «Московские ведомости», 15 июня 1967 г., и другие) писали, что «еще во время выселения горцев Западного Кавказа, в 1864 году, в официальных кругах некоторые полагали, что вместе с ними следовало бы выселить и абхазцев»[2].

Г. Дзидзария приводит слова начальника главного штаба Кавказской армии генерала Карцева, рассматривавшего переселение горцев в тот момент как «предмет первостепенной важности», он считал, что если «оно будет производиться беспрепятственно», то в течение лета 1864 года «война на Западном Кавказе будет окончена». В секретном письме того же Карцева от 29 октября 1863 года российскому консулу в Трапезунде сообщалось: «… В настоящее время горцы так стес-

[1] Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 263.

[2] Там же. С. 264.

нены в береговой полосе, что выражают сильное стремление выселиться в Турцию, что совершенно согласно с нашими видами и может весьма ускорить окончательное покорение всего Кавказа… Мы должны всеми средствами облегчить горцам выселение в Турцию…»[1].

Надо сказать, что в то трагическое для горцев время союзников у них не оказалось. Англия и Франция, ранее пытавшиеся вовлечь горцев в широкомасштабную войну во время Крымской компании, не выказали серьезного недовольства по поводу исхода того же горского населения. Что же касается самодержавия, то здесь царило подавляющее единодушие. Царский генералитет и офицерство, чиновники различного уровня, другие официальные лица, включая сюда идеологических апологетов политики самодержавия, то есть ученых, писателей, публицистов – все они поддерживали крайние меры по отношению к коренному населению Западного Кавказа и Абхазии, вплоть до их выселения с родных земель на чужбину – в Турцию. Ермолов, Святополк-Мирский, Берже, Броссе, Фадеев, Дроздов, Апрельев, Зиссерман, Евдокимов… Всех имен, заметим, что приведены в работе Г. Дзидзария, не счесть. Можно ли было при таком почти жестоком единодушии в решении судьбы горцев сохраниться им в целости в своей исконной Отчизне?

Ликвидация Абхазского княжества. Образование царской администрации – Сухумского военного отдела Российской империи. Восстание 1866 года – крупнейшее на Кавказе.

В такой ситуации наступает время, когда царизм приходит к твердому и окончательному решению ликвидировать Абхазское княжество, что, по мнению наместника Кавказа и его

[1] Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 257.

родича – российского монарха, позволит скорее и энергичнее очистить Черноморское побережье в абхазских пределах от коренного населения. Так, в июне 1864 года, как сообщает Г. Дзидзария, Абхазское княжество было упразднено и введено, до утверждения положения и штатов, временное «военно-народное управление». Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел Российской империи и разделена на три округа (Бзыбский, Сухумский и Абжуйский) и два приставства (Цебельдинское и Самурзаканское) с подчинением кутаисскому генерал-губернатору.

Новое российское управление вводится без всяких эксцессов и волнений среди населения Абхазии. В том бывший владетельный князь настойчиво предлагал свои услуги. Однако, несмотря на это, наместник ставит перед царем вопрос о высылке Михаила из края. В своем довольно противоречивом послании самодержцу от 23 сентября 1864 года он писал об этом следующим образом: «В Абхазии все благополучно, и новое управление вводится беспрепятственно и без всяких столкновений, несмотря на присутствие еще самого кн. Михаила Шервашидзе; но он до такой степени ведет себя скромно и отстранился от всякого вмешательства в дела, что пребывание его в крае совершенно незаметно». И затем уже со стороны великого князя делаются совершенно нелогичные выводы, противоречащие сказанному им выше: «Тем не менее, – продолжал великий князь, – … я положительно подтвердил кн. Мирскому (генерал-губернатор Кутаисской губернии – В. Ч.) объявить бывшему владетелю, что 1 октября (1864 года – В. Ч.) назначается крайним сроком его выезда и пригрозить ему, что, если он к назначенному числу добровольно не выедет, то мы будем вынуждены употребить против него силу, и что в таком случае я буду ходатайствовать о лишении его звания генерал-адъютанта, как ослушника твоей воли».

Георгий Алексеевич, ссылаясь на архивные материалы, из сего послания делает вывод, что «дальнейшее пребывание М. Шервашидзе в Абхазии было признано не только «неудобным»,

но и «положительно вредным». Нами также не исключаются возможные сценарии, связанные с принудительной высылкой М. Чачба: а не хотели ли эти самые власти возбудить тем самым народные волнения, дабы затем обосновать и провести выселение населения края. Но тогда народных волнений не случилось, а бывший владетель под конвоем был отправлен в российскую глубинку, и под конец оказался в г. Воронеже, где и скончался в 1866 году.

И в этом же году в Абхазии произошли народные волнения, впоследствии вошедшие в историю как самое массовое антиколониальное движение на Кавказе, известное под названием Лыхненского восстания. Хотелось бы отметить несколько моментов наряду с выводами автора монографии о характере и причинно-следственных условий одного из самых крупных народных волнений в пределах не только Абхазии, но и подвластных народов всей Российской империи. Начну с того, что Г. Дзидзария совершенно верно определяет настроения участников восстания, отмечая, что «в крестьянской массе вначале, по-видимому, не было намерения браться за оружие». А иначе, зачем было выборному от крестьян из села Эшера Осману Шамба несколько часов, при помощи трех совершенно охрипших переводчиков, излагать требования народа представителям новой власти Российской империи – начальнику Сухумского военного отдела полковнику Коньяру и руководителю комиссии по сбору материалов для проведения крестьянской реформы статскому советнику А. П. Черепову. Это происходило, как описывает ситуацию ученый, 26 июля 1866 года на сходе с участием 7 тысяч вооруженных абхазов, стоявших по сословиям. Все пришли сюда, как отмечал исследователь, «узнать правду о планах правительства в части освобождения крестьян от крепостной зависимости»[1].

Там, на сходе, была изложена просьба – допустить до наместника Кавказа депутацию с целью узнать правду о земель-

[1] Дзидзария Г.А.. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 334.

ной реформе в Абхазии, по которой крестьянам, которые в основной массе считали себя свободными от высшего сословия, предлагалось «получать свободу выкупом за свой счет». То есть, реформу предусматривали провести по образцу внутренних регионов Российской империи, хотя социально-экономические условия Абхазии и России были кардинально различными. На самом деле, как полагает исследователь, царская администрация умудряется противопоставить власть двум ведущим слоям абхазского общества – свободным крестьянам и высшему сословию. «Не нуждаясь более в активной поддержке местной знати и рассматривая проведение крестьянской реформы в Абхазии как один из элементов прочного приобщения к российской государственности, правительство с целью получения широкого колонизационного фонда поставило под сомнение право на землю не только у крестьян, но и у высшего сословия». Эти подходы к местным условиям ученый определяет «политической и классовой близорукостью незадачливых царских администраторов», по сути дела спровоцировавших массы крестьян на восстание.

Нам также кажется, что земельная реформа могла бы проводиться в Абхазии в более приемлемой форме, однако это обстоятельство не устраивало ее более «сведущих» зачинщиков из центра. Уж явно видны грубость и топорная, по существу, деятельность в Абхазии исполнителей – Черепова и сотоварищей, доведших ситуацию до мощного народного волнения, и, соответственно, до очередной волны принудительного выселения наиболее активной части населения абхазской страны. Речь идет не о «теории заговора» власть имущих, а реализации планов колонизации Абхазии, которые не могли успешно проводиться без соответствующих земельных фондов. О том и Г. Дзидзария отмечал выше, не раскрывая, однако, всю сермяжную правду замышленной кампании по организации очередной трагедии абхазов. И она произошла, как и было задумано в верхах империи.

После поражения восстания, в момент кульминации кото-

рого оно насчитывало до 20 тысяч повстанцев, 12 августа 1966 года в Сухуме были сосредоточены все войска экспедиционного отряда. Затем начались экзекуции: «Повстанцам предъявили ультиматум о прекращении всякого сопротивления, угрожая в противном случае «беспощадной истребительной войной», а «для примера» 17 августа варварски разрушили Лыхненский дворец, замечательный памятник гражданской архитектуры прошлого. Конфискация оружия была произведена в 63 селах, было изъято 5 667 ружей и 670 пистолетов. Жителям остальных районов Абхазии (разоружение происходило в Бзыбском округе – В. Ч.) было запрещено ношение огнестрельного оружия»[1].

Начались репрессии против активистов восстания. Военному суду были преданы 15 человек, несколько человек были повешены, десятки повстанцев были высланы в Сибирь и другие местности России. Некоторые активные участники восстания бежали в Турцию через Батум[2].

К реализации планов по выселению абхазов царские власти приступили уже сразу после подавления восстания. Например, кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский писал 27 октября 1866 года на имя начальника Кавказского горного управления Старосельского: «Одно только есть радикальное средство для устранения всякой для нас опасности со стороны Сухумского отдела – это переселение в Турцию жителей Абхазии…». На что адресат также выражал свое согласие на сие бесчеловечное предложение генерала следующим манером: «Нет возможности что-нибудь возразить против верности, сделанной вашим сиятельством…»[3].

Тогда «предполагалось, точнее, «планировалось», – уточняет Г. Дзидзария, – намерение властей выселить около 4 500 абхазских семейств. Впрочем, наше мнение о возможной за-

---

[1] Дзидзария Г.А.. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 337 – 338.

[2] Там же. С. 338.

[3] Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 349.

думке верхами спланированного еще до восстания изгнания «излишков» коренного населения из страны подтверждаются и публикациями российской печати. Например, «Российские ведомости» так и писали: «Размеры эмиграции (мягко сказано, скорее, депортации – В. Ч.) в Турцию были определены заранее»[1].

Не стеснялся в выражениях и царский наместник, откровенно заявлявший об имперских интересах за счет коренного населения: «Главная цель предположенного переселения (абхазов – Г. Д.) в Турцию состоит в удалении от пределов наших той части населения, которая заключает в себе элементы наиболее нам враждебные…»[2]. И действительно, в монографии отмечается, что на пике восстания в нем принимали участие до 20 тысяч человек, в основном из Бзыбского округа. Не менее того, а может и более, отправилось на чужбину в результате насильственной политики и практики властей империи. По данным официальных источников принудительное переселение началось в апреле 1867 года. Ясное дело, что, те же источники, число абхазов, покидавших свою родину, намеренно занижали. Только за месяц, с 18 апреля по 18 мая 1867 года, как отмечалось в донесении на имя Российского посла в Константинополе графу Н. П. Игнатьеву, « в Трапезунд на 72 каботажных турецких баркасах прибыло 10 865 человек». По сообщению от 19 июня 1867 года генерального консула России Мошнина послу Игнатьеву, «с начала переселения абхазов в Трапезунд и Самсун прибыло 14 458 человек. Прибывали они также в Синоп и другие анатолийские порты»[3].

Но некоторые деятели самодержавия и этим не довольствовались. Например, как писал А. Н. Введенский, «одно из высокопоставленных лиц… признавало необходимым уединить… беспокойный Гудаутский участок, отрезав его от осталь-

[1] Там же. С. 350.

[2] Там же. С. 350.

[3] Дзидзария Г.А.. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 353.

ной Абхазии надежным населением», для чего и «предлагало споспешествовать поголовному выселению всех жителей на пространстве между рр. Гумистою и Кодором». Более «гуманный» новый начальник Сухумского военного отдела генерал В. А. Гейман признавал, что не все абхазцы изъявляли желание выселяться. И, тем не менее, по его утверждению выселилось из Абхазии (вместе с Цебельдой) в 1867 году около 20 тысяч человек[1]. Получалось ровно столько, сколько, как отмечал Г. Дзидзария, участвовало в Лыхненском восстании в наивысшей его фазе. Наместник Кавказа 14 июля 1867 года торжественно сообщал военному министру, что «переселение абхазов, начатое в последних числах апреля, окончено в начале июня «в полном порядке»[2]. Таковыми были цинизм и нечеловеческая жестокость тех, кто планировал и отдавал распоряжения практически по уничтожению коренных народов Кавказа и присвоению их земель.

Весьма реальна оценка происходивших в то время событий, высказанная в работах известного историка А.В. Фадеева, отмечавшего, что «Махаджирство было результатом не только агитации мулл – агентов Турции, желавшей использовать абхазов в качестве «пушечного мяса» в борьбе с Россией, но, в первую очередь – результатом военно-феодальных методов колонизации, свойственных русскому царизму. Эти методы характеризуются следующим письмом Николая I главнокомандующему на Кавказе генералу Паскевичу: «Кончив одно славное дело (войну с Турцией 1829 г. – А.Ф.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных…»

Закономерны и выводы автора, в коих отмечается, что «в результате карательной политики царских генералов, подавление каждого восстания сопровождалось массовой эмиграцией абхазского крестьянства в Турцию. Кроме 20.000 чел., вы-

[1] Там же. С. 356.

[2] Там же. С. 356.

селившихся после 1855 г., волна «махаджирства» поднималась еще два раза – после восстания 1866 г. и восстания 1877 г. Всего выселилось (полагаем, что А. Фадеев ведет речь лишь о трех волнах выселения – В.Ч.) из Абхазии не менее 100.000 чел.»[1].

Но говорят же, что сила силу ломит. Когда «непримиримые» ушли, остальным абхазам, оставшимся на родине, пришлось приспособиться к новым обстоятельствам. То есть, жить и, как велели колониальные власти, «приучаться к русскому управлению».

Несостоявшаяся реформа. Русско-турецкая война. Восстание 1877 года и выселение 50 тыс. абхазов на чужбину.

Приучать абхазов к новой жизни взялся лично Российский император, решив произвести кардинальные изменения социально-экономических отношений в патриархальном абхазском обществе. Сделав определенные выводы из прошлых попыток реформирования абхазских реалий, приведших к восстанию 1866 года, к 1870 году был подготовлен документ, серьезно отличавшийся от аналогичного российского, принятого в 1860 году. В учебнике «История Абхазии. С древнейших времен до наших дней» по этому поводу отмечается следующее: «В отличие от других крестьянских реформ, где говорилось о «крепостной зависимости», в абхазской сказано лишь о «прекращений личной зависимости» (внеэкономической), так как все категории местного крестьянства являлись собственниками своей земли и в этом смысле не зависели от феодалов»[2].

Авторы указанного учебника также отмечали, что эта «реформа лишь пошатнула традиционный ритм абхазской

[1] Фадеев А.В. Избранные труды. В двух томах. Том I. Сухум, 2022. С. 299.

[2] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 263.

жизни... и то, что многие пункты реформы так и остались на бумаге»[1].

В то же время следует сказать, что эта реформа, которая почему-то упорно именуется крестьянской, хотя правильней было бы ее называть земельной реформой, поскольку в ней речь идет обо всех сословиях абхазского общества, и вызвала она у них противоречивые отклики. Недовольными оказались, как представители высшего сословия, от которых вроде освобождали крестьян, так и последние были в недоумении, полагая, что им не за что платить тот самый выкуп за свободу, коли они не являлись экономически зависимыми от феодалов. Ко всему этому еще накладывался на абхазское общество «национально-колониальный гнет» т.н. военно-народного управления краем, что выражалось в грубости, хамстве по отношению к населению властной бюрократии, которая не хотела, да и не могла понять «странное» устройство общественного и социального уклада коренного народа. И в течение десятилетия, после Лыхненского восстания 1866 года и вплоть до русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., постепенно усиливались противоречия между колониальными властями и местным абхазским обществом. Таким, примерно, образом, абхазы шли к очередной своей катастрофе – самой большой волне махаджирства, унесшей десятки тысяч семей на чужбину.

Эту ситуацию произвола по отношению к местному населению весьма точно характеризовал А. Фадеев, отмечавший: «Пустующие после махаджиров земли щедро раздавались царским офицерам и чиновникам. А для того, чтобы дать этим новым помещикам рабочую силу и чтобы разжечь национальную вражду (и этим воспользоваться для укрепления своей власти), царское правительство открыло двери в Абхазию греческим и армянским переселенцам (как и грузинским – В.Ч.)...»

«Рост табаководства сопровождался расслоением крестьянства и систематическим разорением и обнищанием его в результате эксплуатации помещиками и торговым капиталом

[1] Там же. С. 264.

(скупщики табака). Обреченное на разорение крестьянство Абхазии при первом удобном случае восстало. Это произошло в 1877 г., когда царская Россия ввязалась в новую войну с Турцией»[1].

Тогда, по сообщению начальника Сухумского отдела полковника П. Аракина, почти полностью обезлюдела центральная Абхазия от р. Псырцха до р. Кодор. Нетронутой оказалась лишь территория Самурзакани, так как ее прочно защищали русские войска. До 50 тысяч махаджиров вынуждены были в 1877 году покинуть родину[2].

К тому же за участие в восстании 1877 года оставшееся население Гудаутского и Кодорского участков было объявлено «виновным» (официально с 31 мая 1880 года)[3]. Обратим внимание на символическую параллель царского указа о «виновности» абхазов от «31 мая» – с датой окончания Кавказской войны 31 мая 1864 года. С той поры в край хлынул поток переселенцев из числа грузино-мегрелов, русских, греков, армян, расселившихся, в основном, в центральной Абхазии. Идеолог грузинского переселенческого движения Я. Гогебашвили, еще во время войны России с Турцией в 1877 году, обосновывая выгодность колонизации Абхазии грузино-мегрелами, писал: «Мингрельцы должны явиться первыми заместителями выселившихся абхазцев». Это было время, когда абхазы истекали кровью и большими массами, десятками тысяч, вынуждены были покидать родину. Осталось их в Абхазии, по переписи 1886 года, около 59 тысяч человек.

Рассматривая политическую ситуацию, сложившуюся в результате Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг. Г. Дзидзария, в частности, отмечал, что «… Результатом этой войны для Абхазии было полное разорение края и самое массовое и

[1] Фадеев А.В. Избранные труды. В двух томах. Том I. Сухум, 2022. С. 301.

[2] Там же. С. 269.

[3] Там же. С. 265 – 266.

почти исключительно насильственное переселение ее жителей в Османскую империю»[1].

Оценку событиям, связанным с процессами насильственного выселения абхазов, высказывал в своем обращении Генеральному секретарю ООН В. Г. Ардзинба (1992 г.). «С окончанием Кавказской войны (1864 г.) резко усилился массовый исход горцев с родных земель в Турцию, – отмечал он. – Переселение провоцировали и поощряли как турецкие, так и русские власти. Этот период своей истории абхазы называют «амхаджирра» (махаджирство – буквально изгнание), и до сих пор это одна из наиболее трагически переживаемых вех в исторической памяти народа. Наиболее крупные выселения абхазов происходили в 1877 – 1878 гг., когда поголовно выселялись жители Северо-Западной, Срединной и Горной Абхазии. Потомки махаджиров сейчас проживают в Турции, Сирии, Иордании и других странах Ближнего Востока, образуя многочисленную абхазскую диаспору»[2].

Выше были отмечены некоторые аспекты, связанные с причинно–следственными условиями переселенческого процесса, как на Северном Кавказе в целом, так и в Абхазии, в частности. Безусловно, что переселение происходило в принудительно-силовом русле и посему стало трагическим событием, принявшим в 19 веке массовый характер, что подтверждается многими российскими источниками. Основная доля ответственности за эти деяния лежит на российском самодержавии. Также повинна в этом и Османская (Турецкая) империя. В том сходятся как абхазские ученые, так и многие российские и зарубежные исследователи. Выдающийся абхазский историк Г. Дзидзария, отмечая роль этих указанных империй в трагедии всех горских народов и Абхазии, в том числе, также подробно и глубоко проанализировал и сопут-

[1] Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 7 – 8.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 гг. в документах. Сухум – 2004. С. 132 – 133.

ствовавшие процессу переселения причины, имевшие место внутри горских обществ, где нередко возникали противоречия и негативные тенденций, способствовавшие реализации планов внешних игроков в регионе.

Раскрывая историческую обстановку, в которой зародился вопрос о переселении коренных жителей Западного Кавказа и Абхазии, автор монографии делает вывод и о том, что самодержавие «… опасалось, что горцы Кавказа могут быть использованы против России при осложнении международной обстановки, особенно в случае новой войны с Турцией». Там же указывается, что «… вдохновителем переселения была Османская империя, которая, выступая в роли «покровителя» мусульманских народов, стремилась завлечь к себе как можно большее число кавказцев. Что касается европейских держав, отмечал далее исследователь, то их позиция в этом вопросе совпадала с турецкой, поскольку она выражала антирусскую политику»[1].

Значительное место уделяет ученый роли и месте сословных слоев абхазского общества в переселенческом движении. Основной акцент делался на то, что «… помещики, стремясь сохранить свои феодальные права и привилегии, удалялись в султанскую Турцию, в деспотическом строе которой многие из них видели идеал политического и религиозного устройства». Но беда была не в том, что они сами переселялись, речь шла об их влиянии на массы абхазских крестьян. О том Г. Дзидзария сообщал следующее: «Будучи безразличными к судьбе родины, они всячески подстрекали к переселению обманутых ими крестьян, при этом широко пользуясь бытовавшими патриархально-феодальными отношениями и родовыми институтами»[2].

Сообщая о социальной жизни абхазского общества той

[1] Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 10.

[2] Дзидзария Г.А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум – 2017. С. 11.

поры, ученый делал вывод о том, что существовавший тогда уровень развития общественных отношений сыграл отрицательную роль в консолидации народных масс, которые оказались на поводу у «вековой традиции и обычного права». Именно эти обстоятельства приводили, по мнению автора исследования, к тому, что если «влиятельное» лицо переселялось в Турцию, то за ним часто следовали не только близкие люди, но и многие псевдо родственники и зависимые крестьяне. Подчеркивалось также, что «… идея национального и государственного единства в период махаджирства не достигла еще существенного развития. То есть этническая жизнь абхазов, оставаясь в целом на уровне патриархально-феодальных отношений, не успела еще выработать прочного и единого национального самосознания»[1].

Думается, ученый всецело прав, когда отмечает и такой фактор: «Султанская Турция на протяжении веков всемерно препятствовала процессу объединения абхазских племен, как, например, и соседних адыгейских, в единое политическое целое». Впрочем, вряд ли когда-либо в истории те или иные завоеватели стремились к оной цели, ибо это было делом самих народов, чтобы как раз не попасть в ту самую зависимость. «Царизм же на Кавказе, – пишет автор, – пока преследовал, прежде всего, свои стратегические, завоевательные цели, хотя уже с конца 20-х годов и начинаются первые попытки систематической колониальной эксплуатации края. Следует также отметить, что века господства Турции в Абхазии привели, как и у некоторых черкесских племен, к ослаблению идеи государственного объединения». Исследователь для подтверждения высказанной мысли цитирует Д. И. Гулиа, отмечавшего, что в пору махаджирства отсутствие в Абхазии твердого и дальновидного национального руководителя сказалось пагубно на судьбе народа.

[1] Там же. С. 11.

Хитросплетения политики имперских и мегрельских правителей. Жертва сих интриг – владетельный князь (глава) Абхазии Келешбей. И как следствие – горькая участь сотен тысяч переселенцев…

Согласимся, что в выше отмеченных высказываниях абхазских корифеев от истории и словесности, как говорится, содержится недосказанная правда. И ведь действительно, скоропостижно не стало у абхазов в начале 19 века выдающегося лидера, что не обошлось без коварства и интриг определенных заинтересованных в том сил и персоналий, намерения и действия которых еще не исследованы со всей тщательностью. В устранении властного и харизматического главы Абхазского княжества, в первую очередь, на наш взгляд, были заинтересованы опасавшиеся его мегрельские правители. Они же и затеяли, после убийства Келешбея мегрельской агентурой (исполнители, возможно, и абхазы), водворение на княжеский престол с помощью самодержавия, Сафарбея, далеко не самого авторитетного из потомков Келешбея в среде абхазского населения, женатого, как известно, на сестре правителя Мингрелии. Полагаем, что будь законный наследник главы Абхазского княжества на месте Сафарбея, то есть в родственных отношениях с мингрельским домом, то царизм, с подачи Нино Дадиани, наверняка водворил бы того же Асланбея во власть в Абхазии. Ведь, как свидетельствуют официальные документы (донесения, рапорты и прочая переписка местных русских властей с Петербургом), вся информация о «вероломном отцеубийце» изначально шла от мингрельского владетельного дома (Нины Багратиони-Дадиани) и Сафарбея – зятя мингрельской правительницы, которая сумела втереться в доверие русским властям, самому самодержцу, коему и писала личные послания. Она, безусловно, руководствовалась тем, что с Сафарбеем во главе Абхазии спокойнее будет Мингрельскому княжеству и, возможно, спорные пограничные вопросы будут решены в пользу последней. Там же, у правителей Мегрелии, уже тогда

вызревали планы по отторжению исконного региона Абхазии – Самырзакана.

Судя по тем же источникам (письма и доклады военных и чиновников) ситуация в Абхазском княжестве, дольше сохранившем свою самостоятельность, нежели другие соседние государственные образования, была неясной для русской администрации в Закавказье. К тому времени, до прихода к власти Сафарбея, ни один царский чиновник или военный, как нам видится, не побывал в пределах Абхазского княжества. Откуда тогда быть реальными сведениям о положении тамошних дел. Ведь в Тифлисе и Санкт-Петербурге всю информацию о происходящих в Абхазском княжестве событиях, судя по архивным материалам, черпали из соседней Мингрелии. О том можно еще довольно много фактов привести, но эта тема другого разговора.

Ход же истории Абхазии в начале 19 столетия, в результате геополитического соперничества двух супердержав своего времени в лице российского самодержавия и османской империи в кавказском регионе, приобрел в основном трагический характер. Вторая половина того века стала вовсе подлинной катастрофой для абхазского этноса: страна потеряла свою самостоятельность более чем на полвека, и, как следствие того, львиная доля абхазского населения оказалась вне пределов своей родины. Вытерпев неимоверные лишения, связанные с принудительным переселением и чрезвычайно тяжелым обустройством на новом месте, потеряв при этом десятки тысяч жизней, абхазская диаспора в Турции не растворилась в инородной среде, сохранила на протяжении долгого периода основные ценности: язык, традиции и национальное самосознание. Многие современные политики и общественные деятели в Абхазии, на Северном Кавказе и Турции определяют число абхазов, абазин, убыхов и адыгов, т. е. черкесскую общину в Турецкой республике в 5 миллионов человек, из них абхазов же насчитывают – от 800 тысяч до 1. 000.000.

Сведения эти кажутся вполне реалистичными, поскольку

простые расчеты это также подтверждают. Если суммировать отмеченные выше наиболее массовые волны исхода абхазов в 19 веке, данные о которых известны из источников самих имперских организаторов переселения и авторитетных исследователей, то выходит, что в течение столетия из своей отчизны выселилось абхазов вместе с родственными племенами от 200 до 300 тыс. человек. Есть также мнение, что по зарубежным источникам было выселено абхазов до 500 тыс. человек[1].

Видный абхазский этнограф, профессор Ш. Инал-ипа в монографии «Зарубежные абхазы» приводит сведения американского историка Э. Толедано, который, опираясь на секретные донесения английских консулов в Сухум-Кале и Керчи в шестидесятых годах XIX века, пишет: «В декабре 1863 года федерация племен Абаза сдалась, и 150 тысяч из них было приказано покинуть Кавказ…»[2].

Полагаем, что под «федерацией племен Абаза» исследователь подразумевал садзов, абазин и убыхов, именно то население, которое, по сведениям официального представителя царизма Берже покинуло родину в количестве 94 тыс. человек. Берже, конечно, принижал число изгнанников, в том он и сам признавался, отмечая, что сведения эти далеки от точности. Таким образом, необходимо также учесть число тех, кто не был отражен в официальных отчетах царских чиновников, коих за весь период махаджирства, полагаем, также набиралось немалое число – не менее ста тысяч. Если прибавить сюда оставшихся на родине абхазов, то получается, что к началу 19 века все население абхазского княжества с родственными племенами «малой Абхазии» составляло от 400 до 500 тыс. жителей.

Например, В. Г. Ардзинба, касаясь проблемы махаджирства, отмечал и такой ее аспект, как количественные рамки

---

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 294.

[2] Инал-ипа Ш.Д. Труды в XI томах. Т. IV: Зарубежные абхазы. Ступени к исторической действительности. Сухум – 2017. С.17.

эмиграции в 70 годах 19 века: «В 1870-х годах Абхазия пережила этническую катастрофу, – подчеркивал Владислав Григорьевич. – Укрепление позиции России на Кавказе после окончания Кавказской войны позволило правительству ужесточить колониальную политику. Около 300 тысяч абхазов, что составляло в тот период более половины народа, были вынуждены покинуть родину и переселиться в Турцию и другие страны Ближнего Востока, где ныне проживает многочисленная и весьма влиятельная абхазская диаспора»[1].

Здесь следует уточнить, что В. Г. Ардзинба учитывал, судя по всему, всю совокупность процессов махаджирства, происходивших на протяжении десятилетий, и не только в собственно Абхазском княжестве, но и в ареале его влияния – в пределах Малой Абхазии, населенной родственными абхазскими общинами.

Отметим также, что некоторое источники, отмечая пять крупных волн исхода населения абхазского корня, иной раз опускают сведения Берже, также подтвержденные Г. Дзидзария, о той волне принудительного переселения, где речь идет о крупнейшем исходе в связи с победой самодержавия в Кавказской войне (1864 г.). Это почти сто тысяч изгнанников, а то и больше, из числа джигетов (садзов), проживавших от Гагры до Сочи, убыхов, занимавших территорию от Сочи вплоть до р. Шахе, и абазинов, живших на западных отрогах Кавказа.

Таким образом, надо считать, что на самом деле в Абхазском княжестве и в сопредельных землях, территория которого в ту пору являлась ареалом расселения абхазских и родственных племен, происходило не менее шести крупных волн переселения, (а всего, считая меньшие по количеству переселенцев, не мене десяти), вызванных, как завоевательной политикой царизма, так и сопротивлением тому абхазского народа.

Также полагаем, что если бы в процессе переселения от лишений и невзгод не погибли десятки тысяч махаджиров, то нынешнее число зарубежных абхазов составляло не мене 1,5

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 292.

– 2 млн. человек. Это примерно столько, сколько в современной Грузии насчитывается картвелов на ее востоке, также на западе – мегрелов, соседнего, на протяжении многих веков, абхазам народа. Эти мысли и цифры взяты нами не с потолка, а сформулированы на основе неоднократных личных бесед на эту тему с В. Г. Ардзинба, который и высказывал подобное мнение.

Хотелось бы также кратко заметить по поводу выводов ряда исследователей о том, что Османская империя, как и царизм, способствовала очищению Абхазии от абхазов. В чем, разумеется, нет сомнения – в том обе державы здорово преуспели. Но есть одна закавыка, которую обойти человеку сведущему не так-то просто. Вот, скажем, такое обстоятельство. За многие века т. н. турецкого засилья в Абхазии, оно, заметим, редко заходило дальше побережья. По этому поводу В. Г. Ардзинба отмечал: «В XVI – XVIII вв. в некоторых районах Восточного Причерноморья усилилось политическое влияние Турции. Часть побережья (Аджария) административно вошла в состав Османской империи. Абхазия не была в составе Турции, но по ее побережью было построено несколько турецких крепостей, в том числе Сухум-Кале. Прибрежные районы Абхазии имели торговые связи с Турцией. Небольшие группы абхазов приняли ислам, но на территории Абхазии не было мечетей, мусульманское духовенство было только из выходцев из Турции»[1].

Таким образом, наверное, правомерно суждение, что Абхазское княжество, даже при сильном турецком влиянии на протяжении 300 лет, все-таки устояло. Тогда как за несколько десятилетий безудержной экспансии самодержавия против горских народов Кавказа абхазской страны не стало, как не стало и большей части коренного населения.

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 132.

Распад Российской империи и зарождение грузинской экспансии

Следствием вековой трагедии абхазов явились процессы колонизации края пришлым элементом. По этому поводу В. Г. Ардзинба приводит такие факты: «В обезлюдевшую Абхазию хлынул поток новопоселенцев, прежде всего грузин (в основном мегрелов), а также русских, армян, греков, болгар, немцев, эстонцев и др. Абхазия быстро превратилась в полиэтнический регион, а доля коренного населения стала быстро сокращаться. Так, по посемейной переписи 1886 г. абхазы составляли 85,7%, а грузины – 6% от всего населения Абхазии. По первой Всероссийской переписи 1897 г. абхазов было уже 55,3%, а грузин – 24,4%»[1].

Это те самые факты, о которых нашим аналитикам в советскую эпоху говорить было не очень-то и удобно. Это не упрек, а констатация сложившихся в тот период реалий. При этом уточним особо, что надо отделять прошлую мрачную эпоху от последующего времени, а нынешнюю Россию – нашего союзника и стратегического партнера – от царского самодержавия.

С распадом Российской империи в 1917 году и созданием национально-государственных образований на Кавказе ситуация в абхазском крае, который все еще именовался Сухумским Округом, несколько стабилизировалась. Народ и общество, воспрянув духом, ожидали полного восстановления прав коренного народа и возрождения ликвидированного царизмом государственных институтов. Этим и занялись с необыкновенным рвением представители не столь давно народившейся абхазской интеллигенции, сразу же приступив к созданию новых государственных структур, взамен колониальной власти, отошедшей в прошлое. Тон в том задавали С. Басария, С. Ашхацава, М. Тарнава, Д. Алания, Т. Маршания, А. Шервашидзе и другие.

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 292 – 293.

Так, на съезде абхазского народа, состоявшегося в Сухуме, 8 ноября 1917 года был образован Абхазский Народный Совет (АНС) – орган государственной власти Абхазии, продекларировавший объединение Абхазии с федеративным Союзом горцев Кавказа. Как ни старались посланцы Тифлиса, в частности, грузинский социал-демократ Акакий Чхенкели и другие деятели ... «отвернуть абхазцев от этого решения, но все-таки им не удалось предотвратить решение съезда о присоединении Абхазии к Северо-Кавказскому (Горскому) государству»[1].

Надо также отметить, что первый АНС под руководством видного политического и общественного деятеля С. Басария и при содействии полномочного представителя Горской республики А. Шерипова, М. Тарнава и других деятелей горской направленности, принял Конституцию Абхазского Народного Совета и Декларацию, определявших рамки властных полномочий Народного Совета – органа власти Абхазии. Кстати, в ту пору грузины, азербайджанцы и армяне, не обладая национально- государственными институтами власти, подчинялись вначале Закавказскому Сейму, образованному Временным Правительством России, позже оказались в составе Закавказской Демократической Федеративной Республики (ЗДФР) и о свободном существовании вероятно только помышляли.

Но в Тифлисе за Абхазией и ее стремлением крепить единство с братскими горскими народами следили зорко, и, конечно же, сего желания не одобряли. Совершенно не устраивало грузинских меньшевиков намерение абхазов, отраженное Декларацией АНС, защищать свою независимость при поддержке горских народов Кавказа. В декларации съезда Совета, в частности, подчеркивалось: «Каждый народ должен четко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушении» на его свободу, в связи с чем «абхазский народ

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 301.

уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права»[1].

Не думаем, что и выступление представителя АНС А. Шерипова в Тифлисе, перед членами Национального Совета Грузии в ноябре 1917 года, обрадовало грузинские власти. Особенно тогда, когда он отмечал, что «… Абхазский народ, входящий в Союз объединенных горцев, поздравляет прекрасную Грузию с первыми шагами по пути к национальному самоопределению (получилось, что Абхазия уже самоопределилась, а Грузия на пути к тому – В. Ч.)». И далее было мало утешительного для грузинских депутатов в речи оратора, который однозначно утверждал следующее: «Абхазцы, вошедшие в Союз со своими северными братьями, уверены поэтому и в том, что в скором будущем они встретятся с благородным грузинским народом в общем союзе всех народов Кавказа. И в этом будущем союзе абхазский народ мыслит себя как равноправный член Союза объединенных горцев»[2].

Такие реалии, уже произошедшие или же которые должны состояться, причем, вне контроля Тифлиса, тамошние власти никак не устраивали. У грузинских меньшевиков были свои виды на Абхазию, и они решили форсировать события. Вначале опытные грузинские политики уговорами и гладкими речами попытались с абхазами наладить тесные контакты. Вскоре, приглашенные в Тифлис несколько абхазских депутатов АНС, вняв коварным речам своих грузинских коллег, не спросив разрешения у народа и парламента, не поставив в известность союзное Горское государство, пошли с грузинами на «мировую». То есть подписали под давлением Тифлиса наскоро составленный документ под названием Соглашение от 9 февраля 1918 года «по вопросу об установлении взаимоотношений между Грузией и Абхазией».

---

[1] Лакоба С.З. Абхазия после двух империй. XIX – XXI вв. Очерки. Москва – 2004. С. 46.

[2] Там же. С. 47.

С того самого времени и на основе этого Соглашения грузинские меньшевики, а позже и грузинские историки, обосновывали притязания Грузии в отношении Абхазии, считая ее подопечной территорией. Хотя как утверждает профессор С. Лакоба «На совещании в Тифлисе 9 февраля 1918 г. абхазская делегация во главе с князем А. Г. Шервашидзе продемонстрировала стремление иметь «с Грузией лишь добрососедские отношения как с равным соседом».

В. Г. Ардзинба в письме на имя Генерального секретаря ООН Б. Б. Гали, излагая предысторию грузино-абхазского конфликта, высказал также свое мнение и по поводу соглашения от 9 февраля 1918 года. Между Абхазским Народным Советом и Национальным Советом Грузии, – писал он, – было заключено соглашение об установлении взаимоотношений между Грузией и Абхазией, в котором Грузией были признаны границы Абхазии на территории между реками Ингури и Мзымтой[1].

Ясное дело, что в целом в соглашении трудно увидеть зависимое положение одной из сторон, в частности, Абхазии. Обратимся все же к трем пунктам Соглашения, дабы каждый читающий имел свое суждение. Так, в пункте первом отмечалось: «Воссоздать единую нераздельную Абхазию в пределах от р. Ингур до р. Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакань или что тот же нынешний Сухумский округ. В пункте втором говорилось: «Форма будущего политического устройства единой Абхазии должна быть выработана (в соответствии) с принципом национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии, созванном на демократических началах. Пункт третий уже не был столь однозначным, как первый и второй. Там предписывались определенные условия, например: «В случае если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими национальными государствами в политические договорные отношения, то взаимно обязываются иметь предварительные между собой по этому поводу переговоры».

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 гг. в документах. Сухум – 2004. С. 133.

Видимо, грузинские переговорщики полагали, что заложенный в третьем пункте замысел будет направлен на ограничение права Абхазии на суверенитет, т. е. на самостоятельные договорные отношения и, в первую очередь, с братскими народами, входившими в конфедеративный Союз объединенных горцев Кавказа (СОГК). Ведь еще до переговоров в Тифлисе, 20 октября 1917 года во Владикавказе был подписан «союзный договор» и учрежден Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (ЮВС). С 16 ноября в Екатеринодаре стало функционировать «Объединенное правительство Юго-Восточного Союза» при активном участии представителей Абхазии (вошла в Союз в виде Сухумского округа). В ЮВС входил «Союз объединенных горцев Кавказа», образовавший в ноябре 1917 г. горское правительство. В конце 1917 – начале 1918 гг. Абхазию в нем представлял Семен Ашхацава»[1].

Действительно, в тексте соглашения, состоящего из трех пунктов, не содержится правовых или иных заключений, подтверждающих зависимость Абхазии от властей Грузии. Этого обстоятельства, кстати, и не могло быть, поскольку само грузинское государство состоялось в качестве де-факто независимой Грузинской Демократической Республики несколько позже, лишь 26 мая 1918 года. Но, как полагаем, грузинские политики брали в расчет тот факт, что поскольку само подписание происходило в Тифлисе, постольку, мол, гарантом будущего самоопределения Абхазии (в тексте соглашения грузинские представители выступали как договаривающаяся сторона) является Грузия. Это, по всей вероятности, и стало основанием для грузинской властей впоследствии считать Абхазию своей, то ли подопечной, то ли автономной территорией.

Для подобных утверждений вскоре у них появились более веские основания, поскольку под давлением меньшевистского большинства второго АНС (члены Совета горской ориентации

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 300.

были в меньшинстве) была делегирована в Тифлис депутатская группа, подписавшая т. н. Договор, продиктованный властями Грузии от 8 июня 1918 года. «… В то время как АНС принял решение о заключении договора (в другой редакции) на своем расширенном заседании только 10 июня. Именно данный документ и должны были подписать 11 июня в Тифлисе обе стороны. Он состоял из восьми пунктов, и по предложению председателя АНС В. Шервашидзе его передача по прямому проводу поручалась членам Совета А. Эмухвари, М. Цава, А. Чукбар»[1].

Но, как уже отмечалось, договор был подписан в Тифлисе еще 8 июня, о чем не подозревали долгое время, как утверждается абхазскими историками, в Абхазском Народном Совете. Все же полагаем, что не ведали о том только «старые» члены АНС горской ориентации. Руководство же Совета и его меньшевистского большинство, значительную часть которого составляли также абхазы – члены грузинской социал-демократической (меньшевистской) партии, как нам думается, вполне могли быть осведомлены о подписанном документе. Давно не секрет, что в ту пору наши доморощенные меньшевики идейно и на практике поддерживали своих собратьев по партии. Приведем несколько замечаний по поводу рекомендованного АНС документа, только для того, чтобы понять насколько же худшим был договор, принятый под нажимом Тифлиса.

К примеру, третий пункт: «Внутреннее управление в Абхазии принадлежит Абхазскому Народному Совету». Выходило, что сама абхазская власть отказывалась проводить внешнюю политику, хотя являлась еще частью государства Союза объединенных горцев Кавказа.

В четвертом пункте, чтобы скрасить сдачу позиции по суверенитету, прописывается ничего не дающая Абхазии компромиссная, как нам думается, формулировка: «В вопросах внешней политики Грузия, являясь официальным представи-

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 317.

телем обеих договорившихся сторон, фактически выступает совместно с Абхазией».

Пятый пункт самым наглядным образом свидетельствует о том, что второй АНС, по крайней мере, его большинство, откровенно отказывается от элементарного суверенитета, не говоря уже о государственной независимости, предлагая такую формулировку в договоре: «Кредиты и средства, необходимые на управление Абхазии, отпускаются из средств Грузинской Демократической Республики…».

В шестом пункте, из страха перед большевиками, АНС просит у Тифлиса военной помощи, тем самым, способствуя оккупации собственной страны. Так и записано в проекте договора: «Для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение, впредь до минования надобности, Грузинская Демократическая Республика посылает отряд Красной гвардии».

И седьмой пункт звучит так, будто его продиктовали из Тифлиса: «В Абхазии Абхазский Народный Совет организует войсковые части, и необходимые для этих частей снаряжение, обмундирование и средства отпускаются Грузинской Демократической Республикой…»[1].

Таковым был документ о взаимоотношениях Абхазии с Грузией, выработанный в недрах самой АНС. Получалось, что большинство членов Совета выражали не столько интересы собственной страны, сколько проводили политику закрепления гегемонии Тифлиса над Абхазией. И, как вытекает из проекта данного Соглашения, у руководства Грузии были реальные шансы для «взятия Абхазии», что и было главной задачей правительства Ноя Жордания.

[1] О.Х. Бгажба, С. З. Лакоба. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 317 – 318.

Абхазия под властью грузинских меньшевиков

Вскоре высадились грузинские войска, запрошенные АНС, и вместо «скорейшего установления революционного порядка», генерал Мазниашвили объявил Абхазию генерал-губернаторством под своим личным начальством. Таким образом, совершенно безвольный и услужливый АНС под лидерством меньшевиков Шервашидзе, Эмухвари и сотоварищей к тому же оказался и совершенно бесправным.

С этого времени начались в Абхазии массовые репрессии. Сопротивлялась тому часть депутатов АНС, писали они, правда, в Тифлис, откуда были посланы в Абхазию каратели. Сообщали о том, что «… Великая русская революция, давшая свободу и независимость почти всем народам Кавказа, обошла маленькую Абхазию, и в нашей стране великие принципы революции совершенно заслонились произволом и насилием властей, и народы Абхазии не видели ничего, кроме карательных экспедиций, поджогов…». Далее в послании 14 депутатов (М. Тарнава, Д. Алания, М. Цагурия, и Маргания и др.) подчеркивалось, что «…так как все эти насилия производились именем Грузинского Правительства, то в Абхазской массе сложилось представление о грузинах, как… о поработителях»[1].

В таких условиях Тифлис приступает к политике и практике выдавливания из Абхазии нелояльного населения. Немало абхазов, армян, русских, не разделявших политику Тифлиса, приходилось эмигрировать из страны, большей частью в Россию, а также в Турцию или даже в европейские страны. Члены «Киараза» и большевики, те уходили сотнями на Северный Кавказ, на Кубань. Наряду с абхазскими селами, насилию и мародерству в массовом порядке грузины стали подвергать и армянское население, особенно в селах Гагрского и Кодорского участков. На то, как полагаем, был сигнал из Тифлиса о создании обстановки хаоса и неуверенности среди армян:

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 323 – 324.

чтобы последние, почти задарма продав свое жилье и усадьбы, естественно, грузинам, причем, выходцам из собственно Грузии, покидали Абхазию. Так, дабы эффективнее «взять Абхазию», наряду с военными и политическими способами, теперь начинал действовать и демографический фактор. Грузины в Абхазии, по коварным замыслам Тифлиса, должны были значительно прибавить в своем количестве, создав убедительный перевес над числом абхазов. Тогда уж точно, вероятно, так полагали грузинские стратеги, абхазы утеряют право не только на суверенное существование, но и на обещанную им Тифлисом куцую автономию.

Здесь следует отметить, что в связи тотальным выселением абхазов в 19 веке, о чем говорилось выше, еще больше, чем сельские поселения, пострадали города и местечки, оказавшиеся практически без абхазского населения. Лишь после снятия с абхазов в 1907 году т. н. «виновности», в городские поселения постепенно стали селиться абхазы. В годы засилья меньшевиков в городах и местечках края абхазы составляли подавляющее меньшинство, уступая место в этом плане русским, грузинам (мегрелам), армянам, грекам. В Сухуме – административном центре округа – была такая же картина.

В Абхазии при меньшевиках, как известно, переписи не проводилось, скорее всего, ждали прибавки населения, грузинского, разумеется. Но в 19 веке, она проводилась местной колониальной администрацией в 1897 году, когда «виновным» абхазам запрещалось, за исключением отдельных представителей высшего сословия, селиться в городах и местечках. Так, в том году в Сухуме перепись насчитала всего 144 жителя абхазской национальности из почти 8 тысячного населения Сухума. Это составило 1,8 проц. всего населения города. Кстати, считали национальность по знанию языка. По той же переписи грузин и мегрелов оказалось 30,9 проц., русских – 21,1, греков – 14,3, армян – 13,5, турок – 4.0, украинцев – 2,7 процента[1].

[1] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.) Сухум – 2017. С. 18 – 19.

Комментарии, полагаем, излишни.

Интересен и такой факт. Например, «В то время как Сухум практически не имел абхазского населения, самым этнически абхазским городом Российской империи, по семейной переписи 1886 года, был Батум. Абхазские махаджиры, осевшие в Аджарии в тот период, когда она была в составе Османской империи, проживали как непосредственно в городской черте («виновность» распространялась только на жителей Сухумского округа), так и в окружающих Батум селах… Число сельских абхазов в предместьях Батума достигало 915 человек. Численность же абхазского населения в самом городе составляла 554 человека (3,7% от населения Батума)[1].

И еще одна любопытная деталь, доказывающая, что мелкий хищник в лице грузинского колонизатора уже превосходил по алчности в деле освоения осиротевших абхазских земель более крупного собрата – царское самодержавие. К примеру, «доля уроженцев Сухумского округа, то есть Абхазии, в населении города в 1897 году составляла 22, 9 %, тогда как первую по численности группу представляли уроженцы других уездов Кутаисской губернии (36 %), … еще 2,6 % приходилось на уроженцев Тифлисской губернии. Выходцы из других губерний России (то есть, преимущественно русские, казаки – В.Ч.) составляли 19, 1 %…»[2].

Но все же, для большей ясности, приведем также перепись уже советского периода, состоявшуюся в ноябре 1922 года, которая была несравненно ближе ко времени правления в Абхазии грузинских меньшевиков. Но теперь-то ситуация была иная, в республике, хоть и договорной с Грузией, правили абхазские большевики, а вот положение с демографией оставалась почти такой же безнадежной. В Сухуме – столице абхазской республики проживало 17 426 человек, из них абхазов только

[1] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.) Сухум – 2017. С. 18.

[2] Там же. С. 20.

426 (2,4%), грузин – 21, 3%, греков – 25,6%, армян – 10,8%...[1] Таким образом, можно сказать беспощадным, махаджирство сказалось впоследствии на судьбах не одного поколения абхазов. Людского ресурса катастрофически не хватало, а известно ведь, что количество рождает качество. И в политике, и в экономике, и в просвещении и науке, творчестве...

Сравнивая данные двух переписей можно сделать выводы, что с городским населением у абхазов были серьезные проблемы и в годы меньшевистского господства в стране. А отсутствие городского населения – это показатель слабой развитости политических и социально-экономических отношений в абхазском обществе. На первом плане все еще была патриархальная деревня, там и черпали поддержку своим идеям и замыслам абхазские партийные и общественные группировки, лидеров которых абхазские крестьяне знали, как говорится, в лицо. Иначе поддержки не стало бы. Одним из таких лидеров оказался Нестор Лакоба, вокруг которого для борьбы с меньшевиками создавался костяк абхазской народной армии – «Киараз». Это импонировало руководству Кавказских большевиков, и они ввели в свой круг молодого, но уже популярного в абхазских кругах, революционера. В городских условиях известностью у большевистской организации пользовались также Ефрем Эшба и Николай Акиртава, не говоря уже о грузинах, присланных краевой организацией РСДРП (б) в Сухум для помощи местным партийцам.

В среде абхазской интеллигенции, только нарождающейся, выделялись также молодые интеллигенты – ученые, журналисты, писатели – сторонники укрепления связей с горскими народами Кавказа. Это были С. Басария, С. Ашхацава, С. Чанба, М. Тарнава, Г. Туманов и другие.

Следует отметить и такой факт, о котором принято умалчивать, что в тот период немало абхазов из числа интеллигенции примкнуло к грузинским меньшевикам. Одни были просто карьеристами, другие поверили все же, что Тифлис поможет

[1] Там же. С. 23.

абхазам со временем выстроить цивилизованное общество и соответствующее ему государственность, и отправит собратьев в «свободное» плавание. Правда, старшие «братья» прежде предложили начать с автономии, грузинского, разумеется, разлива, однако в итоге этот проект оказался по существу колонизаторским.

Вместо обещанной автономии Тифлис, пользуясь слабостью, вернее, малочисленностью абхазской политической элиты, насадил повсюду своих чиновников, прибрав к рукам все лакомые участки управления, как в центре, так и на местах. Кроме небольшого числа депутатов, почти все абхазы, за исключением подхалимов, оказались не у дел. И, как уже выше отмечалось, меньшевики все больше стали прибегать к колониальному «праву», начали «закручивать гайки»: это и генерал-губернаторство с экзекуциями населения, военно-полевые суды, десятки расстрелянных и сотни арестантов в тюрьмах Сухума и Тифлиса.

В. Г. Ардзинба, характеризуя меньшевистский период правления в Абхазии, констатировал следующее: «В Абхазии был установлен жестокий оккупационный режим. В августе и в октябре 1918 г. грузинскими властями дважды разгонялся Абхазский Народный Совет, депутаты которого неоднократно подвергались политическому террору и репрессиям. Абхазское национальное движение подавлялось, а против мирного населения были брошены карательные экспедиции грузинского правительства… В крае проводилась разнузданная шовинистическая политика»[1].

В этих крайне трагических условиях проводились также экономическая экспансия, приведшая к разграблению Абхазии, как и тайное демографическое наступление на захваченную страну. Под напором воинствующей грузинской администрации, как в Тифлисе, так и в Сухуме, сотни семей вынуждали переселяться из Абхазии в Советскую Россию, на Северный

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 293 – 294.

Кавказ, в Турцию, Грецию. Как уже отмечалось выше, из страны эмигрируют и те представители партий и движений, кои не согласны были с политикой меньшевиков, и те, кто с оружием в руках, например, большевики и их союзники, сражались с грузинскими оккупантами, но потерпели поражение в 1918 году. В такой ситуации при оккупационном руководстве в Сухуме, тайно создается демографический фонд, где аккумулируются средства из Тифлиса для скупки домов отъезжающих из разных участков края. Скупать эти дома и хозяйства при финансовой поддержке меньшевиков из Тифлиса позволяется, разумеется, только грузинам.

Надо сказать, что в годы меньшевистской оккупации абхазской страны, Грузия впервые на государственной основе активно начала вести демографическое наступление, имея целью довести численность грузин в Абхазии до такой планки, когда они стали бы здесь доминирующей нацией. Забегая вперед, отметим, что впоследствии это дело с успехом продолжили грузинские большевики. Что же касается технологии сего предприятия, она была не сложна: это власть и деньги. А все это было в руках Тифлиса, и дело стало ощутимо продвигаться. Информация о тайной деятельности меньшевиков по переселению грузин в Абхазию в 1919 году дошла до абхазских депутатов, которые и подняли тревогу.

О том, как было дело, вспоминал в своих записках Август Мартин – депутат Народного Совета от эстонской общины Абхазии. «Депутаты Тарнава, Барциц, Чанба и Аланиа, – сообщал Август Густавович, – внесли запрос о массовом заселении Абхазии выходцами из Грузии, в то время как коренным жителям отказывается в наделении землей. Отвечая на этот запрос, председатель Комиссариата князь Эмухвари, которому подчинялся земельный отдел, отрицал правдивость приведенных в запросе данных, называя их клеветой».

Далее Мартин пишет, что была создана ревизионная комиссия, которая приступила к проверке данного депутатского сигнала. И вот, что обнаружилось, когда проверили делопро-

изводство земельного отдела Комиссариата. «Застигнутый врасплох заведующий земельным отделом грузин Месхи, – вспоминал очевидец тех событий А. Мартин, – ничего не стал отрицать и чистосердечно во всем признался. Переписка между переселенческим управлением Грузии (выходит, у грузинских меньшевиков перенимали опыт Сталин и Берия, создавая недоброй памяти организацию «Абхазпереселенстрой» – В. Ч.) и земельным отделом Комиссариата Абхазии происходила исключительно на грузинском языке, работники переселенческого управления Маруашвили и Калантадзе посылали письма лично на имя Месхи. На дело переселения грузин в Абхазию Грузинским правительством была отпущена крупная сумма – десять миллионов рублей (в то время как зарплата учителя в Грузии составляла 300 рублей – В. Ч.)…».

Весьма поучительны роль и характеристика в этой ситуации главы Комиссариата меньшевика Эмухвари. Об этом Мартин писал так: «Интересно было при этой ревизии поведение Эмухвари. Когда у Месхи спросили «с ведома или без ведома Эмухвари все это делалось», тот ответил, что «Эмухвари во все был посвящен». «А Эмухвари стоял и молчал», говорится в протоколе комиссии. Когда же после этого сугубого открытия в Народном Совете Абхазии голосовалось предложение устранить Эмухвари с поста председателя Комиссариата, то голосами меньшевиков он был оставлен у власти. Меньшевики с Эмухвари были верными прислужниками оккупационных сил Грузии»[1].

Все верно. В истории абхазов немало примеров подобного рода. Вспомним тех, кто в 19 веке с оружием в руках усмирял своих собратьев по приказу колонизаторов, а иной раз за чины и звания, за те же тридцать серебряников, получаемых из царской казны. Как тот же номинальный правитель Сефербей. Кто, сговорившись с коварным врагом, подло подговаривал сородичей, бросить родину и податься на неизвестную

[1] Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель Р. Х Гожба. Сухум – 2009. С. 290.

чужбину. Немало подобных персон было в высшем сословии абхазского общества того периода.

Таковые личности, прислуживавшие верой и правдой грузинской метрополии, пребывали во власти и при меньшевиках и затем, словно переняв эстафету от своих предшественников, объявились в мрачные времена грузинских большевиков Сталина и Берия, и позже, уже в новейший период абхазской истории. Они также, наряду с идеологией и практикой метрополии, создавали большие проблемы национально-освободительному движению, которому приходилось бороться, как говориться, на два фронта. Но была и в этом определенная разница, например, при власти меньшевиков в Абхазии многие сотрудничали с ней, входили в господствующую партию не тайно, а явно, считая, что ими свершается нужное для страны дело. А вот на последнем этапе абхазского освободительного движения, во второй половине 90-х годов минувшего века, картина была иной. Кадровые питомцы метрополии, составлявшие высшее звено партийного и советского чиновничества Абхазии, создавали значительные, а, порой, в период войны, и кризисные проблемы для национального лидера В. Г. Ардзинба, но и это им преодолевалось на всех этапах руководства страной и абхазским обществом. Но это было позже.

О том же, как в бытность меньшевистской оккупации, увеличивалось грузинское население в Абхазии, и, в свою очередь уменьшалось абхазское, в том числе и за счет оттока из страны ее коренных жителей, сообщают и следующие факты. Например, ряд исследователей отмечали, что в результате переселенческой деятельности меньшевистского правительства Грузии демографическая ситуация в абхазской стране вскоре резко изменилась. Так, если население Абхазии при меньшевиках составляло 160 тыс., то в 1926 году уже 212 тысяч. Однако при этом удельный вес абхазов составлял только 26, 4%, в то же время грузин – 32,0%. Эта ситуация несомненно является «заслугой» директивы Н. Жордания «во что бы ни стало взять Абхазию», которая «успешно осуществлялась

Министерством земледелия Грузии и Переселенческим отделом при Комиссариате Абхазии во главе с Месхи…»[1].

Меньшевики или большевики: хрен редьки не слаще

Отметим, что и после прихода к власти в Абхазии большевиков, установивших советскую власть, или, скорее, диктатуру пролетариата (в стране, кстати, пролетариата, в его классическом понимании, никогда не было), также имели место процессы эмиграции. Особенно чувствительным оно было на протяжении двух десятилетий, связанных с жесточайшими репрессиями против абхазского народа, его интеллигенции, крестьянства и руководящих кадров.

Анализируя грузино-абхазские отношения советского периода, В. Г. Ардзинба, в частности, подчеркивал схожесть политики грузинских меньшевиков и большевиков по отношению к Абхазии, основная сущность которой определялась им как агрессивный грузинский национализм. По этому поводу он писал: «Установление в марте 1921 г. советской власти многими в Абхазии было воспринято как избавление от грузинских оккупантов и восстановление государственных форм жизни. Действительно, сначала большевики предоставили Абхазии свободу политического выбора, который был реализован провозглашением суверенной Советской Социалистической Республики». И затем, как отмечал Владислав Григорьевич, «… в декабре 1921 г. Абхазия под сильным нажимом Сталина, Орджоникидзе и др. вынуждена была заключить с Грузией договор, ратифицированный в феврале 1922 г., который констатировал между двумя республиками федеративные отношения. Характер межгосударственных отношений Абхазии и Грузии того периода запечатлен не только в заключенном договоре, но и в Конституции Абхазии 1925 г., в Конституции Грузинской ССР 1927 г., в которой подчеркивается, что Грузин-

[1] Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953 гг. Составители: Б. Е. Сагария, Т. А. Ачугба, В. М. Пачулия. Сухум – 1992. С. 6.

ская ССР является государством, строящемся на федеративных началах (статья 2)»[1].

«Однако коммунистическая Грузия, – констатировал ситуацию того периода В. Ардзинба, – продолжала «абхазскую политику» своих «демократических» предшественников, направленную на захват Абхазии. Имея в Москве могущественных покровителей, грузинское руководство добилось того, что 11 февраля 1931 г. ССР Абхазия была преобразована по воле Сталина в автономную республику (Абхазская АССР) и включена в Грузинскую ССР». При этом подчеркивалось, что «несмотря на понижение статуса Абхазии, даже после преобразования ССР Абхазия в Абхазскую АССР, взаимоотношения последней с Грузинской ССР с правовой точки зрения носили межгосударственный федеративный характер».

В. Ардзинба, раскрывая картину грузинской экспансии против народа и государственности абхазов, отмечал также приемы и способы проведения этой самой агрессивной националистической политики. При этом он также подчеркивал роль главы абхазской республики той поры, указывая на то, что «Сильный руководитель Абхазии Нестор Лакоба еще мог сдерживать политический натиск, однако после его устранения (был отравлен в декабре 1936 г. в Тбилиси по приказу Берия), Абхазия осталась беззащитной. Начался самый мрачный период ее истории. В конце 1930-х годов на Абхазию обрушился сталинский террор, приведший к полному уничтожению политической и интеллектуальной элиты абхазского народа…»[2].

Таковым было начало принудительной ассимиляции грузинами абхазского населения, и, как показали дальнейшие события, она подкреплялась солидной программой действий, разработанной и направляемой мозговыми центрами, как в Кремле, так и в Тбилиси. Так, «… школьное обучение детей было переведено с абхазского на грузинский язык, абхазской

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 294.

[2] Там же. С. 294 – 295.

письменности была навязана грузинская графика, исконные абхазские топонимы заменялись грузинскими, социальное продвижение лиц абхазской национальности было затруднено. Целенаправленно проводилась ассимиляторская переселенческая политика, направленная на деформацию этнодемографической структуры населения»[1], – подчеркивал В. Ардзинба.

В этом плане следует отметить, что с самого начала эпохи Нестора Лакоба и вплоть до его гибели шла отчаянная борьба за сохранение реальной численности абхазского этноса на родине. В то же время силы и возможности грузинской большевистской власти были нацелены на фальсификацию реальной картины численности абхазского населения в период переписных кампаний, с использованием различных махинаций и подтасовок грузинского ЦСУ. О накале той борьбы абхазских властей с грузинскими фальсификаторами свидетельствуют такие красноречивые факты. Так, отправленный в качестве эксперта в Тбилиси в 1927 году С. П. Басариа в своем письме на имя Н. А. Лакоба вынужден был констатировать факты неправильных действий при определении национальной принадлежности жителей Абхазии во время переписи 1926 года, доходивших до полного игнорирования опрашиваемых, которые удостоверяли свою принадлежность к абхазской нации. Таким образом, «число абхазов, доходившее в 1922 до 87 360 человек, было искусственно сокращено в 1926 году на 31 442 человека, и в материалах официальной переписи абхазов было указано лишь 55 918, число же грузин было удвоено до 67 494. Несмотря на это, в первой Большой Советской Энциклопедии 1926 года даются более правдивые цифры. По ней абхазов насчитывалось в то же время 83 794 человека, т. е. около 50% населения, а грузины составляли лишь 18 %»[2].

Как раз против такого расклада и ополчались грузинские

---

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 295.

[2] Абхазские письма (1947 – 1989). Сборник документов. Том 1. Автор предисловия и составитель И. Марыхуба. Сухум – 1994. С. 19.

националисты, пытаясь всяческими ухищрениями достичь численного перевеса на абхазской земле. В ту пору главе правительства Абхазии Н. Лакоба приходилось постоянно противостоять грузинскому натиску, что являлось непростой и весьма опасной проблемой, которая в конечном итоге завершилась физическим устранением абхазского лидера и его соратников во второй половине 30-х годов 20 века.

Характеризуя ситуацию того периода, абхазские исследователи отмечали: «Здесь, в Абхазии, мини-имперская (грузинская – В. Ч.) политика жестоко проявила свою шовинистическую сущность. Сталинско-Бериевская стратегия в этом регионе Кавказа сводилась к тому, чтобы первым мощным ударом (1937 – 1941 гг.) обезглавить абхазский народ. Для этого необходимо было вырезать политическое руководство Абхазии, почти всю абхазскую интеллигенцию и цвет крестьянства, составлявшего тогда основную часть населения. С этих шагов и началось практическое осуществление программы насильственной ассимиляции абхазов»[1].

И надо отметить, что грузинские большевики и спецслужбы за короткое время преуспели в реализации этих черных замыслов по истреблению абхазской элиты и наиболее активной части абхазского общества. Так, с июля 1937 по октябрь 1938 гг. (т.е. за год и четыре месяца) было репрессировано 2. 186 абхазов (754 из них расстреляны)[2].

Здесь надо бы отметить, что из числа репрессированных, которые были сосланы в колонии для политических заключенных, как правило, находившихся в тяжелейших психологических и физических условиях существования, выживали до конца срока далеко не все. Статистики этих потерь по Абхазии, судя по всему, не велось. Но, полагаем, что погибли в ссылке сотни абхазов, скорее, столько же, сколько было расстреляно

---

[1] Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953. Составители: Б. Е. Сагария, Т. А. Ачугба, В.М. Пачулия. Сухум – 1992. С. 4.

[2] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 369.

– не менее 700. Таким образом, можно сказать, что в объявленной вероломной войне грузинских агрессивных националистов абхазы понесли громадные невосполнимые на долгий период потери. По нашему мнению людские потери абхазов тогда составили не менее 5% от общего числа населения (до трех тысяч абхазов), что примерно равнозначно невозвратным потерям, имевшим место в грузино-абхазской войне 1992 – 1993 гг.

Точную картину того времени дал в своих заметках и американский советолог Даррел Слайдер, указав на роль Сталина и Берия в проводимых против абхазов репрессиях. «Большая часть политической истории Абхазии 1931 – 1953 гг. была под властью Лаврентия Берия, – писал он, – там явно велась спланированная политика (Сталиным – В. Ч.), руководимая Берия. Ведущие абхазские коммунисты, включая лидера абхазских большевиков Нестора Лакоба, протестовали против этих мер». Там же зарубежный исследователь подчеркивал и такое обстоятельство: «В 1937 г., спустя год после загадочной смерти Лакоба, Берия организовал чистку среди официальных лиц, обвиняя их в том, что они готовили заговор с целью убийства Сталина…».

Из сказанного им делался вывод, что «период после второй мировой войны, до смерти Сталина и Берия в 1953 г., был особенно тяжелым для абхазов, так как Берия начал кампанию явного уничтожения абхазов как этнокультурной целостности»[1].

После гибели абхазского лидера Н. Лакоба в Тифлисе и ужесточения репрессивных мер против абхазского народа, со второй половины тридцатых, вплоть до первой половины пятидесятых годов прошлого века, происходила вынужденная и негласная эмиграция сотен абхазов в различные города и регионы Российской Федерации, в другие союзные республики. В основном это были члены семей, близкие родственники, сослуживцы и друзья тех, кто попал под смертельный каток ре-

[1] Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953 гг. Указ. Соч. С. 4.

прессий. Эти люди уходили в разные уголки большой страны, чтобы спастись самим и уберечь детей от большевистских палачей, почти на корню уничтоживших лишь недавно зародившуюся абхазскую интеллигенцию, передовой слой крестьянства, управленческие кадры из среды коренного населения.

Настроения исхода, эмиграции из пределов Абхазии, испытывали многие абхазы, большей частью, конечно, из среды интеллигенции и управленцев, ежедневно ощущавшие, что над ними повис дамоклов меч репрессий, которым уже расправились с сотнями их соплеменников, товарищей и сослуживцев. Видные интеллигенты и простые труженики – все они понимали, что противостоять мощной грузинской волне уничтожения невозможно, от того не смог уберечься даже абхазский лидер Н. Лакоба, коварно загубленный совсем недавно в грузинской же столице. Значит, следовало переждать лихолетье, для некоторых лучше вдалеке от родины. Такие разговоры промеж знакомых, сослуживцев, товарищей и прочих, как раз и фиксировали посредством завербованных сексотов (секретных сотрудников) спецслужбы Грузии и Абхазии.

Об этом и многих других фактах очередного трагического периода в жизни абхазского народа сообщается из книги «Абхазский архив. XX век». Авторы издания отмечают, что собранные в книге документальные материалы сталинско-бериевского периода советской истории, создавались политической полицией (министерством Государственной Безопасности Абхазии – В. Ч.) в 40-е годы и помечены грифом «Совершенно секретно». Около полувека они хранились в одном из подразделений КГБ в Сухуме.

По ним, как отмечают исследователи, можно представить «внутреннюю кухню этого всемогущего ведомства, где, в частности, стряпались дела против тех представителей абхазской интеллигенции, которые уцелели от обвальных

репрессий 1937 – 1938 и 1941 – 1942 гг.»[1].

После тех трагических событий из Абхазии выехало в разные области и республики Советской страны немало представителей творческой и научной интеллигенции, советских и хозяйственных работников. Оставались пока еще на родине и те, кто также собирались податься в дальние края, не видя перспективы в условиях всевластия и диктата Грузии, также опасаясь очередной волны репрессий на манер тех, которые уже унесли сотни и тысячи абхазских жизней. Об этих настроениях в среде абхазской элиты и в народе как раз и доносили в МГБ десятки агентов, действовавших в Сухуме и в районах республики.

Особенно активно грузинские чекисты следили за ответственными работниками министерств и ведомств, деятелями культуры и литературы. В этом плане надо отметить пристальное внимание спецслужб к персоне видного абхазского деятеля культуры и творчества Михаила Лакербай. Его каждый шаг и любое высказывание были под контролем, им давались, как правило, антисоветские оценки и трактовки. Заметим также, что некоторыми местными журналистами и исследователями со временем высказывались соображения о якобы некоей близости и чуть ли не родственных отношениях между Л. Берия и М. Лакербай. Но, судя по ретивости работников спецслужб, всячески нагнетавших негативную атмосферу вокруг личности писателя и драматурга, эти догадки и рассуждения вряд ли имели веские основания. Подтверждением тому и десятилетний срок, на который был осужден М. Лакербай, и который он отсидел от звонка до звонка.

А тогда, еще задолго до войны, за ним плотно следили. Вот, скажем источник «Критик» в декабре 1936 года, сразу после убийства Н. Лакоба в столице Грузии, доносил: «… Лакербая, будучи в г. Тбилиси, рассказывая о настроении абхазцев, заявил: «При всех его недостатках, он все же был очень любим

[1] Абхазский архив. XX век. Выпуск I. Сост. С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Москва – 2002. С. 2.

всеми абхазцами… Потеря Лакоба для Абхазии большая…». В другом месте источник «Петров» докладывал начальству, что «в одной из бесед на общие темы, Лакербая, сожалея о смерти врага народа Н. Лакоба, и подозревая в этом Берия, – сказал: «Абхазцы никогда не простят Берия за смерть Лакоба»[1].

В ряде других донесений уже за ноябрь 1945 года отмечались такие высказывания М. Лакербай: «Теперь вовсю идет грузинизация, что нынче люди другие и атмосфера другая. В этой атмосфере можно задохнуться. С абхазцами никто не считается…». Также еще информация, где сообщается, что «под конец беседы Лакербая, обращаясь к источнику, спросил: «Как твое настроение? Не тревожит ли тебя кто-либо, советую тебе переехать и жить в большом городе (за пределами Абхазии – В. Ч.).

Эти настроения, как уже отмечалось выше, испытывали представители творческой и научной интеллигенции, советские, партийные и хозяйственные работники, частью замененные пришлыми кадрами, частью ожидающие подобного в ближайшее время.

Так, по поводу зам. Наркома просвещения Абхазии Николая Эрастовича Герия в донесении собщалось, что он «мало бывает в школах, не проявляет интереса к работе, в часы занятий в кабинете с посетителями ведет не подобающие своему положению разговоры – рассказывает анекдоты». Это и понятно – грузины ввели в абхазских школах обучение на грузинском языке, а Герия по всему, таким образом, выражал протест, готовясь, скорее всего, к отъезду из Абхазии.

Источник «Пулемет» в том же 1945-м сообщал о том, что «Герия Алексей устроился на работу в Наркомсобес (Народный комиссариат социального обеспечения – В. Ч.), но через несколько дней от работы был освобожден, получив при этом хорошую характеристику от Наркома Хашба. На вопрос источника «Почему так легко Нарком расстался с вами», Герия ответил:

[1] Абхазский архив. XX век. Выпуск I. Сост. С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Москва – 2002. С. 12.

«С 1 января 1946 года делопроизводство в Абхазии будет переведено на грузинский язык, и нам здесь делать нечего, надо заранее об этом думать, так как придется устраиваться в России. Я сейчас поеду в разведку в Сочи, Краснодар, Ставрополь и в одном из этих мест буду устраиваться, так как и Нарком тоже должен будет отсюда выехать, скорее всего, остановлюсь в г. Краснодаре, там наших три товарища уже устроились…»[1].

Источник «Рембранд» докладывал о настроениях ответственного работника П. П. Карба, который очень недоволен ситуацией и заявил, что «он своих детей вывезет в Россию». Еще один секретный сотрудник «Костров» доносил об отношении к переводу абхазских школ на грузинский язык преподавания Читанава Ш. Ш., который высказывался таким образом: «Пропали абхазские дети. Теперь большинство не будут учиться. Абхазцам трудно становится жить в Абхазии. Придется куданибудь выехать из Абхазии, т. к. все равно теперь нас абхазцев Грузия вытеснит».

Агент «Апсны» сообщал в свое ведомство о настроениях в среде творческих и научных работников. По поводу И. Лакербая отмечалось, что он систематически высказывает намерения покинуть Абхазию. В частности, приводит такие его слова: «Если бы Обком партии меня освободил от работы, я бы немедленно уехал отсюда. За последние годы Абхазия превратилась в Мингрелию…». В следующем донесении дословно повторялись слова научного сотрудника АБНИИ Г. З. Шакербая: «… Сегодня в почете грузинский язык и грузинская культура. Абхазию, как таковую с ее историческим прошлым и настоящим стерли с лица земли. Поэтому я решил уйти от научной работы… Немножко улучшу материальное положение и тогда поеду может быть в Ленинград». Следили также за Д. И. Гулиа и его сыном Георгием Дмитриевичем. Так, по поводу Г. Гулиа агент «Габескирия», бывший его заместителем в Управлении по делам искусства, писал, что «ему часто приходилось быть

[1] Абхазский архив. XX век. Выпуск I. Сост. С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Москва – 2002. С. 22.

очевидцем, когда Гулия Георгий проявлял свою ненависть к грузинской нации, допуская при этом а/с (антисоветские – В.Ч.) высказывания. В одной из бесед с ним (т.е. с агентом – В. Ч.), Гулия сказал: «Пока я буду начальником Управления, грузинский театр не увидит Сухуми…». Другой доносчик также сообщал, что «якобы Гулия собирается выехать в Москву и там хочет остаться работать»[1].

Даже по этой небольшой части чекистской информации можно сделать выводы, что десятки и сотни семей намеревались, оставив свое имущество и жилье, отправиться за пределы Абхазии. Многие так и поступили, поскольку на родине было тревожно, повсюду шел процесс укоренения грузинского агрессивного национализма, в тень, словно в небытие, загонялось все абхазское: язык, культура, образование, творчество, наука. Взрослое население, помня о судьбе Н. Лакоба и сотен его сподвижников, расстрелянных и замученных в лагерях, тревожилось не только о собственной безопасности, но, главным образом, о своем потомстве, осознавая, что грузинская репрессивная машина при случае не пощадит и абхазских детей. Ведь Сталин и Берия в недавнем прошлом сотворили то, что позволяли себе только фашисты Гитлера. Они лично санкционировали истязание в чекистских застенках несовершеннолетних абхазских юношей, которые затем были расстреляны по их же указанию.

В октябре 1937 года первой жертвой Берия стал сын Н. Лакоба Рауф. «Он был арестован первым из детей пятнадцати лет. В тбилисской тюрьме Рауф увидит мать…» – писал С. Лакоба. – И далее сообщал, что «после ареста Рауфа прошло два года. В октябре 1939 г. под стражу были взяты «опасные террористы»: Лакоба Николай (Кукуша) Михайлович, ученик 7 класса, 1922 г. рождения; Лакоба Тенгиз Васильевич, ученик 6 класса, 1924 г. рождения; Инал-ипа Николай (Кока) Константинович, ученик 6 класса, 1923 г. рождения. Все они обвинялись

[1] Абхазский архив. XX век. Выпуск I. Сост. С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Москва – 2002. С. 24 – 28.

в том, что совершили политическое преступление в 1937 г., то есть когда Н. М. Лакоба и Н. К. Инал-ипа было по 14 лет, а Т. В. Лакоба – 13 лет»[1].

Детей долго истязали, сначала в грузинских застенках, затем по «протекции» Берия все абхазские юноши были отправлены в распоряжение центрального аппарата НКВД СССР. С ними «работали» Альтман, Кушнерев, Хват и прочие самые выдающиеся костоломы и истязатели ведомства. И, как результат, «трудами» нескольких лет состряпали смехотворный обвинительный материал о создании террористической организации в Сухумской школе и намерении устранить Берия.

О событиях той поры С. Лакоба отмечал следующее: «Дело о «террористах» было заслушано 5 июля 1941 г. (в самое критическое время войны – В. Ч.) на подготовительном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В. В. Ульриха… На следующий день , 6 июля 1941 г., суд приговорил абхазских юношей к высшей мере наказания – расстрелу. В своем последнем слове Николай (Кукуша) Лакоба сказал: «Мне просить у суда нечего… Первым, 27 июля, был расстрелян Кока Инал-ипа, а на следующий день, 28 июля 1941 г, Рауф, Николай и Тенгиз Лакоба…»[2].

Истязание и уничтожение детей даже для тоталитарной власти того периода было явлением неординарным. По крайней мере, официальные документы Советской страны о том умалчивают, за исключением, однако, группы детей абхазских руководителей. Делалось это, как нам представляется с явным умыслом: с целью запугать абхазское население, тех, кто уцелел от репрессий, чтобы никому в голову не пришло оказать сопротивление планам Сталина и Берия по ассимиляции абхазов в грузинской среде. Ведь к репрессиям в тоталитарном обществе стали привыкать, а вот то же самое сотворить с детьми школьного возраста, как полагали отцы абхазского геноцида,

[1] Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй. XIX – XXI вв. Москва – 2004. С. 120.

[2] Там же. С. 118 –121.

значит, вызвать шок и страх, что по их мысли привело бы к покорности абхазский народ.

Страх, конечно, за молодое поколение присутствовал в абхазском обществе на протяжении всего периода Сталинского правления, которое, к слову сказать, как раз и держалось за счет террора и тоталитарной системы его воспроизводившей. Кроме того, абхазы, по крайней мере, многие из них, не желали участвовать в грузинизации абхазской республики. Это видно из донесений спецслужб, где отмечается большое число лиц, склонных оставить свою родину и выехать в пределы Российской Федерации, чтобы переждать лихие времена. Отметим здесь и такую деталь: ведь никто из сотен лиц, подслушанных в этих крамольных разговорах, не изъявил желания, скажем, податься в какие либо регионы Грузии, хотя не секрет, что в ту пору были и смешанные грузино-абхазские браки.

Таким образом, можно сделать выводы, что немало абхазов, по указанным выше причинам (репрессий на протяжении более чем 20 лет, процессы свертывания абхазской государственности, и, соответственно, языка, культуры, образования и прочих национальных атрибутов в тот же промежуток времени), выехало в Россию, затерявшись в ее крупных городах, большей частью в Москве. К сожалению, по этой проблеме нет статистических данных, но вполне уверенно можно отметить, что абхазская диаспора в массовом масштабе начала формироваться в России как раз во временных рамках, охватывавших вторую половину 30-х и начало 50-х годов прошлого века. Полагаем, что в то время российская диаспора абхазов уже насчитывала не менее 5 – 7 тысяч человек. Грузинские источники по этой проблеме, как правило, давали сильно искаженную информацию. В 70-х и 80-х годах прошлого века абхазская диаспора в России значительно прибавила, однако, все же она не соответствовала российским переписным данным, поскольку многие абхазы не имели постоянную прописку, в том числе и в Москве, где сосредоточилась основная масса диаспоры.

Начало 90-х: новая агрессия Грузии, и снова беженцы…

На наш взгляд, в 90-е годы прошлого столетия самой многочисленной, за исключением Турецкой, была абхазская диаспора в Российской Федерации. Тогда тысячи абхазов, как русские, армяне, греки, евреи и другие, вынуждены были покинуть свою страну в связи с войной против Абхазии (1992 – 1993 гг.), развязанной грузинскими захватчиками. Виной тому, как и в годы меньшевизма, а позже и сталинских репрессий, вновь оказался агрессивный грузинский национализм.

В одном из своих обращений к народам и государствам СНГ (23 марта 1993 г.) Верховный Совет Республики Абхазия сообщал, что в Абхазии «… идет планомерное целенаправленное уничтожение людей, сооружений, культурной и природной среды обитания. События все больше принимают форму крупномасштабной региональной катастрофы. Каждый сотый абхазец уже убит, каждый пятидесятый получил ранение. Убиты и ранены сотни русских, армян греков, украинцев, евреев, представителей других национальностей». И далее подчеркивалось: «150 тысяч человек изгнаны из своих жилищ, ограблены и стали беженцами, нашедшими временное убежище главным образом в России»[1].

Эту проблему затрагивает исследователь Н. Багапш, отмечавший следующие причины оттока населения в тот период: «Во время и после войны Абхазию покидает значительная часть русских, украинцев, греков, евреев, эстонцев и представителей других общин. В несколько меньшей степени этот процесс затронул не сильно урбанизированную армянскую общину Абхазии. Эмиграция частично затрагивает и этнических абхазов. Оккупация большей части территории страны в период войны, разрушение инфраструктуры, экономическая блокада в 1990-е годы и сопутствующие трудности вызывают значительный отток населения. Процесс возвращения в после-

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны в Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 321.

военную Абхазию этнических меньшинств начнется не сразу, и он уже не будет иметь тотального характера»[1].

Заметим в этой связи, что судьба абхазов, русских, греков и евреев, насильственно или по принуждению покинувших оккупированную территорию Абхазии, сложилась неодинаково. К примеру, если абхазы впоследствии, в основном, вернулись из Российской Федерации в Абхазию, то около 90 проц. русских и греков и 100 проц. евреев, принудительно перемещенных из оккупированных территорий Абхазии, обрели новое место проживания в России, Греции и Израиле соответственно. Точные сведения, фиксирующие уровень эмиграции тех или иных национальных общин Абхазии по причине военных действии 1992 – 1993 годов, также блокадного периода (1993 – 1999), на данный момент не известны. О числе представителей различных этносов, в том числе и коренного народа, покинувших Абхазию в указанный период можно говорить, разумеется, с оговорками, опираясь на данные советской переписи 1989 года, учета населения в 2003 году и переписи населения Абхазии в 2011 году. По этим данным, можно предположить, что абхазы, выехавшие с оккупированной территории в другие страны (около 30 т. ч.), в своем подавляющем большинстве возвращаются в Абхазию. В то же время определенная часть абхазов обосновалась и в других странах: в той же России, республиках бывшего СССР, на Северном Кавказе, также и в Грузии. Можно предположить, что число зарубежных абхазов, проживавших в пределах бывшего Советского Союза, значительно пополнилось за счет упомянутых беженцев и составляет ныне около 20 – 25 тыс. человек.

На основе анализа этнодемографических процессов по г. Сухуму, проведенного Н. Багапш, можно сделать выводы, что рост числа абхазов в столице, составивший по переписи 2011 г. свыше 42 тыс. (до войны – около 15 тыс. человек), также произошел после снятия экономических санкций правитель-

[1] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). Сухум – 2017. С. 66.

ством В. В. Путина в 1999 году. Ведь многие абхазские семьи, вынужденно покинувшие Восточную Абхазию во время войны, и оказавшиеся за пределами страны, впоследствии также пополнили число жителей г. Сухума. В то же время следует отметить, что значительное число абхазов, по тем или иным причинам, не вернулось на родину. Они как раз и пополнили указанную выше «старую» зарубежную диаспору в пределах бывшего СССР.

Иначе складывалась обстановка в других национальных общинах Абхазии. Грузинское население, покинувшее Абхазию вслед за отступавшими разбитыми войсками, практически в основном отбыло на историческую родину. За исключением большей части жителей Галского района, которые ныне в количестве около 40 тыс. человек проживают в пределах двух регионов страны – Ткуарчалском и в том же Галском. Таким образом, если грузинское население в Абхазии до войны составляло 240 тыс. человек, то по переписи 2011 года – уже только немногим более 43 тысяч. Русская община по переписи 1989 г. насчитывавшая почти 75 тыс. человек, после войны не досчиталась двух третьей русскоязычного населения (русские, украинцы, белорусы – около 24 тыс. человек). Греческое население, составлявшее по переписи 1989 г. значительную национальную общину Абхазии (14,7 тыс.), после войны насчитывала меньше 10 проц. от своей довоенной численности (1381 человек). Нами уже отмечалось, что почти 2-х тысячная еврейская община Абхазии грузинскими оккупационными властями была полностью депортирована на историческую родину – в Израиль. Таким образом, эта национальная община, учитываемая в переписях населения Абхазии не менее ста лет, по воле грузинских агрессивных националистов, перестала фигурировать в переписных листах.

Заметим также, что еврейское население при депортации было обобрано, как говорится, до нитки. В связи с этим отметим такую деталь. После войны грузинский президент Эдуард Шеварднадзе рекомендовал послом своей страны в Изра-

иль Гиви Ломинадзе, персона которого тамошними властями была категорически отвергнута. Не в последнюю очередь, как полагаем, в том сыграло роль следующее обстоятельство: власти Израиля были осведомлены о том, что вдохновителем и организатором депортации евреев Абхазии был Ломинадзе – претендент на посольскую должность, являвшийся в период грузино-абхазской войны «премьером» оккупационного правительства в Сухуме.

Думается, уместно привести здесь свидетельства об исходе негрузинского населения республики во время грузино-абхазской войны из книги «Абхазия», изданной в серии «Народы и культуры» Российской Академией наук и Академией наук Абхазии. В ней приводятся сведения о чудовищной античеловеческой политике грузинских оккупационных властей на захваченной территории Абхазии. В одном из разделов монографии сообщается о действиях грузинской стороны, вполне соизмеримых с актами геноцида и этнических чисток. Например, о том, что «… во время войны жестокий и непоправимый урон был нанесен не только абхазам (их просто расстреливали без суда и следствия – В.Ч.), но и всему многонациональному населению республики. В 1992–1993 гг. тысячи армян, греков, русских, украинцев, евреев, эстонцев, татар, турок были вынуждены либо бежать из объятой войной Абхазии, либо были насильственно выдворены из республики, порой лишь за проявление сочувствия или солидарности с абхазами. Имели место факты выдавливания целых этнических общин».

Далее в монографии приводятся сведения о конкретных преступных действиях захватчиков, которые, безусловно, не могли бы иметь место без одобрения сего грузинским правительством всемирно признанного «демократа» Э. Шеварднадзе. В частности, отмечалось, что «Абхазия лишилась практически всего еврейского населения, которое при финансовой и организационной поддержке государства Израиль было вывезено из республики (ее оккупированной части – В.Ч.). 15 августа 1993 г., из Сухумского морского порта было выдворено в

Грецию более 1200 греков – жителей Сухума и окрестных сел». Отметим, что позже это цифра значительно возросла, что нами указано выше. Таким же образом, то есть насильственно, были выдворены десятки тысяч русских, которых лишили квартир, домов и нажитого многолетним трудом личного имущества.

Весьма показательна и технология изгнания негрузинского населения, напоминавшая в определенной мере политику царских сатрапов по насильственному переселению абхазов из отчей земли в 19 веке. К примеру, авторы книги приводят следующие факты: «Как правило, выезжавших граждан грузинские военные власти выписывали с места жительства, взяв с них письменные обязательства в том, что они больше не возвратятся в Абхазию. Освободившиеся жилища передавались чужим людям, часто военнослужащим грузинской армии, которых, таким образом, поощряли к натурализации на территории Абхазии»[1].

В связи с отмеченными выше миграционными процессами, подчеркнем следующее важное обстоятельство, кардинально изменившее ситуацию в стране. А именно то, что война и блокада, несмотря на их безусловную трагичность, впервые с начала 19 века позволили абхазам обрести свободу и независимость, а также и статус полноправной титульной нации (большинство) на своей родине. В связи с этим, полагаем, справедливым будет суждение о том, что, только отринув чужеродную колониальную зависимость, можно возродиться как духовно, так и физически. О том свидетельствуют следующие факты, иллюстрирующие положение абхазов на протяжении более чем полутора столетия.

[1] Абхазы. Ответственные редакторы: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. Издание второе, исправленное. Москва – 2012. С. 113.

Технология вытеснения народа: как это происходило

Есть много заслуживающих доверия свидетельств, что численность коренного населения Абхазского княжества с этнически близкими обществами и народами (населявшими территорию от р. Ингур до р. Хоста), по сведениям современников и зарубежных источников 18 и 19 вв., составляла до махаджирства (принудительного переселения) от 400 до 500 тыс. человек. Представителей других народов, по тем же сведениям, за исключением небольшого числа мингрельцев – работников по найму, в стране не было. После присоединения Абхазии к Российской империи (1810 г.) и ликвидации ее государственности (1864 г.), ряда восстаний (в том числе 1866 и 1877 гг.) население страны в результате массового выселения потеряло свое подавляющее большинство. По данным первой Всероссийской переписи (1897 г.) абхазы составляли 55,3 % или 58 697 чел. населения Сухумского округа. Полагаем, что цифры официальной переписи сильно занижены – не менее чем на 30 – 40 тыс. человек. При этом, как сообщал академик Т. Ачугба, уже тогда за пределами Абхазии, преимущественно на Кавказе, проживала абхазская диаспора свыше 2,5 тыс. человек. В меньшевистский и советский периоды Абхазии, как отмечалось выше, доля коренного населения страны неуклонно уменьшалась. К примеру, в 1926 году абхазы составили 26,4%, а в 1989 году – 17,8%. А в промежутках между этими цифрами дело доходило и до 15 процентов, что при подобной тенденции могло повлечь необратимые процессы по свертыванию абхазской государственности и полной ассимиляции коренного народа. На это как раз и было направлено увеличение удельного веса грузинского населения за счет механического (переселенческого) прироста, доведенного в том же 1926 г. до 38%, в 1989 – до 41%. А затем уже немного оставалось до запланированной агрессивными националистами заветной цели – по полному освоению Абхазии грузинским элементом.

Процессы грузинской демографической экспансии в Абха-

зии также активно происходили в 70-е и 80-е годы 20 столетия, в бытность руководителем Грузии коммунистического лидера Э. Шеварднадзе. Но в отличие от сталинско-бериевского периода, основывавшегося на репрессивно-принудительном способе грузинизации государственных и общественно–политических структур автономии, теперь же, в отсутствие в Кремле прямого грузинского лобби, изменились формы и методы этой самой колонизации, но цель была прежней – доведение переселенческого процесса до его логического завершения.

В тот период метрополия негласно применяла и такой способ вытеснения из Абхазии коренного населения, как создание бюрократических препятствий в трудоустройстве молодых специалистов, завершивших образование в России и других республиках Советского Союза. Сотни молодых кадров по этим причинам не могли закрепиться на работе в Сухуме и других городах автономии, также получить обязательную по тем временам прописку в паспорте. К примеру, автор этих строк после окончания факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова был распределен на работу в газету «Советская Абхазия» и проработал около года в качестве корреспондента, не будучи прописанным в г. Сухуме. После завершения учебы в Высшей партийной школе, назначенный на должность ответственного работника Абхазского обкома партии, также в течение нескольких лет, до получения жилья по протекции руководства областного комитета, не был прописан по месту работы в столице республики. Если такое могло происходить с абхазами, занимавшими ответственные должности, то, наверное, нетрудно представить теперь, как сложно было обустроиться и прописаться молодым абхазским специалистам на родине.

Таким образом, грузинскими властями, контролировавшими ситуацию в Абхазии, создавались непреодолимые препоны для пополнения абхазских кадров в республике молодыми специалистами. И сотни выпускников российских вузов, также и других республик советской страны, оставались за предела-

ми своей страны Абхазии, поневоле вливаясь в абхазскую диаспору в ближнем (советском) зарубежье.

В то же время грузинские власти беспрестанно измышляли различные способы перемещения новых тысяч грузинских переселенцев на абхазскую землю. Это и передислокация, причем ничем не обоснованная, Грузинского института сельского хозяйства (ГИСХ) со всем преподавательским и студенческим персоналом из Кутаиси в Сухум, практика строительства многоквартирных домов для грузинских рабочих и инженерно-технических работников в столице Абхазии, за сотню километров от строящихся объектов Ингур ГЭСа, в чем не было никакой необходимости. В том же ряду создание двух мощных домостроительных комбинатов – в поселках Дранда и Бзыбь, также десятков строительных организаций, с почти 100 процентными грузинскими коллективами, призванными обслуживать жилищные интересы, в основном, пришлого грузинского контингента, а потребности коренного населения абхазской автономии – только по остаточному принципу. Это далеко не полный перечень форм, методов и способов демографической экспансии, проводимой грузинским партийным и советским руководством в отношении Абхазской автономии во второй половине 20 века. И надо отметить, что «достижения» в этом деле оказались не хуже, чем при сталинском режиме. Так, число переселенцев стремительно росло, например, за два десятилетия (с 1960 по 1970 гг.) грузинское население Абхазии увеличилась, в основном за счет механической прибавки, более чем на 40 тыс. человек, составив в целом по республике почти 200 тысяч. Усилиями же тбилисских организаторов экспансии, коренных жителей Абхазии, коих насчитали чуть более 83 тысяч, различными ухищрениями убавляли, определив цифру в виде прибавки за тот же 20 летний период менее 6 тысяч человек.

Новой большой бедой для абхазов могли стать и дальнейшие замаскированные планы метрополии, замыслившей не останавливаться на достигнутых успехах своей демографиче-

ской политики в Абхазии. Идеологи и практики агрессивного грузинского шовинизма, перенявшие своеобразную эстафету от меньшевиков и сталинистов, никогда не расставались с мечтой демонтировать абхазскую государственность, доведя численность грузин в автономии до максимальной планки в 80 – 90 процентов (400 – 500 тыс.). Таковой была стратегическая задача полного освоения абхазской страны, спланированная в рамках 80 – 90 гг. 20 столетия. У Тбилиси были все рычаги для реализации задуманного сценария: партийные, советские, хозяйственные структуры той поры всецело служили интересам грузинской метрополии.

Так, Совет Министров Грузинской ССР в 1976 году принимает решение, не поставив в известность руководство Абхазской АССР, в течение 20 – 30 лет переселить из внутренних районов Грузии свыше 200 тыс. человек. Эта акция, со ссылкой на некие научно-практические изыскания сотрудников института «Грузгипросельстрой», схожая, заметим, по своим задачам со зловещими деяниями сталинской эпохи, призвана была к 2000 году довершить отъем абхазской страны у коренных жителей. К тому времени русские, армяне, греки, то есть все не грузины, были бы почти полностью вытеснены из пределов республики, а сами абхазы составляли бы в таком разе не более 5 – 10 процентов. И это в лучшем случае.

Эти тайные замыслы Тбилиси по освоению Абхазии были понятны активу национально-освободительного движения и, наряду с другими проблемами, получили отражение в известном письме «Ста тридцати» в адрес Советского руководства. В нем авторы текста обращения указывали на приватный характер принятых планов по переселению больших масс из числа жителей внутренних районов Грузии. Там же отмечалось, что указанным выше постановлением Совета Министров Грузинской ССР уже в 1980 году в различные районы Абхазии должно быть переселено из Грузии около 60 тысяч человек, а к 1990 г. – 160 тысяч человек, а к 2000 году – эта цифра должна составлять 250 тысяч человек». Надо ли сомневаться в том, что при

таких темпах освоения Абхазии, жизненное пространство для коренного населения на родине к 2000 году приблизилось бы к нулю. Освободительное движение абхазов хоть и тормозило эту тенденцию, но в полной мере противостоять процессам демографической экспансии при существовавшем раскладе сил и средств метрополии и подопечной автономии не было возможности.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что отток абхазов из собственной страны в советское время (70 – 80 гг.) происходил вследствие набиравшей силу демографической экспансии властей Грузии, которая носила комплексный характер. Во главу угла ставилась задача постоянного заполнения абхазской страны грузинскими переселенцами под видом рабочих, инженерно-технических работников, студенческих, научных, преподавательских коллективов, различных предприятий и организаций, совершенно не требовавшихся автономной республике. В связи с этим возрастала плотность населения и усиливалась конкуренция на замещение тех или иных рабочих, инженерных и прочих профессий, которые, как правило, во все увеличивавшейся грузинской среде, доставались представителям коренного населения в виде исключения. На всех предприятиях столицы Абхазии пришлые грузины составляли подавляющее большинство, а в таких ведущих отраслях, как электроэнергетика, приборостроение, здравоохранение – они занимали 70 – 80 процентов, в системе строительства и железнодорожного транспорта – почти все 100 процентов.

В таких условиях молодому поколению абхазов перспектива обустройства в родной стране была почти неразрешима. Отсюда и происходил отток абхазской молодежи, в том числе и вузовской, в Российскую Федерацию, в другие республики СССР. Так формировалась в поздний советский период абхазская диаспора в республиках Советского Союза, большей частью в России. Прибавка была, конечно, и от естественного прироста «старой» диаспоры 30, 40, 50 и 60 годов, но она не являлась основным фактором увеличения числа абхазов в стра-

нах ближнего зарубежья, в том числе и в современное время. Российская перепись 2002 г. отмечала, что число тамошних абхазов составляет 11 366 человек[1].

Эти сведения, на наш взгляд, весьма неполно учитывают общее число абхазской диаспоры в России. Перепись не дает сведения о том, да это и не входит в ее функцию, что многие абхазы десятилетия находятся в России на полулегальных условиях – без прописки, часто меняя свое место работы и проживания. Полагаем, что число абхазов, находящихся в подобном положении, составляет значительную часть диаспоры в современное время. Потому нами выше отмечалось, что современная абхазская диаспора России и бывших советских республик насчитывает не менее 20 – 25 тыс. человек.

Сведения ЦСУ: реальна ли картина народонаселения страны?

Отметим и такой аспект, который, по нашему мнению, имеет непосредственное отношение к данному исследованию. Например, о том, что зарубежные исследователи явно удивлены результатами (резкой прибавкой числа коренного населения) подсчета абхазского населения в ходе учета (2003 г.) и переписи (2011 г.). В связи с этим, напомним тем, кто удивлен, что возможность самостоятельно вести учет и перепись населения Абхазия обрела лишь после победоносной войны (1992 – 1993 гг.) и выхода из колониальной зависимости грузинской «малой империи». До того, многие десятилетия, абхазы подсчитывались силами и средствами тех, кто особой расположенностью к коренному населению не был замечен. Структуры «великодержавной» метрополии, к примеру, грузинское ЦСУ, прибегали к всевозможным ухищрениям при всех переписях советского периода. И, тем самым, изымали большое число абхазов (20 – 30 тыс. человек) из общего количества. А когда такие факты становились известными (как, скажем, в случае с выдающимся

[1] Абхазы. Ответственные редакторы: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. Издание второе, исправленное. Москва – 2012. С. 477.

абхазским историком Г. Дзидзария, которого также приписали к грузинам), то фальсификаторы уходили от ответственности, ссылаясь на схожесть правописания многих абхазских и мегрельских фамилий. Так, по переписи 1989 года ухищрениями того же грузинского ЦСУ коренному населению была определена цифра в 93 тыс., реально же, как полагали сведущие информированные лица, в республике проживало не менее 120 – 130 тысяч абхазов. И это без учета абхазов Галского района (около 30 тыс. человек), записанных в одночасье грузинами в новых паспортах в 1936 году по личному указанию Сталина.

Подчеркнем также и такое обстоятельство. Никто, ни политики, ни исследователи зарубежные, как правило, не высказывали особой озабоченности по поводу того, что, абхазы, исчислявшиеся сотнями тысяч пару веков тому назад, под опекой же грузинской советской метрополии за 70 лет так и не достигли планки в сто тысяч. А вот когда за перепись коренного населения в ответе оказались сами абхазы, тогда и результаты стали иными, более реалистичными. Но, как нам кажется, и здесь сказались определенные издержки, с которыми столкнулся автор этих строк. Например, после расспросов близко живших соседей – жителей одного из проездов ул. Б. Адлейба (микрорайон Маяк в г. Сухуме), оказалось, что 10 семей не были учтены переписчиками. И таких случаев, как часто отмечают собеседники, в Абхазии наберется немалое число. Сотни абхазов, не исключено, что и тысячи, в период переписи находились в ближнем зарубежье, в основном в России, там же многие были на учебе, а другие – на заработках. Потому и выходило, что фактическая численность абхазов на родине представляется намного больше того количества, что насчитали в 2011 году отечественные переписчики (122 175 человек). Данные Википедии (135 тыс. человек), на наш взгляд, ближе к истине, нежели официальные сведения, но и они не вполне соответствуют реалиям. На основе анализа и сопоставления различных сведений и факторов по районам и городам Абхазии, указывающих на наличие в переписной компании не

учтенного населения, полагаем, что количество абхазов в своей стране на данное время (20 – 21 гг. 21 в.) составляет примерно 150 – 160 тыс. человек. Остальные национальные общины страны, вместе взятые, насчитывают примерно, с учетом той же текучей миграции, 120 – 130 тыс. человек. Таким образом, можно сделать выводы, что при образцовом проведении переписной кампании население Республики Абхазия будет исчисляться иными цифрами, нежели выше приведенные сведения ЦСУ за 2011 год (240 705 человек) – а в пределах 270 – 280 тыс. жителей.

Выше отмеченные сведения по проблеме текучей миграции абхазов в советский и пост советский периоды также подтверждаются исследованиями, проведенными в послевоенное время и зарубежными учеными. Например, Н. А. Дубова, исследуя данную проблему, указывает на следующие моменты текучей миграции из сельской местности в города Абхазии: «Следует подчеркнуть, – пишет она, – что на втором месте по притягательности после Сухума находится выезд в Россию. Многие из жителей сел работают в Сочинском регионе Краснодарского края, есть и поток миграции в центральные регионы России. Это, прежде всего, учащиеся вузов и техникумов»[1].

Весьма показательны цифры этой самой миграции по ряду крупных сел Абхазии в довоенное и послевоенное время. Особенно интенсивной была миграция, как отмечала исследователь, в 1986 – 1990 гг., к примеру, в указанное время с. Лыхны покинуло 83 человека, Дурипш – 77, Джгерду – 62, Члоу – 224. Полагаем, что подобная тенденция, в большей или меньшей мере, имела место и в других селах и городах Абхазии. Отмечая миграцию в послевоенный период с 2000 года (в течение 3 – 5 лет) по тем же селам, исследователь приводит следующие показатели: из Лыхны убыло 5 человек, из Дурипша – 8, из Джгерды – 11, из Члоу – 84. Автор ведет речь о лицах работо-

[1] Абхазы. Ответственные редакторы: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. Издание второе, исправленное. Москва – 2012. С. 480.

способного возраста (17 – 59 лет)[1].

Отмеченные выше процессы миграции из сельской местности в города республики, а также и за пределы Абхазии, можно квалифицировать в основном социально-экономической стагнацией, отсутствием необходимых преобразований, особенно в сельской местности. Основная беда – это неоправданное свертывание почти всех базовых отраслей сельского хозяйства в пост советский период: табаководства, чаеводства, цитрусоводства, животноводства, повлекшее повальное сокращение рабочих мест. Исходу сельского населения способствовало также разрушение или выход из строя созданной в советское время инфраструктуры: дорог, водопроводов, бытового, торгового, медицинского обслуживания сельского населения. Основными причинами подобного положения в республике являлись разрушительные последствия войны, долгий блокадный период, а с 2000 годов, после отмены экономических и прочих санкций правительством Российской Федерации – нерациональное и неэффективное использование российской много миллиардной помощи Абхазии. На село, которое составляло более половины населения и основу всего хозяйственного комплекса республики, выделялось из пакета социально-экономической помощи Абхазии менее 10 проц., остальная часть уходила на строительство объектов городской инфраструктуры. Такое, мягко говоря, странное планирование распределения десятков российских миллиардов, рассчитанных на поддержку народа и страны, большего эффекта не создало, зато способствовало, в значительной мере, коррумпированности чиновников высшего и среднего эшелона. А по переписи 2011 года, которая, как уже отмечалось, неполная, довольно значительная часть сельского населения убыло в города страны, также и за ее пределы. Таковы плоды неверной политики и стратегии в области подъема и развития абхазской экономики, которая много десятилетии базировалась на весь-

[1] Абхазы. Ответственные редакторы: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. Издание второе, исправленное. Москва – 2012. С. 481.

ма прибыльных отраслях сельского хозяйства республики. И сегодня в этих вопросах никаких изменений не наблюдается: со стратегическим союзником не ведутся переговоры о помощи в восстановлении чайной, цитрусовой, табачной отраслей народного хозяйства, о возможности создания рынка этой продукции в пределах России и других стран, ранее входивших в Союз ССР. Если положение дел на селе останется на нынешнем уровне, то лет через десять – двадцать сельское население может сократиться более чем наполовину, и будет составлять не более 20 – 30 процентов от числа всех жителей страны. Сотни же, а может, и тысячи, бывших сельчан, не нашедшие себе применения на родине, вполне возможно, что пополнят абхазскую диаспору России и других стран. Таков неутешительный прогноз, но об этом следует говорить открыто, и тогда, возможно, правительство обеспокоится сложившейся ситуацией и наметит меры по постепенному (поэтапному) восстановлению экономики, социальной сферы и быта абхазского села. Полагаем, что только подобные меры, возможно, приостановят отток сельского населения в города республики, как и за ее пределы, иначе наши сельчане, в отличие от горожан, явятся основным источником пополнения современной зарубежной абхазской диаспоры.

Объективные и субъективные факторы миграционных процессов прошлого, станут ли они уроком для позитивного будущего?

Итак, исходя из отмеченных выше предпосылок и движущих сил махаджирства (принудительного исхода) подавляющего большинства коренного населения абхазской страны на протяжении почти целого столетия (1810 – 1880 гг.), можно определенно заключить, что вынужденная эмиграция сотен тысяч абхазов из отчизны происходила, в основном, по объективным и субъективным обстоятельствам. Объективные предпосылки, явившиеся величайшей трагедией для абхазов,

заключались в соперничестве мировых держав того времени за обладание стратегической территорией Кавказа и его Черноморским побережьем. Здесь схлестнулись интересы Османской (Турецкой), Российской и Британской империй. Народы Кавказа оказались разменной монетой в жесточайшей борьбе между Турцией, пытавшейся отстоять свое доминирование в регионе, и Россией, жертвовавшей колоссальные людские и материальные ресурсы за обладание Кавказом и Черным морем, а также Великобританией, проводившей, как ей всегда было свойственно, политику «разделяй и властвуй». При этом британцы стравливали, и весьма удачно, двух соперников на частые и кровопролитные войны, которые нередко становились гибельными для народов, где проходил театр военных действий.

Так, в результате подобных войн и захватнической политики отмеченных империй, как отмечалось выше, народы Северного Кавказа и Абхазии оказались насильственно перемещенными с родной территории на чужбину. Десятки тысяч изгнанников гибли под натиском военной машины царизма, выполнявшей установку самодержавия об очищении территорий от ее коренных жителей. Не менее, если не больше, погибали от голода и болезней и те, кто достигал с неимоверными трудностями берега чужбины. Число изгнанников определялось многими зарубежными и отечественными исследователями от 2 до 3 млн. человек, из них абхазов, абазин и убыхов – от 400 до 500 тысяч.

Субъективными (зависящими от той или иной личности) причинами исхода, на наш взгляд, можно назвать случаи эмиграции на основе родственных отношении, или же в результате влияния аристократической верхушки, также по наущению турецких мулл и прочих агитаторов, как местных, так и имперских. Надо также отметить, что еще до военной экспансии самодержавия на протяжении сотен лет на Черноморском побережье Кавказа имели место интенсивные процессы работорговли, в чем активное участие принимали аристократия и пра-

вители местных народов и обществ. Эти негативные явления, безусловно, наносили народам Кавказа, в том числе и Абхазии, тяжелейший урон, как в плане людского ресурса, так и в моральном отношении. Но они, эти реалий, были несравнимы с катастрофическими, невосполнимыми потерями всего горского кавказского сообщества на протяжении всего трагического для него 19 столетия – времени тотального насильственного изгнания миллионов кавказцев с отчей земли.

В первой половине 20 века, начиная с меньшевистской оккупации Абхазии, наступила новая фаза испытаний для абхазского народа. В ту пору (1918 – 1921 гг.) идея и практика заселения абхазской страны грузинскими переселенцами приобретает государственную поддержку. «Во что бы то ни стало взять Абхазию», – так агрессивно и цинично формулировал политику захвата страны абхазов лидер тогдашней Грузии Н. Жордания. А затем, ко времени правления большевиков Сталина и Берия, грузинский агрессивный национализм уготовил абхазскому народу новую трагедию – быть изгнанным в Сибирские веси или же в Казахстанские степи (версия Берии), или же принять формулу Сталина о слиянии (ассимиляции) с грузинским этносом. Вождь раскусил намерения своего сатрапа, предлагавшего план выселения абхазов, на место которых он рассчитывал определить своих сородичей – мегрелов. Этот корыстный местечковый план вождем был заменен в пользу ассимиляции абхазов в недрах самой продвинутой нации на Кавказе – именно грузинской. Но прежде грузинский большевистский тандем уничтожил всю элиту Абхазии, партийно-советскую и хозяйственную номенклатуру, почти всех деятелей культуры и искусства, передовое крестьянство. Те же, кого не успели репрессировать, скрылись поспешно в бескрайних просторах России, также в Москве и на Северном Кавказе. И это трагическое время, как полагаем, есть начало основания массовой абхазской диаспоры в Российской Федерации. Тогда, в 30 – 50 - е годы, было ассимилировано до 30 тысяч коренных жителей Абхазии, репрессировано около 3 тысяч абхазов.

Столько же, по нашим расчетам, скрылось в России и других советских республиках, чтобы спасти свои жизни и обезопасить свое потомство.

«Быть или не быть абхазскому народу и его государственности?» – таковой оказалась ситуация после вероломного вторжения грузинской военщины в Абхазию в августе 1992 года. Тогда всемирно признанный «демократический» лидер Грузии Э. Шеварднадзе уверовал в то, что он со своими единомышленниками доведет до логического завершения заветную цель грузинских национальных шовинистов: раз и навсегда решит «абхазский вопрос». Это означало, ликвидировав абхазскую государственность силовым путем, зачистить Абхазию от ее коренных жителей. И вновь Абхазия понесла большие потери – людские и материальные. Три тысячи ее защитников сложили свои головы на полях сражений, многие оказались беженцами, далеко не все после войны вернулись на родину, тем самым пополнив абхазскую диаспору в республиках бывшего СССР, большей частью в Российской Федерации. Как уже отмечалось, по этому вопросу официальных данных нет. По нашим расчетам, документально не подтвержденным, число абхазов, проживающих в указанных странах, составляет не менее 20 тысяч человек. С учетом, разумеется, эмиграции в блокадный период, когда сотни, а, вполне возможно, и тысячи абхазов подались на заработки за пределы Абхазии. По нашим сведениям немало абхазов, к примеру, обосновались в дачных поселках Московской области, как и в других подобных условиях. И там они, как правило, российской переписью не отмечались. Такие факты, полагаем, не единичны.

Следует также отметить, что на государственном уровне внимание проблеме восстановления тесных контактов, разделенного в силу отмеченных трагических обстоятельств абхазского народа, стало уделяться с приходом во власть В. Г. Ардзинба в 1991 году. На начальном довоенном этапе этому способствовали поездка главы Парламента Абхазии летом 1992 года в Турецкую республику, его встречи в Стамбуле с

видными представителями диаспоры: политическими, общественными и культурными деятелями, молодежью, жителями различных городов и регионов страны, население которых в значительной мере составляли представители потомков абхазских махаджиров. Резонанс поездки оказался значительный – эта была первая за многие десятилетия встреча потомков абхазских изгнанников с руководителем их исторической Родины. В ту пору, с июля 1992 года, страна абхазов обрела независимую от Грузии Конституцию и называлась Республика Абхазия. Эти события вселили большие надежды в сердца зарубежных абхазов, многие из них задумывались о том, чтобы обрести новую жизнь на родине предков.

Однако вскоре на землю Абхазии пришла война, развязанная вероломными соседями. Военное лихолетье нарушило планы руководства страны по консолидации абхазского этноса. Главная задача тогда была одна – спасти народ и сохранить абхазскую государственность. В ином случае – Абхазия уж точно исчезла бы с карты мира. И все же, даже в тисках подобных обстоятельств, В. Ардзинба принимал меры, разумеется, на государственной основе, которые способствовали бы более тесному и регулярному общению с диаспорой за рубежом. Свидетельством тому создание постановлением Верховного Совета РА в марте 1993 года, в разгар кровопролитной войны, Государственного Комитета Республики Абхазия по делам репатриации граждан и назначение его председателя. Сессией также было утверждено положение о Госкомитете по репатриации граждан[1].

Несмотря на многие препоны послевоенного блокадного периода, отношения Абхазии с диаспорой активно развивались. Надо особо отметить, что в пору политических и экономических санкций, объявленных стране Ельцинским руководством России, представители диаспоры, с известным риском для себя, в значительной мере обеспечивали доставку и снабжение населения Абхазии продуктами и товарами. Многие в

[1] Газета «Республика Абхазия», №17 (269), 25 марта 1993 года.

тяжелые пост военные годы (от 2 до 3 тысяч потомков изгнанников, в том числе и войны – добровольцы) обосновались на исторической Родине. Ныне этот процесс несколько замедлился, но это связано, как с объективными, так и субъективными факторами.

В ряду объективных факторов, тормозящих процесс репатриации зарубежных абхазов на историческую родину, в первую очередь, необходимо отмечать военную агрессию против Абхазии, и, как результат – большие потери активного населения, разрушение экономики и инфраструктуры, послевоенная стагнация социально-экономического уклада в связи с долговременной блокадой республики.

Отметим также и субъективные факторы. Например, после признания независимости Абхазии Российской Федерацией ожидаемого подъема экономики и развития производительных сил явно не произошло. Полагаем, что тому способствовало не выверенное, явно неудачное использование средств из пакета социально-экономической помощи РФ, представляемой Абхазии после ее признания. Практически абхазское село оказалось без финансирования. Помнится, лет 10 – 15 тому назад часто рекламировали закупку нескольких десятков тракторов на всю Абхазию, тогда как в 80-е годы 20 века только колхоз «Дурипш» обладал более чем сотней единиц аналогичной сельхозтехники. И потому, в связи с подобным подходом к основе абхазской экономике, сельскохозяйственной по сути (цитрусоводство, чаеводство, табаководство, бахчевые и т. д.) – развитие сельского производства оказалось на нуле, сельчане по сей день почти на 100 проц. лишены рабочих мест. Поистине трагичным можно назвать положение, когда такие традиционные для абхазов продукты питания, как фасоль и кукуруза, в большинстве своем завозятся из Краснодарского края, а для производства молочных продуктов на Сухумский завод оттуда же поступает молочный порошок!

Даже зарубежные средства информации отмечали «нерадивость» абхазских властей по использованию российской фи-

нансовой помощи, сообщая при этом, что за восемь лет (2009 – 2016 гг.) Россия выделила Абхазии почти 37 млрд. рублей. Это больше, чем годовой ВВП (всеобщий валовый продукт) республики, который в 2015 составил 28,6 млрд. рублей, – указывал источник средства информации. Далее им же уточнялось, что «Все эти деньги тратились с нарушениями, однако громких уголовных дел возбуждено не было. Хищений аудиторы не выявили, а за неэффективное использование средств в Абхазии ответственности не предусмотрено»[1].

В связи с отмеченными фактами, напомним еще раз, что из 37 млрд. рублей помощи в целом Абхазии, развитию экономики абхазского села, где в ту пору проживала половина населения республики, не досталось и 10 проц. финансирования. На куцые средства в основном ремонтировались дороги и водопроводы, а на поддержку ведущих отраслей сельского хозяйства не поступало ни рубля. Наоборот, в те же годы из абхазского правительства поступила кощунственная рекомендация в некоторые села – приступить к вырубке чайных плантаций! Тогда же один из высоких абхазских руководителей заклеймил самую прибыльную в недавние времена чайную отрасль «колониальной культурой», от которой следует основательно избавляться в угоду новых веяний, в частности, киви и фейхоа. А тем временем рядом, в Сочинском регионе, в более сложных климатических условиях, наращивали производство чая, не считаясь с его «колониальным» прошлым.

Такое бездумное, скорее, преступное отношение к экономике абхазского села самым серьезным образом отразилось в целом по республике – уровень жизни большинства населения, за исключением «класса» чиновников и прослойки тех, кто «осилил» торговую науку, оказался значительно ниже уровня, бытовавшего в последние годы советской власти.

Понятно, что такие негативные факторы послевоенной Абхазии, как неудачная экономическая стратегия руковод-

[1] Сергей Козловский. Русская служба Би – би – си. 8 августа 2017 года.

ства страны со второй половины 2000-х годов, нерациональное использование российской финансовой помощи, рост коррупции и криминала, и, как водится в таких случаях, низкий уровень доходов населения – вряд будут привлекательными для потенциального репатрианта. Получается, что последнему на исторической родине, в основном, уготованы худшие условия жизни, нежели в стране его пребывания. Нельзя ведь забывать, что, кроме ценностей патриотизма, есть также и определенные нормы и атрибуты нормальной жизни, примеры которых ныне демонстрируют многие страны мира, в том числе и те государства, в которых проживает наша диаспора. В той же Турции средний уровень жизни граждан намного выше, нежели в нашей стране, поскольку успешна экономика, в том числе и сельская, и, соответственно, нет серьезных проблем с занятостью населения. Имеются и некоторые другие существенные проблемы, сдерживающие процесс возвращения соотечественников на историческую родину. Но об этом – в следующих главах исследования.

В данном введении сделана попытка в краткой обзорной характеристике показать основные движущие силы и процессы, послужившие выселению абхазского народа с родной отчизны, как с применением насилия, так и с помощью «мягкой силы» – обманным путем со стороны местной верхушки и иностранных эмиссаров ряда стран. В первом случае была ведущей роль двух империи, соперничество которых за обладание Кавказом и Черноморским побережьем, привело в 19 веке горские народы Кавказа, в том числе и Абхазию, к демографической катастрофе – опустошению исторических территорий коренного населения Северного и Западного Кавказа. Напомним еще раз, что эти народы, в том числе и абхазы, только лишь в период Русско-Кавказской войны лишились до 80 проц. своего населения. Выше также отмечалось, что в Абхазии, в среде коренного народа, демография продолжала ухудшаться и в советское время, особенно в период сталинско-бериевской кровавого режима, унесшего жизни тысяч абхазов из числа элиты и пе-

редового крестьянства. Более 5 тыс. из 60 тыс. абхазов (столько осталось абхазов на родине накануне ВОВ после сталинско-бериевской демографической экспансии, способствовавшей отторжению 30 тыс. абхазского населения Самурзакана – ныне Галского района) сложили свои головы в Великую Отечественную войну 1941 – 1945 гг., многие вернувшиеся умерли затем от ран. Такие потери, учитывая малочисленность абхазов на родине, не понес в тот период ни один народ, населявший Советский Союз.

Лучшие умы Абхазии, ее лидеры и интеллигенция, прекрасно представляли, что критическая демографическая ситуация является самой серьезной угрозой существования абхазского народа и его государственности. Эта «Ахилессова пята» абхазов подхлестывала неумеренные притязания соседских хищников, как крупных – в лице царизма, так и мелких – в облике агрессивных грузинских националистов. Понимая это, патриоты Абхазии еще со времени самодержавия, а также и в последующие периоды, вели активную деятельность по воссоединению всех абхазов на исторической родине. О том, о людях, самоотверженно боровшихся за возвращение, вначале абхазских изгнанников, а после – их потомков, речь пойдет ниже.

Глава I

Видные государственные и общественные деятели, представители интеллигенции Абхазии в борьбе за воссоединение абхазского народа

Проблема возвращения махаджиров в контексте борьбы абхазской интеллигенции за независимость Абхазии

Вначале отметим такую закономерность. Известно, что освободительная борьба абхазов против царизма получила точку отчета со времени известного абхазского восстания 1866 года, случившегося через два года после ликвидации российским (царским) правительством в 1864 году абхазской государственности – Абхазского княжества. Апогеем восстания стало обращение к молодому наследнику сосланного абхазского правителя Михаила возглавить абхазов и таким образом попытаться воссоздать государственность. Тогда этого не произошло, но факт противостояния колонизаторской политике царизма оказался налицо. Сотни и тысячи участников были привлечены к уголовной ответственности. Многие были повешены и сосланы в Сибирь. Среди абхазов снова набирала силу насильственная эмиграция, принявшая особенный массовый характер в ходе и после Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., сделавшей безлюдными ряд регионов Абхазии. Но прошло не столь много времени, как с начала 20 века в среде абхазской интеллигенции стали вызревать идеи о необходимости возвращения изгнанников и воссоединения разделенного народа. Таким образом, два основополагающих посыла владели умами передовых слоев абхазского народа на протяжении века – это обретение былой государственности и воссоздание прочной демографической основы народа. Освободительная идея была реализована в 1993 году по результатам грузино-абхазской войны основанием независимой Республики Абхазия под главенством великого национального лидера В. Г. Ардзинба. А вот не менее важный процесс возвращения потомков абхазских ма-

хаджиров (изгнанников) на историческую родину, несмотря на затраченные усилия в течение многих десятилетий, пока еще не стал той реальностью, при которой приходит уверенность в завтрашнем дне. Почему все же мала отдача, даже после больших усилий, приложенных к решению данной проблемы крупными абхазскими политическими и государственными лидерами, видными представителями интеллигенции, передовых слоев абхазского населения? Ответ не может быть простым и лаконичным, поскольку эту проблему успешно в мире решает лишь один народ – еврейский, кстати, также не столь давно по историческим меркам, после двух тысячелетнего периода утери родины, восстановивший свою государственность, имя ему – Израиль (1948 г.). Даже Армения, со своей большой и влиятельной диаспорой во всем мире, не смогла добиться существенных успехов в этом вопросе. За советский период, начиная с 1946 года прошлого века, она приняла около 100 тыс. соотечественников, однако прижились на родине далеко не все. Остальные разъехались по разным весям: часть обратно в страны их обитания, другие же обосновались в больших городах юга России. При этом следует отметить, что возвращение армянских репатриантов происходило в соответствии с решением Советского правительства, что, безусловно, обеспечивало им государственную поддержку. О некоторых аспектах демографической политики упомянутых народов, еврейского и армянского, расскажем в одном из разделов монографии.

У нас, естественно, более малочисленный народ, а, значит, и возможности наши выглядят скромнее. Но положение с демографией, заметим, намного сложнее и тревожнее. А прочность же суверенитета и независимости любого государства определяется, в первую очередь, состоянием коренного населения. Мы находимся у критической черты: рождаемость едва – едва восполняет естественные потери, в то же время ожидаемого притока населения из среды абхазских диаспор не случилось. Так в чем же проблема, не позволившая в полной мере организовать репатриацию потомков абхазских изгнанников

на историческую родину? – зададимся вопросом. Быть может, весьма сложную цепочку решений по репатриации наших соотечественников мы начали не с того ключевого звена, от которого зависит наибольшая отдача? Вопросы, вопросы…

Для прояснения сложившейся ситуации, может быть, будет полезным обратить внимание на накопленный опыт в этом архиважнейшем деле. Ведь к решению этой проблемы обращались давно – лучшие умы дореволюционной абхазской интеллигенции подняли этот вопрос еще более века тому назад. Так, в начале 20 столетия, в 1907 году, на всеобщем сходе по случаю снятия российским императором оскорбительного для абхазов определения – «виновный народ», перед властями самодержавия был поставлен вопрос о возвращении на родину коренных жителей Абхазии, оказавшихся на чужбине в результате русско-турецких войн в 19 веке. Это является убедительным свидетельством того, что, несмотря на многие проблемы социально-экономического характера, имевшие место в то время в абхазском обществе, вопрос репатриации братьев – махаджиров оказался наиважнейшим. Эти чаяния народа и интеллигенции также подтверждаются и тем, что, к примеру, в учебнике для абхазских школ, изданном А. И. Чукбаром и С. А. Алферовым в 1910 г., была небольшая глава «Абхазы в Турции», где подчеркивалось: «Дай Бог, чтобы все абхазы вернулись обратно и зажили одной, дружной семьей и начали на старой Родине новую жизнь»[1].

Вопрос возвращения махаджиров поднимался и во время господства грузинских меньшевиков, и в течение всего 70-ти летнего периода советской власти в Абхазии. И все же точкой отчета этой деятельности, наверное, можно считать Собрание абхазской интеллигенции в Сухуме в 1920 году, организованное видными деятелями нарождавшейся абхазской интеллигенции и политической элиты.

Время в ту пору было тревожное. В Абхазии господство-

[1] Агуажба Р.Х. Документы свидетельствуют//Абхазоведение. Труды АбИГИ. Сухум – 2013. С. 322.

вали грузинские меньшевики, обманным путем завлекшие в свои политические сети часть абхазской интеллектуальной элиты. В частности, обещанием помощи в построении в скором времени счастливого социалистического будущего, а также содействием в реализации сокровенной абхазской мечты о возвращении махаджиров на родину, во что также вначале поверили видные абхазские просвещенцы и подвижники.

Но проходило время, в течение которого грузинский режим в Абхазии все больше свирепел, наводя в абхазской стране по существу колониальный порядок. Со временем становилось понятным, что незваные пришельцы вовсе не намерены поддержать абхазов в решении их насущных проблем, в том числе и в вопросе репатриации. Таким образом, приходило осознание того, что наступает время, когда им, абхазам, самим надо брать в свои руки реализацию судьбоносных вопросов: добиваться восстановления утерянной государственности и возвращения на родину абхазских изгнанников.

В этих условиях, 12 мая 1920 года, представители общественности провели в Сухуме широкое собрание абхазской интеллигенции, целью которого предусматривалось принятие всяческих мер по разрешению проблемы возвращения на родину абхазских махаджиров и их потомков. Отметим такой любопытный факт: что, например, инициаторами собрания выступали представители различных политических воззрений. Так, в Комитет, избранный Собранием вошли видные интеллигенты и политики Д. Гулиа, А. Чочуа, М. Тарнава, Д. Алания и другие, исповедовавшие противоположные идеологические взгляды, но единые в махаджирском вопросе. В Протоколе Собрания были отражены основные направления деятельности Комитета, которому поручалось: «Сноситься с учреждениями и организациями, делать необходимые командировки, возбуждать ходатайства перед подлежащими правительствами и консульствами для необходимых дипломатических переговоров, делать всякие сборы, принимать пожертвования на пред-

мет расходов по ведению предварительных работ и т. д.»[1].

Однако во время господства в Абхазии меньшевиков эти планы реализовать было невозможно. Изредка лишь эта проблема затрагивалась отдельными депутатами АНС. В августе 1920 года на сходе населения Кодорского уезда депутат АНС В. Анчабадзе информировал, что делегация АНС в Тифлисе на встрече в Совете Министров Грузии поднимала вопрос о возвращении махаджиров, также отмечала факты переселении и заселении жителей в районах Гагринского и Гумистинского уездов без ведома Народного Совета Абхазии. Была выражена просьба «такое явление прекратить, так как свободные земли в Абхазии предназначаются преимущественно махаджирам[2]».

Подобные «явления», как скрытное переселение жителей Грузии, разумеется, продолжали иметь место все время меньшевистского засилья в Абхазии, а на протесты ее представителей Тифлисское руководство обходилось чисто формальными, ничего не значащими ответами. Например, о том, что «Махаджирский вопрос может быть разрешен только дипломатическим путем и что они сделают все возможное в этом направлении. По второму вопросу (т.е. о переселении грузин – В.Ч.) было заявлено, что таковые явления, если только имеют место, будут прекращены и переданы на расследование…»[3]. Такая вот демагогия. Кстати, о политике меньшевиков в отношении Абхазии довольно откровенно писала газета «Слово», выходившая в Тифлисе (9.11. 1920, №255), которая отмечала: «Члены оппозиции Народного Совета усматривают в переписке земельного отдела комиссариата с Тифлисом и с представителем Грузинского Национального Совета депутатом Григолия преступную закулисную политику, которая ведет к аннулированию автономии Абхазии. Поддерживают они свое мнение и тем обстоятельством, что земельный отдел комиссариата по-

[1] Там же. Стр. 326.

[2] Абхазия – Документы и материалы. Составитель – Р.Х. Гожба. С. 346.

[3] Там же. С. 346.

лучил из Тифлиса деньги на поддержку переселившихся в Абхазию селян».

В той же газете также сообщается: «Почти все члены оппозиции утверждают о преступности комиссаров и о сношениях их с центром помимо Народного Совета, и что главное преступление их заключается в том, что лучшие земли Абхазии отдаются выходцам из коренной Грузии, в то время как прошение махаджиров исчезло в Тифлисе»[1].

А меж тем, как известно, еще в 1917 году, видный грузинский политический деятель, первый председатель Национального Совета Грузии, клятвенно заверял делегатов всеабхазского съезда содействовать возвращению абхазцев – махаджиров из Турции, «говоря, что он, Чхенкели, не приедет больше в Абхазию, пока не добьется этого возвращения...»[2]. Вот так и не меньше. На деле же, как только Тифлисские меньшевики оккупировали в 1918 году абхазскую страну, они приступили к реализации программы, согласно формуле грузинского лидера Н. Жордания – «Во что бы то ни стало, взять Абхазию», ее политического, экономического и демографического освоения.

При этом следует уточнить, что с самого начала грузинской оккупации отношение абхазской политической элиты к этой ситуации было неоднозначным. Влиятельные силы коренного народа, ее видные представители из среды крестьянства, интеллигенции и высшего сословия оказали однозначную поддержку политике Тифлиса в Абхазии. Свидетельством тому архивные материалы, документы Абхазского Народного Совета. Но были и те, кто противостоял, вначале довольно робко, но позже все более смелее и жестче, оккупационной политике Грузии, облаченной в красивые демократические словеса. Расклад ситуации в АНС, составлявший 40 депутатов, разумеется, был в пользу Тифлиса. Независимые, то есть, депутаты патриотического направления, составляли подавляющее меньшинство

[1] Абхазия – Документы и материалы. Составитель – Р.Х. Гожба. С. 370.

[2] Там же. С. 39.

– вначале их было четверо, затем их число выросло до восьмерых. Как, скажем, при таком раскладе, можно было добиться решения животрепещущих вопросов абхазского общества? Например, по части обретения реальной независимости, или же в реализации такой важнейшей задачи, как возвращение на родину махаджиров? И то, и другое, на самом деле были теми основополагающими факторами, от которых зависело становление абхазской государственности и жизнеспособность абхазского этноса в условиях независимого существования. Это прекрасно понимали в грузинском центре, и делали все возможное, чтобы отвлечь абхазов от подобных идей и планов.

Так, на первом же заседании АНС представитель Тифлиса, являвшийся также и депутатом Абхазского Народного Совета, выдал в своей речи, как потом оказалось, невольно, истинное отношение метрополии к подопечной территории. Вот этот образчик шовинизма, раскрывающий отношение «старшего» брата к абхазской свободе, им же пренебрежительно закавыченной, в устах старейшего грузинского демократа: «Мы знаем стремления реакционных групп народа к «независимости», но для этого маленький народ не готов и его могут взять в руки и в рабство поработители, и из этой петли сам народ не сможет освободиться»[1].

То, что последний АНС был детищем метрополии, показывает сама картина происходивших в ее недрах событий. Так и речь Тифлисского ментора, не вызвавшая особого протеста в момент ее произношения – тому свидетельство. Хотя позже опытный старый политик сообразив, что допустил «оскорбительную вольность» в трактовке «независимости» для «маленького народа», просил редакцию газеты исправить это самое место уже в ином смысле, отмечавшим, что «стремление абхазского народа к независимому существованию вполне естественно».

И все же, судя по материалам газеты «Наше слово»(20. 03.,

[1] Абхазия – Документы и материалы. Составитель – Р.Х. Гожба. С. 186.

21. 03. 1919 г.), небольшая оппозиция, возглавляемая С. Чанба и Р. Какубава вносила определенный диссонанс в деятельность грузинских социал-демократов, составлявших большинство в Совете. В газетных отчетах, в частности, отмечалось: «И как во всяком парламенте, несмотря на засилье демократии, есть и оппозиция, состав его исключительно «социалистический»... Также удовлетворенно сообщалось: «Собрание представителей, несмотря на непризнание восемью «социалистами», горячо приветствовалось всеми партиями страны и многими организациями частного, общественного, профессионального характера»... Кавычки, проставленные выше, надо понимать как мнение редакции, что оппозиция разделяет далеко не социалистическую идеологию, тем более меньшевистского толка. Истинная же позиция абхазских депутатов – противников грузинской метрополии, для многих в политических кругах Сухума, в том числе и для редакции, судя по сему, была неприемлема.

Следующий же газетный отчет с едкой досадой сообщал: «Истинно абхазские» абхазцы, фамилии которых кончаются на «ов» и «ава» (речь, видимо, об Аджамове и Какубава – В. Ч.), показали свое лицо и пытались высокое собрание превратить в место взаимной перебранки». И вот вывод, который подтверждает, что печатное издание на стороне Тифлисских сил: «Этим они выясняют свою истинную цель: так или иначе сорвать новый Совет и на его место посадить своих давних друзей туркофилов и монархофилов». Так, обычно, в то время клеймили абхазских патриотов, пытавшихся бороться против меньшевистской гегемонии в Абхазии.

Понятно, что в таких условиях, длившихся вплоть до прихода большевиков в марте 1921 года, проблема возвращения махаджиров так и не сдвинулась с мертвой точки. Лишь изредка некоторыми депутатами делались попытки постановки вопроса об изгнанниках 19 века, но в отсутствии поддержки и полного равнодушия, такая инициатива глохла, как в недрах марионеточного АНС, так и в бюрократическом аппарате ме-

трополии. Например, еще до создания Сухумского комитета по делам махаджиров, в марте 1920 года в абхазской печати выступили по этой проблеме видные общественные и политические деятели, депутаты Абхазского Народного Совета Д. Гулиа и Д. Аланиа. По этому поводу Дмитрий Иосифович писал: «Как раньше, так и ныне абхазы сильно переживают о судьбе своих братьев и родственников, находящихся в Турции: постоянно обсуждают вопрос о том, как им вернуться обратно, и как это дело организовать. По этому делу здесь я изложу свое собственное мнение. Мы ничего не добьемся одними только собраниями и разговорами по этому поводу. Поэтому решением проблемы может явиться создание «Эмиграционного комитета», который бы ежегодно понемногу (10 – 20 дворов) осилил возвращение махаджиров, и также занимался сбором денежных средств по обустройству на новом месте, следил бы, до выяснения складывающейся ситуации по возвращению эмигрантов, за свободными землями в Абхазии, дабы они не попали во владение инородцев. Именно таким путем, думается, надо начинать решение данной проблемы»[1].

В тот же период Д. Гулиа снова делился своим мнением о том, как сдвинуть с мертвой точки животрепещущую проблему махаджирства. Он, в частности, отмечал: «Я уже не раз касался решения проблемы махаджирства, но еще раз повторюсь, что для этого нужно избрать достойных людей, необходим сбор денег для создания «Фонда», желательно также отправить человека в Турцию с миссией разобраться в намерениях махаджиров: что и как они думают по поводу возвращения, чтобы затем принять соответствующие меры. Полагаю, что и членам совета (депутатам АНС – В.Ч.) нужно озаботиться проблемами создания «Фонда». Это дело должны возглавить абхазы, думаю, после и другие окажут помощь, поскольку все грузинские партии, их руководители не раз высказывались в поддержку данной проблемы. Это были слова, но теперь, когда дойдет до дела, я, как пишущий эти строки, полагаю, они делом

[1] Апсны. №48, 13 марта 1920 года. На абхазском языке.

же окажут помощь… Нельзя затягивать, надо спешить…»[1]

Определенные надежды на сдвиги в решении судьбы абхазских изгнанников выразил в газете «Апсны» и Д. Аланиа в статье «Несколько слов по поводу проблемы махаджиров». Отметим некоторые практические меры, предлагаемые автором в ту пору по данной проблематике. Сообщая общественности, что «… из Тифлиса пришло известие о том (от «Черкесского комитета» в Стамбуле – В.Ч.), что махаджиры обратились с просьбой к правительству (Грузии – В.Ч.) о разрешении им вернуться для проживания в Абхазии, – Аланиа заключал: «И мы – абхазы обязаны сделать все возможное в разрешении этой проблемы. Я полагаю, что мы должны сделать следующее: 1) В каждом абхазском уезде созвать сходы и принять на них решения о том, что население желает возвращения махаджиров; 2) Необходимо поднять этот вопрос в народном совете (Народном Совете Абхазии – В.Ч.); 3)Нужно выделить земельные фонды для махаджиров; 4) За счет государственных средств выкупать земли и хозяйства для махаджиров у армян и греков, эмигрирующих из Абхазии; 5) Для разъяснительной работы с махаджирами отправить в Турцию абхазскую делегацию». Завершая свои предложения, Д. Аланиа отмечал, что его «скромные мысли и предложения абхазская интеллигенция внимательно обсудит и придаст им большую деловую основу». И призывал: «На то я надеюсь и о том прошу. Поймите, насколько нас – абхазов мало, настолько же слабы наши усилия во всех делах и начинаниях. Здесь у нас должны быть наши махаджиры!»[2].

В наследие от времен меньшевистского лихолетья остались, как свидетели краха иллюзии поддержки «старшего» брата, некоторые материалы, раскрывающие ситуацию по разрешению махаджирского вопроса после Общего Собрания абхазской интеллигенции, состоявшегося в мае 1920 года. Тогда были приняты несколько документов, в том числе Протокол

[1] Апсны. №(9) 47, 23 марта 1920 года. На абхазском языке.

[2] Апсны. №10 (48), 30 марта 1920 года. На абхазском языке.

собрания, Обращение к абхазскому народу и ко всем народностям, населяющим Абхазию, Сообщение Сухумского Центрального комитета по делам абхазцев – махаджиров Черкесскому комитету по махаджирским вопросам. Они – эти документы – свидетельствуют о том, что желание взяться за решение махаджирского вопроса в обществе наличествовало, но не было поддержки и помощи в том, и еще, что также немаловажно, судя по всему, те, кому поручалось это наиважнейшее предприятие, не имели понятия о путях и способах проведения этой работы.

Заметим также, что два упомянутые выше Обращения – к населению Абхазии, и то, которое было направлено в Турцию, к махаджирам, отличались по своему содержанию. В сообщении Черкесскому комитету вначале отмечается отсутствие информации между двумя частями абхазского народа. Отдельные лица из числа абхазов, совершающие поездки из Турции в Абхазию, по словам авторов сообщения, в большинстве незаинтересованные «национально-культурными и политическими вопросами, не давали никакого положительного результата в деле сближения и освещения жизни двух частей абхазского народа. Других сообщений с определенной миссией между этими частями до сих пор не было, только в данный момент посетил Абхазию г. Бутба, который и ознакомил нас с жизнью и желаниями живущих в Турции абхазцев»[1].

В принятых документах сообщается о наличии за пределами страны, в Турции, большего числа изгнанников, и что они являются жертвами войны 1877 – 1878 годов, также насилия, как российских, так и турецких властей. И что изгнанники, представляющие «большую культурную силу» и среди которых «много интеллигенции и государственных деятелей с западно - европейским образованием», имеют желание вернуться на родину в Абхазию. Говорится и о том, что на многих собраниях население Абхазии всегда выражало свое пожелание видеть своих братьев – махаджиров на родине, такие резолюции при-

[1] Абхазия – Документы и материалы. Составитель: Гожба Р.Х. С. 338.

нимались на уездных и окружных сходах, а после революции 1917 года – на крестьянских съездах всего населения Сухумского округа. Поднимался этот вопрос, – говорилось в Обращении, – всеми созывами Народного Совета Абхазии. Правительство и руководящие круги республики Грузия не только не имели что - либо против этого, но и даже приветствовали такого рода желание абхазского народа и давали обещание осуществить его при первой возможности путем дипломатических сношений[1].

Действительно, народ абхазский, выражая искренние пожелания видеть своих братьев – изгнанников вновь на отчей земле, интуитивно ощущал, что возвращение махаджиров на родину – это гарантия сохранения и становления абхазской государственности и самого этноса. А вот что касается грузинских властей метрополии и их наместников в Абхазии, что и они желали того же самого – вряд ли были основания тому верить. Уже в ту пору патриотический настроенная интеллигенция понимала, что Тифлис лелеял иные виды на Абхазию. Оттого и такие вот проволочки со стороны метрополии, дескать, при случае все решится «дипломатическим» путем. А на самом деле меньшевики давно спланировали и методично проводили демографическую экспансию. В Сухуме, то есть, те, кто писал Черкесскому комитету, разумеется, не могли не знать о том, ведь в Абхазский комитет вошли депутаты АНС, но и они соблюдали правила «хорошего тона» перед грузинскими властями. Ведь некоторые из них тогда разделяли идеологию меньшевистского толка. И пытаясь приукрасить грузинское колониальное господство, отмечали в письме, что «… Абхазия входит в состав Грузинской Демократической Республики в качестве автономной части, и как таковая она имеет свои автономные учреждения (периодически разгоняемые оккупационными властями – В. Ч.), избранные на основе всеобщего избирательного права». В то время как отстаивали реальную

[1] Агуажба Р.Х. Документы свидетельствуют//Абхазоведение. Труды АбИГИ. №7-8. Сухум, 2013. С. 326 – 327.

свободу абхазской государственности всего восемь абхазских «независимцев» из депутатского корпуса, насчитывавшего сорок человек. Вряд ли соответствовали истине и другие сообщаемые за море сведения. К примеру, то, что «… в каждой абхазской деревне имеется начальная школа с преподаванием на абхазском языке; имеются также, исключительно для абхазцев, два училища (в Сухуме и в селе Лыхны) повышенного типа после начального образования (влачили жалкое существование при меньшевиках – В. Ч.), также три училища в Сухуме, Очамчирах и Гудаутах …». Для полноты картины всеобщего благоденствия далее следовал следующий пассаж о том, что «Для всех абхазских школ и высших начальных училищ имеется достаточное количество учителей – абхазцев; кроме того имеются еще абхазцы – интеллигенты и других профессии: доктора, юристы, инженеры, офицеры и др.».

И все же иной раз даже сквозь официоз на потребу меньшевистским властям пробивалась сермяжная правда. Например, в выводе Обращения, в котором с горечью констатируется реалистичная ситуация: «Отношение абхазского народа и правительственных властей (Грузии – В.Ч.) к махаджирскому вопросу до сих пор остается неизменным. Но, тем не менее, вопрос находится до сего времени в стадии первоначального положения. Никем дальше слов ничего не сделано для практического разрешения вопроса. Хотя бы были приняты какие – ни будь подготовительные меры. Наоборот, мы видим только, что с каждым днем разными обстоятельствами незаметно затрудняется возможность осуществления в будущем справедливого желания абхазцев»[1].

Совершенно правдив вывод о том, что создавшаяся ситуация делает проблематичным в дальнейшем осуществить возвращение изгнанников. Не сказано лишь о причине такой коллизии, кому это на руку, но заявить о том многие из абхазской элиты не решались, в том числе и члены Комитета, поскольку

[1] Агуажба Р.Х. Документы свидетельствуют//Абхазоведение. Труды АбИГИ. №7-8. Сухум, 2013. С. 327.

все еще лелеяли надежды на помощь и поддержку Тифлиса, в том числе и по махаджирскому вопросу.

Здесь надо понимать, что абхазы той поры не имели возможности предложить для обсуждения этой проблемы, как международными организациями, так и правительствами тех или иных стран. Этими внешне политическими функциями одностороннее, при согласии марионеточного АНС, наделил себя Тифлис. Грузинские власти не лишены были возможности хотя бы поставить вопрос об абхазских изгнанниках или сделать такую попытку во многих случаях: например, на Парижской мирной конференции в 1919 году, лоббировать эту проблему перед своими германскими, а позже, британскими союзниками, которые, заметим, всегда имели сильное влияние на Турцию. С которой, кстати, Грузия в 1918 году вынуждена была подписать договор «о мире и дружбе», по которому Турции отходили такие территории, как Батум и Батумская область, Ахалкалакский и часть Ахалцихского уездов. Так что при доброй воле Чхенкели и его коллеги – грузинские меньшевики – могли бы проявить дипломатические усилия для того хотя бы, чтобы продемонстрировать абхазам: они, дескать, помнят о данном обещании поспособствовать возвращению махаджиров. Но в этом у них уже не было надобности: они оккупировали абхазскую страну, установили военно-полицейский режим, им прислуживало марионеточное правительство. Такая ситуация позволяла ускоренными темпами направлять социально-политические, экономические и демографические процессы к интеграции безвластной Абхазии в лоно грузинской метрополии.

Комитет по махаджирам, куда вошли уважаемые депутаты АНС, представители интеллигенции, наверняка был растерян в таких условиях, и, кроме общих фраз и ни к чему не обязывавших установок, конкретной программы действий предложить не мог. Вот и обращался он с горячим призывом к населению Абхазии, в особенности к абхазам, а также ко всем учреждениям и организациям прийти на помощь Комитету морально и

материально для успешного выполнения возложенных на него великих задач по объединению обиженного русским царизмом народа абхазского. И в заключение предлагалось, всем сочувствующим, даже в отсутствие планов или каких -либо путей и способов развертывания деятельности по возвращению изгнанников, жертвовать, кто, чем может, в пользу махаджиров. Тут же следовало назидание тем же абхазам, что оказание ими материальной помощи Комитету в его работе является священной их обязанностью.

Обращение Комитета к населению, безусловно, затронуло души и сердца многих людей, склонных считать справедливым и законным вопрос возвращения на родину насильственно перемещенных в свое время абхазов. Но только лишь воззваниями и обращениями, в отсутствие четко очерченной программы действий, вряд ли можно было бы принести какую - либо пользу поистине великому делу по объединению разделенного народа, испытавшего трагическую участь насильственного выселения на протяжении десятилетий 19 века. Впрочем, ждать успешных дел по проблеме репатриации абхазских изгнанников в той ситуации и при тех действующих во власти лицах, как самой метрополии, так и ее подопечной территории, было бы неоправданным заблуждением. Какие успешные дела могли бы вестись в тенетах враждебной оккупации, когда грузинскими меньшевиками ставилась задача освоения страны и народа абхазского, а уж никак не укрепление и дальнейшее развитие его за счет репатриации абхазов из-за рубежа.

В том, конечно, уже не сомневались здравомыслящие абхазские интеллигенты, политики и общественные деятели. Отсюда, полагаем, и берет начало переход многих из них на позиции большевиков, с приходом которых они увязывали решение таких кардинально важных задач, как обретение свободы и независимости, так и возвращение собратьев – изгнанников на родную землю.

Абхазские большевики – за возвращение махаджиров

Колониальное засилье грузинских меньшевиков завершилась в марте 1921 года, когда Абхазия восстановила утерянную государственность в форме Социалистической Советской республики. Меньшевистская диктатура сменилась большевистской властью, возглавляемой Е. Эшба, Н. Лакоба, Н. Акиртава. Казалось, пришло то самое время, когда проблема возвращения махаджиров на исконную родину теперь уж точно получит свое разрешение. Тем более что абхазские лидеры прекрасно осознавали таковую необходимость: во-первых, это было бы восстановлением исторической справедливости, во-вторых, что также было архи важно, тем самым оказывалась поддержка молодой абхазской государственности – подпитка ее людскими ресурсами. В том Абхазия особенно нуждалась: абхазы уже пребывали в собственной стране в подавляющем меньшинстве, в столице республики, как и в некоторых районах, коренных жителей было катастрофически мало. Основная причина тому, как отмечалось в предыдущей главе – вынужденная миграция коренного населения, взамен которого за минувшие несколько десятилетий абхазская земля в массовом порядке заполнялась переселенцами – грузинами, мегрелами, греками, армянами, русскими, евреями и прочими народами, коим выказывало благоволение и доверие российское самодержавие. Таким образом, абхазы, составлявшие в середине 19 века 100 процентов населения страны, после исхода сотен тысяч изгнанников, к концу столетия, уже насчитывали 58,7 тыс. человек или 55,3%. Это соотношение продолжало ухудшаться и позже, также и в советское время. Такое, однако, происходило не по причине абхазской эмиграции, а за счет постоянно увеличивавшегося потока иноземного населения. Представители сего пришлого населения, в основном, оседали в городах и в некоторых районах страны, ими же почти на сто проц. был населен г. Сухум – столица ССР Абхазии. По переписи 1922

года в Сухуме проживало 17426 человек, в том числе 426 (2,4%) абхазов, 4992 (28,7%) грека, 4467 (25,6%) русских, 3706 (21,3%) грузин, 1889 (10,8%) армян, 1012 (5,8%) евреев…[1]

В то же время Абхазия, усилиями Е. Эшба и Н. Лакоба, при поддержке В. И. Ленина, почти год являлась независимой и от России, и от Грузии республикой, затем, около 10 лет, «союзным», т. е. «договорным», с Грузией государственным образованием. Такой вот формат был определен вначале, чтобы затем постепенно подготавливать почву для вхождения Абхазии в состав Грузии на правах автономии, скорее, по определению С. Лакоба, на ее полном бесправии. Вместе со снижением государственного статуса, в стране быстро понижалась и доля абхазского населения. Как отмечалось выше, в некоторых районах и в столице абхазов было крайне мало. Стоит, наверное, представить себе: как трудно было абхазским лидерам отстаивать формат независимой страны, также и «договорной» с Грузией, формы государственного устройства, предложенного Сталиным и закавказскими большевиками в ответ на ожесточенное сопротивление Эшба и Лакоба планам автономного вхождения Абхазии в состав Грузии. Ведь неспроста же, как это отмечают многие историки, абхазские руководители считались большими интернационалистами, можно сказать их интернационализм, по сравнению, скажем, с тем же грузинским, просто перехлестывал через край. А как было бы иначе, коли твой народ, представляющий страну, в ней же в подавляющем меньшинстве. Вот и старались и Эшба, и Лакоба, быть, как говорится, «святее» в этом деле своих даже вышестоящих партийных товарищей. В то же время исторические материалы не содержат, по всему, таких сведений, как Нестор, разъезжая по горным абхазским селам, прямо-таки упрашивал тамошних жителей перебираться ниже, на плоскости, более удобные для проживания и ведения сельхозработ. И еще более веская причина была в том, чтобы каким-то образом приостановить

[1] Багапш Н.В. Этнодемографические процессы в Сухуме. АбИГИ. Сухум – 2017. С. 23.

поток переселенцев из Грузии, коих и устраивали за государственный счет на удобных, стратегически важных, равнинных землях. Но, к сожалению, убедить абхазцев покинуть родовые очаги оказалось делом неподъемным, а вот мегрелам и грузинам это давалось довольно легко. И демографическая картина уже при Несторе Аполлоновиче складывалась безрадостная для абхазов. Некоторые аналитики упрекают абхазских руководителей в уступчивости в принятии тех или иных решений, не замечая в то же время реальную ситуацию того периода. Вот, скажем, партийные и советские органы, не говоря уже о хозяйственных и экономических структурах. Везде абхазы в меньшинстве: в областном партийном комитете, в его президиуме, а позже и бюро, в райкомах, в подразделениях Совнаркома и ЦИКа.

Для пущей убедительности такой простой, в то же время, весьма показательный для ситуации той поры, пример: 11 февраля 1931 года, в Сухуме проходит шестой съезд Советов Абхазии. Принимается решение о преобразовании «договорной» ССР Абхазии в автономную республику, о ее вхождении в состав Грузии на правах автономной республики. Отдельные абхазы бурно протестуют, среди них С. Ашхацава, исключенный за то из партии, а партийный и советский интернационал, то есть большинство сессии, в то трагическое время бурными аплодисментами, под крики «ура», приветствует понижение статуса абхазской страны. Зададимся вопросом – а потеряла бы так запросто свой статус Абхазия, коли ее судьбу решало большинство съезда из числа коренного населения? Полагаем, что сделать это было бы не столь легко.

Уже с середины 20-х годов прошлого столетия советский руководитель Абхазии Н. Лакоба стал все отчетливей осознавать, что с каждым годом все трудней будет сдерживать грузинский натиск на Абхазию, на абхазский народ, учреждения науки, культуры и духовной жизни этноса. Абхазский лидер, даже имея большие связи в кругах советского руководства, не поспевал все же со своей охранительной деятельностью, не

мог защитить всех и вся в республике. Деятельность Н. Лакоба, каждое его слово, как и действие, было под контролем партийных органов, спецслужб, подчиненных Тифлису и Москве. Туда шли справки и доносы по партийной линии, охранка же сообщала в центр о действиях абхазского руководителя по своим каналам. Не оказалось ни одного секретаря Абхазского обкома партии с начала двадцатых по 1936 годы, за исключением периода В. Ладария, которые не писали жалоб и доносов по поводу деятельности Лакоба. Больше всего нареканий приходилось на факты принятия решений независимо и самостоятельно, без обсуждения с руководителями партийных органов, которые, по существу, являлись проводниками грузинской политики и практики в Абхазии. Людского ресурса во всех сферах жизни республики, на что Нестор мог бы твердо опираться, доверять и поверять свои планы и замыслы, почти не ощущалось. Это касалось и партийных, советских и хозяйственных кадров, учреждений науки и культуры, да и просто жителей из числа абхазов в двадцатитысячном Сухуме было ничтожно мало. Словом, куда ни кинь…

Вот и жаловались грузинские большевики в Абхазии на подобное своеволие Нестора в Тифлис, в грузинское ЦК партии, а ранее, до 1937 года, в Кавбюро, лично С. Орджоникидзе: мол, Лакоба только и делает, что защищает независимость ССР Абхазии, а самих-то абхазов в столице и в помине не видно. И к чему им, дескать, республика, да еще с правами «договорной». К тому же и сам тов. Нестор далек от пролетарской закваски, и никакой он не интернационалист. Политика его, скорее, националистическая, чуждая интересам интеграции Абхазии в состав Грузии. Особо старательными в таковых донесениях были секретари обкома Стуруа, Хабурзания, Меладзе и другие. Таким образом, партийные организаций республики, обком и райкомы партии, подчиненные напрямую ЦК КП Грузии, после ликвидации по инициативе Сталина Оргбюро ВКП (б) по Абхазии в 1922 году, подчинялись фактически только Тифлису, как и советские и хозяйственные органы власти и управления

«договорной» республики – все это работало на свертывание абхазской государственности. Спецслужбы большевиков, в частности НКВД по Абхазии, также был независим от местных властей. Мешал им всем, разумеется, Н. Лакоба, возглавлявший вначале Совнарком, а затем ЦИК Абхазии. В начале 30-х же годов спецслужбы разогнали АБНО – Абхазское научное общество, руководителей репрессировали. В то время неугодных Тифлису деятелей из Абхазии начали выдергивать и отправлять на «перевоспитание» в грузинские тюрьмы.

Отсутствие твердой опоры в лице коренного народа, находящегося в меньшинстве, – малое число абхазов в среде кадровых работников, научной и творческой интеллигенции, трудящихся слоев, главным образом в столице Абхазии, вынуждало замещать последних представителями пришлых народов. Ясное дело, что проблемы становления абхазского народа и его государственности этим элементам, в подавляющем большинстве своем, были, как говорится, до лампочки. Это прекрасно осознавали руководители страны, в первую очередь Н. Лакоба. И вставала перед ним дилемма: как быть в таком случае? Идти по пути строительства интернационального, то бишь, грузино-абхазского, социалистического сообщества, к чему все более навязчиво подталкивали в Тифлисе и Москве? Или все же попытаться стабилизировать ситуацию в республике путем возвращения на родину абхазских изгнанников? С середины 20 годов прошлого столетия Н. Лакоба выбирает, как свидетельствуют многие документы, именно такой курс.

Надежды на успех сего предприятия, как полагаем, абхазский лидер основывал также на отработанных связях абхазской миссии весной 1921 года в Турции, когда, наряду с выполнением важнейшей задачи большевистского центра о налаживании отношений с К. Ататюрком и его окружением, Н. Лакоба и Е. Эшба наверняка уделили внимание и проблеме абхазских махаджиров. В ту пору большую поддержку турецкому лидеру на пути к власти оказывали видные деятели кавказской диаспоры: абхазы, адыги, чеченцы и представители других народов.

А правой рукой Кемаля являлся влиятельный политик, известный военный, видный дипломат, потомок абхазских махаджиров Хусейн Рауф Орбай (Ашхаруа). Его влияние, безусловно, сказалось в том, что К. Ататюрк скоро согласился на условия большевиков, причем, ни с Эшба, ни с Лакоба ранее у него не было контактов, он с ними даже не был знаком. Не трудно, наверное, догадаться и о том, что в процессе тех встреч и бесед, Лакоба, Эшба и Орбай не раз обращались к сугубо абхазской проблематике – вопросу возвращения изгнанников и их потомков на родину.

Тогда же, уже в начале 20-х годов, глава абхазского большевистского правительства Н. Лакоба со всей отчетливостью убеждается, что малочисленность абхазов на родине категорическим образом угрожает жизнеспособности молодой абхазской стране – ССР Абхазии. Надо думать, что Лакоба и его соратники, после смерти В. И. Ленина, постоянно сталкивались с все более ужесточавшейся хваткой грузинского национализма, неуклонно и методично, при поддержке большевистского центра, стремившегося к свертыванию прав и свобод абхазского народа и его государственности. В этих условиях Нестор Аполлонович и пытается поднять вопрос о возвращении на родину хотя бы части абхазских махаджиров. Отметим также ряд свидетельств, как письменных, так и устных, которые указывали на то, что абхазский лидер советовался по поводу возвращения изгнанников с большевистским руководством в Москве (письма и обращения к Литвинову – народному Комиссару иностранных дел СССР). Нам все же кажется, что Лакоба в свое время мог поставить о том в известность вождя большевиков, надеясь на его благоволение за помощь Нестора в деле нейтрализации Троцкого в бытность того в Абхазии, что в определенной мере способствовало приходу Сталина во власть. Некоторым образом также обнадеживали письма и обращения абхазских изгнанников в адрес главы Абхазии, содержавшие отчаянное желание вернуться на родину. В Центральном государственном архиве Абхазии случайным, видимо,

образом сохранились эти документы – свидетельства первой четверти 20 века, в которых сообщалось о тяжелом положении части абхазских махаджиров, «провинившихся» перед кемалистами и вынужденных переселиться в Грецию. Так, в письме Дорух – оглы Халиса (Халис Дарыкуа-ипа Маршан) Н. А. Лакоба отмечалось: «Четыре года тому назад, когда вы ездили в Константинополь и Ангору, вам стало известно то тяжелое положение, которое испытывает наш народ. Уже в течение 15 лет турки и турецкое правительство с целью отуречить преследуют (не турок) все остальные народы, и, в первую очередь, нас – черкесов. Далее, вооруженное выступление наших стариков против кемалистов, вынудивших и нас молодых примкнуть к ним, еще больше усилили репрессию и жестокость кемалистов против нас».

Эти строки из обращения абхазского изгнанника, весьма, кстати, информированного о том, что Лакоба побывал с миссией в 1921 году в Турции, свидетельство того, что тысячи тамошних абхазов были втянуты в водоворот жестокой гражданской войны между сторонниками К. Ататюрка и режимом Османского правительства. Лакоба, тесно общавшийся в тот период со сторонниками Ататюрка, в частности, с Р. Орбай, прекрасно был осведомлен о ситуации того периода, знал он, конечно, и о последствиях участия абхазов в войне против кемалистов – их изгнании в Грецию. В связи с этим мы полагаем, хотя о том нет письменных и иных подтверждении, что отставка Орбая с поста премьер-министра Турции последовала не только из-за возникших разногласий по поводу политического курса Турецкой республики с президентом Ататюрком и министром иностранных дел Иненью. Так это подается некоторыми историками и аналитиками, что вполне допустимо. Но также, а, может, и в большей степени, отставка последовала в знак протеста против политики гонений, заключения в тюрьмы, насильственного выдворения за пределы страны тысяч абхазов – соплеменников Р. Орбая. Но это, к слову.

В отмеченном письме далее Халисом Маршаном сообща-

лось, что «Теперь, согласно полученным сведениям, проживающих в своих селах черкесов выселяют и поселяют по 1 – 2 семейства в турецкие села, и становится с каждым днем все тяжелее и тяжелее жить нам в Анатолии». Завершалось это обращение просьбой: «Наше желание вернуться в наше отечество, в наши земли, покинутые нашими предками и жить с нашими братьями вместе».

Это послание абхазскому лидеру от потомка абхазских махаджиров датировалось 1924 годом. Обратим также внимание на то, что хотя обращение было озаглавлено как «Письмо черкесского махаджира Дарух – оглы Халиса в Турции…», в тексте содержится сообщение о том, что автор послания и его старший брат находятся вне пределов Турции. Это подтверждается следующими его строками: «Два года тому назад (т.е. в 1922 году – В.Ч.), при отступлении греческих войск, мы вместе с ним (братом – В.Ч.) прибыли в Грецию и до сих пор находимся здесь»[1].

Стало быть, даже находясь в изгнании в Греции, Халис и его соплеменники чувствовали себя махаджирами, каковыми они были в Турции. Вероятно, так себя ощущали те, кто непосредственно испытал трагедию выселения с родной земли и их прямые потомки. Но со временем такое состояние, то есть, ностальгия и боль, согласно свойству человеческого характера и законам природы, как правило, притупляется. Разумеется, нет правила без исключения.

В те 20 годы, судя по письмам и обращениям на имя Нестора Лакоба, махаджиры и их потомки не теряли надежды на переселение в Абхазию не только из Турции, но также из Греции, куда они эмигрировали, уходя от репрессии кемалистов. Одно из таких писем, подписанных как «Прошение от турецких эмигрантов – абхазцев», пришло из Греции в адрес Совета Народных Комиссаров Социалистической Советской Республики Абхазия в сентябре 1925 года. В нем, в частности, отмечалось:

[1] Агуажба Р.Х. Документы свидетельствуют // Абхазоведение – 2013, №8–9. Сухум, 2013. С. 334 – 335.

«… Мы, абхазцы, будучи воодушевлены одной общей идеей и мечтой, служить свободному абхазскому народу, собравшиеся общим собранием в м. Кайлария 28 сентября 1925 года, единогласно постановили: хлопотать и просить Народный Комиссариат Советской Социалистической Республики Абхазии разрешить нам, 700 абхазам, находящимся в Греции, возвратиться с семьями в родные аулы свободной Абхазии». Письмо, подписанное 16 представителями данной общины, должно было доставлено, как сообщалось в послании, Омар - беем Маргания, (он же Надин-бей Маан-заде). Судя по архивным данным, письмо было доведено до адресата[1].

Весьма эмоциональным и довольно обстоятельным по содержанию являлось письмо абхаза Ильяса (неизвестна фамилия – В.Ч.) из греческой Македонии лично Нестору Лакоба. На дворе стоял 1928 год, время, когда надежды и чаяния абхазов, как проживавших в родной стране, так и тех, кто обретался по ту сторону моря, все еще подкреплялись верой в скорое единение народа в единое целое, что позволило бы народу быть уверенным в своем безопасном и счастливом будущем обустройстве. О том, что возвращение – это крайняя необходимость для выживания изгнанников доказывает искренний, и, вместе с тем, отчаянный призыв Ильяса к соотечественникам: «Абхазцы, живущие в греческой Македонии, обращаются к родному абхазскому народу с призывом о помощи и просьбой о приюте на груди своего народа… Оторванные от родной земли, абхазцы в чужой стране всегда помнили про родину, и всегда у нас была мечта увидеть снова ее и вернуться на покинутые родные места». Содержание письма, описание процессов исхода народа и тяжелого обустройства на чужбине, а позже новой эмиграции из Турции в Грецию, свидетельствуют об образованности автора послания и его неплохой осведомленности о ситуации на родине предков. Так, к примеру, о жизни в тогдашней Советской Абхазии изгнанник из далекой Македонии

[1] Агуажба Р.Х. Документы свидетельствуют // Абхазоведение – 2013, №8–9. Сухум, 2013. С. 336 – 337.

писал следующее: «Нам известно, что в Советской стране все народы и все национальности живут как братья, все равные, и ни один народ не преследует другого. Мы надеемся, что и для нас в стране этой, в нашей родной Абхазии, найдется место, чтобы жить среди своих братьев». Но не знал того Ильяс, что на фоне внешне благополучной межнациональной идиллии в советской стране, уже давно зрели зловещие планы грузинских большевиков по свертыванию абхазской государственности, ограничению прав и свобод абхазского этноса, а затем и полной его грузинизации.

Однако же, судя по всему, активные и грамотные представители абхазской диаспоры считали, особенно во время правления Советской Абхазией Нестора Лакоба, что власти республики вполне могут самостоятельно решить проблему возвращения изгнанников на родину. Вот и автор письма Лакобе, выражая стремление своих несчастных соплеменников обрести родину предков, прямо-таки взывал о помощи: «Неужели этой мечте не суждено сбыться. Мы кровные абхазцы, мы такие же трудящиеся, и неужели все наши трудящиеся братья абхазцы отвергнут нас, и не примут в свою среду?»

Затем следовало обращение лично к Нестору Аполлоновичу, которое, конечно, не могло не тронуть его душу и сердце тем, что они, эти слова, были созвучны его чаяниям и стремлениям, в том числе и по махаджирам. Ильяс же, словно догадываясь о помыслах главы страны, завершая послание, вновь призывал: «Обращаемся к нашим братьям абхазцам в лице главы правительства Республики Абхазия Нестора Лакоба, которому дорог трудящийся абхазский народ, и мы верим, что его сердцу не чужды и мы, оторванные от родины абхазцы, такие же трудящиеся, как и наши братья в Абхазии. Из далекой чужой страны взываем мы о помощи и приюте к своему родному народу, его Правительству и верим, что наш призыв не останется без ответа»[1].

[1] Агуажба Р.Х. Документы свидетельствуют // Абхазоведение – 2013, №8–9. Сухум, 2013. С. 336 – 337.

Как рушились надежды абхазов

Выше приведенное послание пришло Нестору в 1928 году. Это было время отчаянной борьбы с Тифлисом, который с подачи Сталина дожимал суверенитет Абхазской республики до пределов автономии, которая формально будет провозглашена в 1931 году. Глава маленькой республики всеми фибрами ощущал, что скоро убудут и его нынешние возможности, также может измениться обстановка и в ареале расселения махаджиров, которые пока еще в массе свей настроены были эмигрировать на историческую родину.

К тому же, что нами уже отмечалось, Нестор наверняка помнил как еще в 1921 году проблему возвращения махаджиров на родину он и его собеседник в Турции Р. Орбай обсуждали не единожды в рамках визита абхазских большевиков по поручению В. Ленина. При этом они прекрасно осознавали, что с течением большого периода времени будет намного труднее организовать возвращение изгнанников на родину. К середине 20-х годов, когда произошло ужесточение внутренней политики новых правящих кругов Турции, и были приняты суровые меры по отуречиванию национальных меньшинств, в том числе и кавказских народов, Лакоба, вероятно, полагал, что названные процессы будут способствовать началу переселения абхазов в отчую землю. Так же, наверное, думали и сподвижники Нестора, представители абхазской интеллигенции. Безусловно, что идея возвращения махаджиров в ту пору поддерживалась и руководящей абхазской элитой и деятелями науки и культуры. О том говорят произведения абхазских классиков литературы – Д.И. Гулиа, С.Я. Чанба, в творчества которых глобальная трагедия абхазов 19 века – изгнание с отчей земли сотен тысяч абхазов на чужбину, занимает важное место.

В то же время, явно с подачи Н. Лакоба, к проблематике возвращения абхазских махаджиров подключаются партийные средства информации республики – газеты «Апсны» и

«Трудовая Абхазия». Появляется цикл материалов на эту тему, более того, от редакций газет звучит просьба к товарищам «высказаться по данному вопросу». С чем все же это было связано? Как нам видится, таким образом, Н. Лакоба зондировал почву, прежде чем кардинально ставить вопрос перед вышестоящими властями о начале возвращения на родину части абхазских изгнанников. Скорее всего, на первом этапе речь могла идти о македонских абхазах, испытавших ситуацию нового исхода, поменявших поневоле одну турецкую чужбину на другую – греческую. Абхазский лидер посредством газетных публикаций хотел, полагаем, ощутить настрой местного населения, которое в отдельных районах сплошь состояло из пришлых народов, в основном, мегрелов, грузин, армян, греков, русских… Ведь они могли принять в штыки инициативу абхазского руководства вернуть изгнанников, выселенных как раз из тех мест, которые уже освоило указанное пришлое население. Это, с одной стороны. С другой стороны – Лакобе немаловажно было видеть и реакцию грузинских верхов, как в Абхазии, так и, особенно, в Тифлисе. Только после этого он мог ставить вопрос о переселении перед центром – Москвой. Таковой в ту пору была партийная и советская иерархия, которой подотчетна была суверенная, как считается в отечественной истории, советская абхазская республика. Тем не менее, ее руководитель и его немногочисленные соратники пытались каким - то образом удержать постоянно усиливавшийся натиск грузинского агрессивного национализма в обличье Тифлисских большевиков, к тому же имевших мощную поддержку Кремлевского властителя. Но все - таки Нестор Аполлонович рассчитывал, до поры до времени, на поддержку вождя, надеясь, что абхазское гостеприимство и его, Лакоба, старые услуги, о которых сказано выше, окажут свое действие на Сталина, и он, позволит вернуть в страну хотя бы несколько тысяч изгнанников. Действительно, если наблюдать внешне, то нельзя было не отметить, что Н. Лакоба, судя по почтительным к нему обращениям влиятельных большевистских руководителей Кавказа и Грузии,

скорее всего, был в неплохих отношениях с Иосифом Виссарионовичем. Это продолжалось вплоть до выводов пресловутой партийной комиссии Цейтлина (поставила вопрос о смещении Н. Лакоба с занимаемых постов), и ответного письма Сталина в 1929 году, где черным по белому абхазскому лидеру было указано: «Я думаю, что тов. Лакоба может и должен освободиться от этих ошибок. Я думаю, что обком должен помочь тов. Лакоба в этом деле, а тов. Лакоба должен признать без оговорок руководящую роль обкома во всех делах абхазской жизни»[1].

После столь сурового указания вождя о месте Лакоба в руководящей иерархии республики, над ним, словно дамоклов меч, нависал областной комитет партии, контролировавший деятельность Нестора Аполлоновича и доносивший о том Тифлисскому ЦК партии. Но это было позже, а во второй половине 20-х, пока еще имея определенную свободу действий, глава правительства Абхазии попытался, как отмечалось выше, столкнуть с мертвой точки вопрос возвращения на родину абхазских махаджиров.

В этой связи приведем такой пример, который, кстати, иной раз подается как добрая воля партийных верхов по отношению к решению махаджирского вопроса. Речь о том, что Президиум Абхазского обкома КП Грузии рассмотрел вопрос на своем заседании от 23 октября 1928 года и принял Постановление «О македонских абхазах», в котором сказано: «Признать возможным переселение 700 душ в Абхазию». Правда, до того было еще одно подобное решение того же обкома (1926). Письмо же с просьбой о переселении в Абхазию от македонских абхазов поступило на имя правительства республики в сентябре 1925 года. И все это время оно лежало без движения, пока Нестору Лакоба по всему не пришлось нажать на это дело всем своим авторитетом. В конце – концов, из абхазского обкома он все - таки выжал формальное «добро» на переселение, а вот вышестоящие товарищи из грузинского ЦК партии спустили, как

[1] Куправа А.Э. Нестор Аполлонович Лакоба // Абхазоведение – 2013. № 8 – 9. Сухум, 2013. С. 354.

говорится, на тормозах, эти решения. По поводу возвращения махаджиров на родину, Нестору Аполлоновичу приписывают и такую фразу с подтекстом: мол, в чудо я не верю. В отличие от многих современных ему чиновников Н. Лакоба хорошо знал характер и внутреннюю сущность своего народа, как его прекрасные качества, так и его упертый консерватизм. И он правильно мыслил, что абхазов, тех же махаджиров, в одночасье не сдвинуть с места. Понимал, что тяжело им покинуть обжитые в течение не одного десятилетия хозяйства, также могилы родных и близких. В массовое возвращение и тогда, и в наши дни верится с трудом. Нестор предполагал возвращение той части изгнанников, которым выпала тяжелая участь снова оказаться в изгнании, но уже в Греции. По прикидочным данным, их там, в Греции и на Балканах, могло оказаться несколько тысяч.

Но, как видим, по партийной линии ничего не получилось. Тогда, как уже отмечалось выше, Н. Лакоба подключает к решению махаджирского вопроса печать Абхазии. С газетой «Апсны капш» дело обстояло проще: здесь легче было организовать кампанию по освещению проблемы возвращения изгнанников на родину – представителей абхазской интеллигенции, пишущих на родном языке, уговаривать на освещение сей важнейшей проблемы не приходилось. Другое дело – газета «Трудовая Абхазия», актив и работники которой, в основном, представляли пришлое население, и, значит, данная проблема их особо не интересовала. Нам думается, что к освещению сей проблематики авторов привлекает, скорее всего, не редакция, а сам Нестор Аполлонович: а это «старая гвардия» публицистов, которых большевики, по старой памяти, особо и не привечали. Потому, полагаем, под их статьями стояли не их имена, весьма известные в Абхазии, а всего лишь псевдонимы, однако же, памятные по публикациям этих авторов до большевистского периода. Известный общественный и политический деятель, основатель первого Абхазского Народного Совета – Парламента Абхазии (1917) и блестящий публицист еще

с дореволюционных времен Симон Басариа оказался именно тем, кто активно выступил соратником и единомышленником Нестора в деле пропаганды возвращения махаджиров на родину. Свидетельством тому его публикаций в газете «Трудовая Абхазия», в которых убедительно, на основе исторических свидетельств и источников, описана горькая судьба изгнанников, вынужденных под давлением царизма покинуть свою родину.

В одной из своих статей, озаглавленной «Трагическая страница истории» («ТА», 1926, 3 июня, №123), автор писал: «Насильственное выселение абхазцев (до 400 тысяч человек) из Абхазии в Турцию относится к 80 - м годам прошлого столетия и составляет самую печальную страницу, рисующую бесчеловечный произвол царских сатрапов. Длительная война на Кавказе почти окончилась, казалось, последний акт этой трагической эпопеи доигран, занавес опущен. И никто не поинтересовался посмотреть, что будет дальше на этой, облитой народной кровью, земле». Далее С. Басариа подчеркивает следующее обстоятельство, а именно то, что трагедией стало само выселение, что такой же трагедией оказалось сама разоренная Абхазия: «Было опустошено все поморье от Сочи до р. Ингур, исчезли целые абхазские племена: джигеты, шапсуги, убыхи, гечь, цан, гуи, дал, цабал, чегем. Исчезли они поголовно, не осталось от них ни души. Часть погибла на войне, остальные были выселены в Турцию». Для пущей убедительности, а это было важно, поскольку читателями в большинстве своем были представители некоренного народа, автор в публикации приводит архивные и иные источники, делает ссылки на официальных лиц описываемого им периода.

В то же время Басариа прекрасно понимает, что одними ссылками на прошлую бесчеловечность в отношении абхазов, ныне, в эпоху большевиков, убедить власти и пришлое население в необходимости возвращения на родину изгнанников, будет весьма проблематичным. Посему он, сообщая о целесообразности возвращения махаджиров, приводит и такие аргументы: «Уход греков – большой удар для нашего хозяйства, в

особенности для табаководства, – докладывал председатель ЦИКа Абхазии т. Чанба на 2-й сессии ЗакЦИКа. – Было бы хорошо выйти из этого положения; тем более что такая возможность есть. Махаджиры, живя в Турции и Греции, занимались табаководством и теперь просят помочь им вернуться в Абхазию».

Завершает свою публикацию Симон Петрович обращением к разуму и доброй воле тогдашнего общества, закладывая в слова те чувства, которые сам и испытывал: «Нам кажется, – писал он, – если технические условия позволят – помимо экономической целесообразности принять махаджиров есть и моральная обязанность. Они ведь жертвы царских сатрапов, жертвы произвола на Кавказе, и теперь нет никаких оснований отказывать им в праве стучаться в двери своей освобожденной страны».

Подобные публикаций появлялись в печати Абхазии и после середины 20-х годов, вплоть до начала 30-х, но с того момента, как Абхазия становится автономией в составе Грузии (1931), эта тенденция постепенно убывает, а со времени трагической гибели Н. Лакоба (1936) и вовсе исчезает. Недаром, однако, мать Нестора – Щахусна Джергениа нередко твердила: мол, погубит тебя – сын мой, дело махаджиров. Видно судьбой было уготовано Нестору Лакоба сложить голову в ипостаси защитника и собирателя разделенного народа. Те, кто предрешил сие, как бы предупреждали его единомышленников – политиков, писателей, ученых, всех тех, кто разделял помыслы и чаяния выдающегося лидера абхазов. В Тифлисе прекрасно осознавали, что в абхазской среде идея возвращения махаджиров всегда владела умами и сердцами не только передовых людей, но и всего народа.

Здесь также уместно будет подтвердить устами академика Б. Е. Сагария, автора исторического очерка «Трагедия македонских абхазов» («Триал», Санкт-Петербург, 1995), что не состоявшееся возвращение македонских абхазов на родину всецело на совести «руководства Грузии и Закфедерации…» В

том числе и высшее руководство не хотело решать этот вопрос, – подчеркивает ученый. Причина ясна: место для македонских абхазов было предназначено для переселенцев из западных районов Грузии. В очерке Б. Сагария приводит конкретные факты и источники, которые ранее в исторических материалах не освещались. По ним отчетливо заметно, как и кто препятствовал репатриации абхазов на свою родину, и, тем самым, все усилия Н. Лакоба по данной проблеме спускал на тормозах. Исследователь отмечал, что вопрос абхазских махаджиров и, в частности, македонских абхазов, часто поднимался на съездах Советов Абхазии, на многочисленных сходах. Это имело место, по словам ученого, и на 3-й сессии ЦИК Грузии в Сухуме в первой половине июня месяца 1926 г., где обсуждался вопрос о договорных взаимоотношениях между Абхазией и Грузией и отчеты правительств обеих республик, с которыми выступили Ш. Элиава и Н. Лакоба. На этой сессии первым поставил вопрос о возвращении македонских абхазов на родину крестьянин из села Абгархук Джсип Матуа. Он, в частности сказал: «Я лично один из махаджирцев. Когда в 1877 году выселяло нас самодержавие, то я тоже был выселен из Абхазии и знаю о тех бедствиях, которые претерпевали махаджирцы в Турции». Далее Д. Матуа, остановившись на судьбе македонских абхазов, подчеркнул, что, прежде всего, имеет в виду «тех махаджиров, которые выселились (из Турции – В.Ч.) во время греко – турецкой войны. Часть их, неизвестно по какой причине, примкнула к грекам и когда турки победили, то они эвакуировались вместе с греками в Грецию. Сейчас там имеется приблизительно 500 семейств, и от них мы получаем письма с просьбой помочь им вернуться на родину. Этот вопрос очень волнует население Абхазии…»

С подобными заявлениями на сессии выступили делегаты из Абжуйской и Бзыбской Абхазии: Т. Шармат, Т. Чкадуа, К. Барцыц, А. Ашуба и др. Об этом говорили в своих выступлениях Н. Лакоба и А. Чочуа, – пишет исследователь Б. Сагария.

Ясное дело, что к выступлению Д. Матуа, в котором про-

блема македонских махаджиров излагается четко и со знанием подробностей, вплоть до точного числа махаджиров, выразивших желание переселиться на родину, имеет отношение Н. Лакоба. Во всяком случае, эти вопросы на сессиях без его одобрения вряд ли имели бы место. Вот еще одно такое весьма показательное выступление с места, которое приводится автором очерка посредством стенограммы сессии: «Делегат с места говорит по-абхазски. Гулиа (Д. И. Гулиа – В. Ч.): Товарищ просит разрешения сказать ему несколько слов, но, кажется, он будет говорить не по вопросу и спрашивает, имеет ли право говорить. Председатель: «Скажите ему, что он имеет право. Делегат говорит по-абхазски, а Гулиа переводит следующее: «Наши братья абхазцы, выселенные насильственным образом в Турцию, в настоящее время не находятся ни в Турции, ни в Абхазии, они находятся в Греции и не могут вернуться на свою родину – в Абхазию. Крестьяне Абхазии просили об этом доложить сессии для того, чтобы сессия приняла меры к возвращению их на родину».

Ну как здесь не отметить почерка и роли Н. Лакоба в данном выступлении абхазского крестьянина. Это заметно, как говорится, и невооруженным взглядом. Глава правительства Советской Абхазии, активно инициируя процесс возвращения соотечественников, также нередко подключал к этой проблеме рядовых тружеников.

Однако этой политике воссоединения абхазов упорно противостояли грузинские большевики, возглавлявшие, как грузинское правительство, так и Совнарком ЗСФСР. Так, председатель правительства Закавказской Федерации М. Орахелашвили, как отмечает Б. Сагария, на упомянутой сессии «пытался обвинить абхазов в том, что они «ушли вместе с наемниками английских империалистов в Грецию. Теперь ставить вопрос о том, чтобы сразу пустить их сюда, это, я думаю, не входит в интересы ни Абхазии, ни всего Союза…». Ясное дело, что это как раз не входило в интересы грузинских лидеров, строивших планы по экономическому и демографическому

освоению абхазской республики. Вот и старался Орехалашвили противопоставить абхазских крестьян их собратьям, оказавшимся по ту сторону, приписывая им некие политические мотивы. Он, в частности, говорил так: «Абхазские крестьяне хорошие революционеры, противники царского строя и империализма, должны знать, что эти махаджиры были введены в заблуждение и ошиблись». И, чтобы оборвать всякие надежды, однозначно определил, что решение этого вопроса «не дело Абхазии, или правительства Грузии, равно как и Закавказского правительства – это есть дело Чичерина, это есть дело Союзного правительства». А там, в Кремле, пребывал И. Сталин, у которого давно был «зуб» на ССР Абхазию.

Таким образом, Мамия Орахелашвили – заметный партийный и советский функционер из когорты грузинских большевиков (именем которого в Абхазии были названы десятки улиц, колхозов, школ ит.д.) категорично отвергал право на возвращение абхазов на свою родину. Отвечал он отказом не столько представителям абхазских сел, сколько руководителю Абхазии Н. Лакоба, прекрасно понимая, конечно, что именно Нестор Аполлонович стоит за всеми этими выступлениями крестьян. И, безусловно, демонстрируя кто все же «в доме хозяин», вопрос о македонских абхазах им же и был снят с повестки дня сессии. И, чтобы каким - то образом позолотить пилюлю отказа, тот же М. Орахелошвили в демагогической форме рекомендовал Абхазскому правительству «изучить этот вопрос», и, дескать, после «соответствующего изучения он будет поставлен и разрешен так или иначе». В такие именно тиски обстоятельств высшая партийная иерархия поставила и лидера абхазов, и абхазскую государственность в форме договорной ССРА: многоступенчатая, наподобие русской матрешки, государственная система в лице Грузии, Закфедерации и Союза ССР безоговорочно обезличивала Абхазскую республику, делая ее недееспособной и бесправной. И в таких условиях Нестор Лакоба пытался бороться, проводя гибкую политику по отношению к разным центрам власти, от Тбилиси до Москвы.

Вся беда была в том, что и в одном, и в другом случае, во власти пребывали грузинские функционеры. И все же абхазский лидер не терял надежды…

По этому поводу Б. Е. Сагария отмечал, что именно после той злополучной сессии ЦИК Грузии в Сухуме, Лакоба дважды (в 1926 и 1928 гг.) добивался от областного комитета партии согласия на возвращение 170 семей абхазов из Македонии, несколько раз обращался официально в ЦК и правительство Грузии, предлагая решить вопрос положительно. Обосновывая необходимость принятия подобного решения, Нестор Аполлонович, в частности, приводил такие аргументы: «В течение последних трех лет эти эмигранты ведут усиленную переписку со своими родственниками в Абхазии (известны лишь письма в адрес самого Н. А. Лакоба – В. Ч.) и умоляют о спасении их жизни и о принятии их в Советскую Абхазию». К этому посылу он уже присовокуплял свою аргументацию, однако, от лица самих изгнанников. «В этих письмах правительству Абхазии, – писал Н. Лакоба, – задают вполне законный вопрос: «Почему же Абхазия отнеслась весьма гостеприимно к другим народностям, приняв в свою среду сотни беженцев?» и спрашивают нас, почему же мы абхазские беженцы, имея не меньше оснований, не можем вернуться к себе на родину?».

Такая аргументация главы абхазского правительства, особенно в части принятия Абхазией сотен, а на самом деле десятков тысяч, беженцев из числа инородцев, в основном грузин и мегрелов, вряд ли пришлась по душе грузинским, да и союзным властям. Ведь грузинские большевистские правители, как в Тбилиси, так и в Кремле, уж точно обладали сведениями, кто на самом деле стоит за проблемой возвращения абхазских махаджиров. Впрочем, и сам Н. Лакоба не делал из того секрета, в очередной раз обращаясь к вышестоящим властям. Он отмечал, что «по настоятельному требованию и воле значительной части населения (абхазского – В.Ч.), СНК Абхазии имел по данному вопросу разговор с т. Орджоникидзе, Литвиновым, с руководителями ОГПУ, которые не встретили принципиальных

возражений к возвращению в Абхазию махаджиров, находящихся в Греции…».

Аналогичный вопрос был поставлен и в ЦК КП Грузии: «Н. Лакоба еще раз просил руководство республики (Грузии – В.Ч.) поддержать ходатайство абхазских эмигрантов и разрешить им въезд в Абхазию. Но опять ответа из Тбилиси не было. Тогда Н. Лакоба попытался провести вопрос через Наркомат иностранных дел, правительство Абхазии, минуя Тбилиси, обратилось к главе НКИД К. М. Литвинову. Тот, откликнувшись на просьбу, направил списки македонских абхазцев полпредству в Афинах на разрешение вернуться в Абхазию в 1929 году. И в мае 1930 года он же запрашивал полпредство о причинах задержки. Управделами ЦИК ССР Абхазии В. Соловьев, как отмечал Б. Сагария, переслал в Москву (С. Чанба) список македонских абхазов, проживавших в м. Кайлария. Но беда заключалась в том, что документы, связанные с возвращением македонских абхазов, специально исчезали в различных ведомствах наркомата».

Последним было письмо Нестора Лакоба от 18 февраля 1931 года, адресованное зам. Уполномоченного НКИД СССР при правительстве ЗСФСР, в котором отмечалось: «В соответствии с вашей просьбой ЦИК Абхазии при сем препровождает проверенный список 150 семейств абхазцев, общим числом 500 душ, проживающих в Греческой Македонии и желающих переселиться в ССР Абхазия»[1].

На этом, как констатирует Б. Сагария, прерывается переписка абхазского руководства с центром по поводу возвращения на родину македонских абхазов. Понятное дело, в ту пору Н. Лакобе мстили за упорство в отстаивании национальных прав абхазского народа. Ликвидировали Совет Народных Комиссаров (правительство) ССР Абхазии, полным ходом шло по указке из Кремля преобразование Социалистической Советской Абхазии в куцую и бесправную автономию Грузии. Оставалось

[1] Сагария Б.Е.. Трагедия Македонских абхазов. «Триал». Санкт-Петербург, 1995. С. 15.

немного времени до его физического устранения, поскольку не оправдал доверия Генсека партии, отказавшись от должности главы НКВД СССР. А тут еще встал поперек потайных планов по приращению абхазов к грузинской этнической среде. Словом, судьба Нестора была предрешена.

Отметим также, что наряду с политическими и государственными деятелями о проблеме возвращения абхазских изгнанников и их потомков на родину думали, размышляли и переживали передовые люди Абхазии, деятели культуры, просветители и патриоты своего народа. Так, например, эти искренние чаяния художественным словом отображали выдающиеся поэты и писатели, к примеру, Д. Гулиа и С. Чанба, многие произведения которых посвящены трагическим событиям в жизни абхазского народа в 19 веке. О том нередко писали публицисты и журналисты. Так, написанная Чанба историческая драма «Амхаджир», неоднократно ставилась на сцене абхазского театра в 20 и 30 годы прошлого столетия: режиссеры В. Кривцов (1928), В. Гаррик-Вачнадзе (1929), В. Русин-Русиновский (1933), К. Карал-оглы (1937), В. Мархолия (1967). На основе драмы «Амхаджир» С. Чанба был написан киносценарий, который так и не был воплощен в фильм[1].

Перу С.Чанба также принадлежит художественно - публицистическое произведение «Песнь страдания», посвященное абхазским изгнанникам, как живым, так и сгинувшим на чужбине. Обратим внимание на то, что опубликована она была в 1927 году, когда еще активно проходила в печати дискуссия на предмет возвращения махаджиров, инициированная Н. Лакоба, также напомним, что сюжет легенды, по словам самого автора, был подсказан Нестором Аполлоновичем. Все это свидетельство того, что абхазского лидера и его патриотического окружения не отпускали мысли о тяжелой доле горемычных махаджиров и о возможных путях их возвращения на родину. Здесь также необходимо подчеркнуть не только талант и

[1] Абхазский биографический словарь. Под редакцией В. Ш. Авидзба. АбИГИ. Москва – Сухум, 2015. С. 740.

профессиональное мастерство автора, но и его пронзительную сопричастность к извечной боли народа, разделенного незаживающей трагедией махаджирства. С. Чанба со всей убедительностью истинного таланта вложил в преобразованную им легенду «Песнь страдания» большой заряд любви к родине, а также художественным образом продемонстрировал такую непреходящую истину о том, что теряющий отчизну лишается всего: отчего крова, родных и близких, своей идентичности.

Основоположник абхазской художественной словесности Д. И. Гулиа – также автор многих художественных произведений, где центральное внимание уделяется теме родины и народа. Такие произведения, как «Моя родина», «Под чужим небом», «Мой очаг» и другие, как известно, сыграли большую роль в развитии художественных жанров абхазской поэзии и прозы. В то же время в эпической поэме «Мой очаг», написанной на автобиографической основе, с большой художественной силой раскрываются трагические страницы истории Абхазии XIX века, связанные с насильственным выселением абхазов в Турцию, в том числе и семьи самого писателя.

От сталинских репрессий – до брежневской эпохи

По иному сложилась обстановка в конце 30-х – 40-х годов 20 столетия: минувшая трагедия выселения в недавнем прошлом вновь повторилась, но уже в виде массовых репрессий Сталина и Берия, прошедшая по абхазам, подминая и вырубая на корню все лучшее в народе – передовое крестьянство, интеллигенцию, партийные, советские, хозяйственные кадры. Таким образом, в Тифлисе и в Москве добились того, что проблема махаджиров была закрыта на протяжении нескольких десятилетий. Хотя специальных исследований на эту тему, как нам известно, не было, но, исходя из обстановки террора и репрессий в Абхазии, в основном, против абхазского народа, можно сделать вывод, что о проблеме махаджиров во всех слоях абхазского общества вслух не высказывались. Таким обра-

зом, получалось, что на протяжении более чем 20 лет даже на простое упоминание о существовании за рубежом абхазских изгнанников было наложено «табу», за то можно было поплатиться жизнью или же угодить на долгий срок в лагеря ГУЛАГа. Умерший в Бериевских застенках партийный работник и ученый Виктор Кукба, как известно, в свое время командированный по рекомендации академика Н. Марра в Турецкую республику для ознакомления с жизнью диаспоры, так и не был допущен тамошними властями к общению с изгнанниками. Тем не менее, как нам думается, грузинская охранка и это вменила ему в вину в 1938 году, засадив ученого в застенки, где он и скончался в 1944 году. Еще такой факт: научный сотрудник Абхазского Научно Исследовательского Института Георгий Шакирбай с 1937 года без права выезда жил в селе Багмаран под зорким оком грузинских спецслужб. Старший брат его Константин был репрессирован и расстрелян, он же, как нам видится, вызывал подозрение еще и тем, что владел турецким языком, на коем говорили и абхазские махаджиры[1].

Надо признать и то, что в годы чудовищных репрессий против абхазского народа, сравнимого разве лишь с геноцидом фашистов на оккупированных территориях, говорить, обсуждать проблемы диаспоры было практически некому. Та малая часть элиты, чудом избежавшая сталинских застенков и лагерей, вряд ли могла помыслить в ту пору мракобесия о чем - то ином, нежели о выживании, собственном и своих близких. Мало кто из них догадывался в то время, что они сами, едва уцелевшие, все еще находятся под неусыпной слежкой грузинских спецслужб. И оставшихся в живых из числа интеллигенции ожидали, надо думать, жуткие процессы, массовые расстрелы, и, в лучшем случае, ссылки в лагеря Сибири и Казахстана, и только скоропостижная смерть большевистского вождя в 1953 году спасла их от подобной участи.

С середины 1950-х годов в Советской стране наступило

[1] Абхазский биографический словарь. Под редакцией В. Ш. Авидзба. АбИГИ. Москва – Сухум, 2015. С. 783.

время оттепели, связанное с именем одного из соратников красного императора Н. С. Хрущева, тем не менее, решившегося на разоблачение «культа личности» вождя, повальных репрессий, погубивших жизни миллионов советских людей. После чего появились надежды на то, что в советской стране утвердится мирная и равноправная жизнь всех народов, малых и больших. Медленно, шаг за шагом, при упорном сопротивлении бериевского охвостья, шли восстановительные процессы в абхазской республике. Одним махом и в короткие сроки вернуть утерянные позиции было невозможно. Не менее двух десятилетий, вплоть до начала 1970-х годов, абхазский народ выходил из шокового состояния: почти заново возрождались управленческие кадры, учреждения культуры и искусства, духовная жизнь и сам язык абхазский, претерпевшие сталинские насильственные преобразования. Это было временем возвращения к жизни той части абхазского населения, избежавшего на родине исчезновения – растворения в чужеродной грузинской среде. В тот тяжелый период до восстановления связей с абхазами, утерявшими родину – махаджирами и их потомками, руки не доходили. Это стало возможным позже.

Тогда же, в 50-х – 60-х годах, в письмах и обращениях абхазских государственных и общественных деятелей, представителей интеллигенции в Москву, наряду с просьбами о восстановлении попранных прав народа, честного имени тысяч репрессированных абхазов, отмечалась необходимость восстановления абхазской топонимики в том виде, каковой она была до махаджирства. Речь же о возвращении потомков махаджиров в этих письмах, в ту пору и много позже, ни один партийный или же советский лидер не решался вести. Даже в периоды обострения национально-освободительной борьбы – в 1957, 1968, 1978, 1989, – в ее, так сказать, кульминационные пики, решение проблемы махаджиров в содержательных документах, адресованных высшему руководству страны, не было обозначенным. Как нам думается, такой факт имел место в силу того, что сама Абхазия являлась по существу бесправ-

ным колониальным образованием, управляемым метрополией. Скорее всего, представители интеллигенции, возглавлявшие освободительную борьбу, полагали, что вначале следует обрести определенную политическую и экономическую самостоятельность внутри своей абхазской государственности – автономной республики, и затем уже ставить вопросы воссоединения разделенного народа. Само же партийно-советское руководство Абхазии, за весь период со времени гибели Н. Лакоба в 1936 году, и до периода правления В. Ардзинба в 1990 году, о подобной постановке вопроса даже не помышляло. И не только видные представители властных структур советского периода уходили от этой проблемы, но также известные деятели науки и культуры избегали упоминания, что за морем находится большая часть абхазов, возвращение даже части которых, вдохнуло бы в те 50 - е годы новую энергию и живительные силы в истерзанную репрессиями Абхазию. Напомним, что о том же писал в 20-е годы председатель Абхазского ЦИКа С. Чанба, но тогда у руля управления Абхазской республикой был Н. Лакоба. Ничего, правда, из того не получилось. Потому, наверное, на уровне инстинкта срабатывало сознание того, что подобную постановку вопроса Советское руководство, особенно с подачи Тбилиси, встретит в штыки. С другой стороны, было понимание и такого обстоятельства, что зарубежная диаспора, в силу отсутствия связей с исторической родиной, может оказаться неподготовленной к процессу возвращения на родину предков. Ведь контактов на протяжении многих десятилетий не было, долгое время, почти все 70 лет советской власти, между разделенными абхазами существовал «железный занавес».

Начало личным контактам и письменным связям потомков махаджиров с абхазами на исторической родине было положено на излете 60-х годов прошлого столетия, – считает ученый и общественный деятель, один из первых первопроходцев в деле установления тесного и плодотворного общения с соотечественниками за рубежом Р. Х. Гожба. В предисловии

недавно изданного им сборника писем махаджиров «Ацха» («Мост»), Руслан Хаджаратович пишет следующее. «Название книги было продиктовано тем, что долгое время между нами и зарубежными абхазами существовал «железный занавес. Даже в течение целого года порой невозможно было поговорить по телефону с кем - либо из тех абхазов. И, чтобы открыть дорогу потребовалось лет 25 (имеется в виду советский период – В. Ч.). Этому способствовали письменные контакты представителей разделенного народа»[1].

Таким образом, можно отметить, что начало контактов по реанимации связей между диаспорой и исторической родиной обозначилось в раннюю Брежневскую эпоху. При этом нельзя не отметить, хоть и половинчатою, но все же существенную поддержку Советского центра в восстановлении репрессированных в 30 – 40 годы грузинскими агрессивными националистами прав абхазского народа в период Хрущевской «оттепели».

В книге «Из истории абхазской диаспоры: абхазы, убыхи…» Р. Гожба отмечает, что «Впервые материалы об абхазах, живущих в Турции, попали в Абхазию в 1965 году, т.к. после трагических событий 1937 г., практически, никаких связей с абхазской диаспорой не было. И вот благодаря агроному Игорю Григолиа завязалась живая нить с матерью Апсны с потомками абхазов – изгнанников».

Сам же И. Григолиа так описывал встречу с соотечественниками в 1964 году: «По пути в Стамбул я посетил ряд сел в вилайете Бурса для того, чтобы посмотреть табачные плантации. В одном селе собралось много крестьян, в это село мы еле добрались, т.к. нет шоссейной дороги. Во время беседы я записал несколько абхазских фамилий, проживающих там: Акусба Джафар, Райтаа Фарид Мустафович, Бутба Назаб Насибович, Кардан Азиз Мустафович, Чаабал Руфет, Адзба Зафар, Маршан Тата-бей, Куадзба Едыг Татджумович, Багба Джарат

[1] «Ацха». Сборник писем зарубежных абхазов. Автор предисловия и составитель Р. Х. Агуажба. Сухум – 2021.

Муратович, Багба Омар, Ашхараа Мехмет и др.». Далее И. Григолиа живо описал саму встречу, которая проходила на абхазском языке: «Эта встреча была очень трогательная, сколько душевной горечи, столько чувства любви к своей родине у них. Кардан Азиз обнял меня и долго не выпускал из объятий. Я чувствовал, как текли слезы по его морщинистому лицу, и я, потрясенный этим, долго не мог ничего сказать. Азиз сказал мне на прощанье: «Дад, у меня единственное желание умереть на родной земле». Меня трогали, обнимали, не верили, что я из Абхазии. Когда уже немного успокоились, они очень живо расспрашивали, как мы живем, что у нас есть, много ли абхазцев, знаем ли мы все свой родной язык…»[1].

В далеком теперь уже 1975 году в Абхазии побывала группа потомков махаджиров, которая посетила абхазские села в различных районах республики. Так, впервые за сотню лет, произошло историческое событие: на земле родной отчизны в тесном кругу, лицом к лицу, встретились разделенные морем абхазы. Радости не было предела и тех, и других. Абхазские крестьяне, принимая заморских братьев, клятвенно заверяли: возвращайтесь в Отчизну, мы поделимся с вами, как с единокровными братьями, и землей, и пищей! Говорили искренне, многие со слезами на глазах. Такими же по эмоциональному накалу были также встречи с представителями общественной, научной и творческой интеллигенции.

Интересны, полагаем, впечатления членов впервые побывавшей в Абхазии группы потомков махаджиров, известных спортсменов Ашамба Орхана и Атванба Ирфана, о чем они поделились в письме, адресованном Руслану Гожба (29. 11. 1975). В нем, в частности, отмечалось: «… Доехали до дому благополучно, но как только прошла весть о нашем возвращении, сразу стал собираться народ и, группа за группой, день и ночь стали навещать нас, чтобы возможно больше узнать о жизни в Абхазии. Мы подробно рассказывали о радушном приеме

[1] «Ацха». Сборник писем зарубежных абхазов. Автор предисловия и составитель Р. Х. Агуажба. Сухум – 2021. С. 630 – 631.

и теплой заботе, коей окружили нас братья на родине. И должен вам сообщить, что вскоре к вам последуют новые группы наших людей...». В завершение послания в качестве обобщения авторы приводили и такой пассаж: «После того, как мы – Орхан Шамба и Ирфан Атванба – посетили Апсны, у нас все разговоры только о вас. Мы по делам спортивным поездили по всему миру, но красивее, чем Апсны страны не увидели. Раньше, размышляя о древней истории нашего народа, мы часто задавались вопросом: чего это великим народам надо было от абхазов? И вот теперь поняли: им нужна была великолепная и благодатная красавица Апсны».

Здесь необходимо отметить, что пока еще не отражено абхазской исторической наукой, такой аспект махаджирской проблемы: то, что ее решением – налаживанием связей с зарубежными абхазами в 70-х – 80-х годах прошлого столетия – занимались не власти, а патриоты и активисты из народа, отдельные представители науки, культуры и искусства. Отметим еще раз, что властные партийные и советские органы Абхазии, сугубо подотчетные грузинским структурам, на официальном уровне дистанцировались от данной насущной проблемы. Таково было отличие советской Абхазии отмеченного периода от эпохи Нестора Лакоба, лично занимавшегося вопросами возвращения махаджиров. И чем это закончилось для абхазского лидера раннего советского периода, прекрасно были осведомлены его партийные и советские наследники. Безусловно, что в новую пору грузинской метрополии уже не расстреливали и не ссылали, но за подобную деятельность вполне могли лишить высокой должности и партбилета, присовокупив расхожее клише абхазского националиста. Но абхазы из народа, что видно из указанной книги Р. Агуажба, не считаясь с недовольством метрополии, исподволь, на регулярной основе, расширяли и укрепляли связи с абхазской диаспорой, ее передовыми представителями. Об одном из таких патриотов, отдававших все силы и энергию делу единения разделенного народа, автор сборника сообщал: «Велика заслуга в

налаживании того самого моста единения посредством обмена письмами принадлежит абхазской патриотке, видному деятелю национально-освободительного движения Фене Авидзба, в адрес которой приходили десятки посланий от членов заморской диаспоры. И на все эти письма она успевала отвечать – подробно, с перечислением последних событий, и, главное, с душевной теплотой и абхазским тактом»[1].

Так, в одном из писем видного представителя абхазской диаспоры в Турции О. Ашамба на имя Ф. Авидзба отмечалось, что «ее послание получено 16. 08. 1976 г., и что оно вызвало большую радость в его семье...». Орхан также сообщал и такую деталь, видимо, весьма важную для него: «Вот сейчас, когда я засел за ответное послание, рядом со мной находятся мой близкий друг Агумаа Рауф, младший брат Ашамба Ертан (который проживает в Германии), и еще один младший брат Ердинич, Ашамба Керим и Куркунаа Аикыт (студенты вузов), все они передают вам большие приветы».

Кроме теплых слов и эмоциональных приветов, послание содержало и деловую часть. В частности, Орхан просил адресата, то есть, Феню Авидзба, исправить одну его неточность в информации, сообщенной им во время пребывания в Абхазии (1975). Тогда на вопрос – есть ли в Турции абхазы по фамилии Куркунаа, он за незнанием ситуации ответил, что таковых нет. «Представляешь, сестра моя Феня, – писал Орхан, – оказалось, что здесь только от одного отца Куркунаа имеется 20 отпрысков. Прошу сообщить о том задававшему мне вопрос Куркунаа, и, если бы мы смогли организовать встречу братьев, это было бы очень полезным делом».

Сообщал он также, что направил приглашение Анзору Мукба, и что о том тот должен быть извещен, что друг его Рауф Агумаа написал Софе Агумаа, а ответа нет, мол, обеспокоен он тем... В заключение информировал о том, что скоро отправится в Абхазию пароходом группа абхазских соотечественников, о чем он дополнительно известит по телефону.

[1] Там же. Предисловие.

Письма, открытки, телеграммы – они десятками и сотнями шли в адрес диаспоры и обратно на родину. Чаще приходили к адресатам окольными путями, минуя козни и препятствия, возводимые на их пути спецслужбами различных сил и сторон. Сообщу лишь об одном таком факте, к чему имел отношение и автор данных строк. В середине 70 годов прошлого столетия, будучи студентом МГУ, как - то получил письмо своего давнего друга Руслана Гожба, пришедшее из Абхазии. В том послании также оказались несколько листов, исписанных плотным текстом на абхазском языке, отдельно была приложена записка, в которой отмечался адресат – Турецкая республика. И наставление о том, где и каким образом отправить сие послание нашим братьям, понятное дело, чтобы оно благополучно дошло до адресата. Таких историй у Р. Гожба, наверняка, насчитывались сотни …

Авторы писем из Абхазии – и есть те самые первопроходцы, положившие основу, тот самый скрепляющий каркас, сегодняшних взаимоотношений между представителями диаспоры и исторической родиной. Их было немного, но они являлись патриотами родины и народа не на словах, а на деле. Может быть, их и было вначале всего-то с десяток первопроходцев, ностальгирующих по своим заморским братьям и сестрам. Сказал же, однако, поэт, что из искры возгорится пламя. Так оно и случилось: сдвинулось, можно сказать, с мертвой точки судьбоносная проблема – и положено было начало тесным контактам представителей двух частей абхазского этноса, трагически разделенного пронзительно-вековой давностью. На «крик души» абхазов с родины, не преминули откликнуться такие же социально активные, и, как нам видится, также ностальгирующие по исторической родине абхазы диаспоры. Их тоже оказалось немного, но было бы в разы больше, если бы многие обладали умением письмом излагать мысли и чаяния на родном абхазском языке. К сожалению, таковых в ту пору было слишком мало. К тому же, и на исторической родине махаджиров не все было ладно: в Абхазии контакты с потомка-

ми изгнанников контролировались не только спецслужбами большой страны СССР, но и аналогичными подразделениями малой империи – Грузии. Письма из Абхазии, адресованные в Турцию, как правило, подвергались перлюстрации, многие и вовсе не доходили до адресата. Такие активисты, как Руслан Гожба, Феня Авидзба, Владимир Авидзба, Игорь Марыхуба, Джамиля Шамба, Анзор Мукба и другие, обладая знанием ситуации, отправляли свои сообщения из различных городов России.

Тем не менее, несмотря на подозрительно-негативное отношение советских властных структур, особенно грузинских, к зарубежной абхазской диаспоре, уже с 70-х годов минувшего века интеллигенты – патриоты, в частности, деятели науки, писатели, поэты, художники вносили весомый вклад в духовную жизнь абхазов своими произведениями, посвященными проблематике махаджирства, величайшей трагедии абхазов 19 века. Научные исследования и художественные произведения, показывая ту драматическую ситуацию, в которой оказался абхазский народ, разделенный злой судьбой на две части, закладывали в свои работы весьма поучительный для будущих поколений смысл и надежду на будущее единение. Видные деятели абхазской культуры и науки, тем самым, содержанием своих замечательных исследований и произведений, как бы предупреждали: потерявший родину, потеряет все. В случае с убыхами – это стало трагической реальностью. В народе же абхазском более чем полтора столетия теплится надежда, что рано или поздно абхазы всего мира обретут долгожданное единство на отчей земле. Такой лейтмотив всегда присутствует во многих произведениях представителей абхазской науки, творчества и искусства. Он, этот позитивный лейтмотив, обоснован тем, что исход абхазского населения происходил далеко не добровольно, как это, скажем, имело место в некоторых горских общинах, а, в подавляющем большинстве своем, в принудительном порядке. Добровольно удалялись, на заранее подготовленные условия, отдельные князья и дворяне, среди

крестьян же подобного не могло быть, хотя бы потому, что они не обладали для того соответствующими материальными благами. Отсюда, начиная с первых лет переселения, до сего дня у большинства махаджиров и их потомков подспудно, как на генетическом уровне, так и явно, не стихала тоска по родине, тлела неизбывная мечта о возвращении на историческую отчизну.

Слово интеллигенции, побуждающее к единению абхазов

С началом установления тесных связей с диаспорой, тяга к изначальному отчему дому, несомненно, получает новый импульс в процессе ознакомления и усвоения грамотной частью зарубежных абхазов достижений отечественной науки, культуры и искусства. Тому способствует научное и творческое наследие видных абхазских писателей, поэтов, историков, художников – всех тех, кто своими произведениями правдиво осветил мрачную эпоху вынужденного исхода абхазов на чужбину, и, при этом, не утерял веры в счастливое будущее – в перспективу единения всех абхазов на отчей родине. Один из самых сильных импульсов тому придало – как нами уже отмечалось во введении, глубокое по содержанию, и широкомасштабное по объему материала и источников, исследование Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (1979). Эта выдающаяся работа впервые сняла плотную завесу, скрывавшую на протяжении десятилетий величайшие трагические события 19 века – вынужденный исход подавляющего большинства абхазского народа с родной отчизны на чужбину. То, что эпохальное произведение имеет выдающееся значение для судеб диаспоры и исторической родины – сие неоспоримо. Другое дело – как монография создавалось, каких усилий стоила сия титаническая работа большому ученому. Современное общество вряд в полной мере представляет те советские реалий, при которых Г. А. Дзидзария вел исследовательскую работу. А ведь ему было очень нелегко создавать

правдивую картину жесточайшей ситуации, в которой пребывал абхазский этнос, нещадно сокращавшийся числом в то злосчастное столетие, словно шагреневая кожа, под натиском могущественных держав – соперников: российского царизма и османской империи. До сего дня почти ничего не сказано о том, какими усилиями Георгию Алексеевичу приходилось преодолевать препоны и помехи, иной раз, используя советские идеологические штампы и мерки тех или иных событий, процессов, фактов. Иначе обойти политическую цензуру, как большой, так и малой империи, вряд ли бы удалось. В итоге выдающийся историк на высоком профессиональном уровне, с привлечением богатой источниковедческой базы, также и уникальных для того времени документов, аргументировано и убедительно показал глубинные истоки и движущие силы вселенской беды, названной «Махаджирством…», приведшей абхазов на край гибели. Равной работы по масштабам охвата времени и пространства, в рамках которых абхазский ученый всестороннее раскрывает картину драматических событий в судьбе горских народов, в том числе и Абхазии, пока еще на Кавказе нет. Думается, также и в мире. Ценность данного произведения, на наш взгляд, еще и в том, что Георгий Алексеевич не только констатирует трагические события, он размышляет над ними, убеждая современного читателя, той же диаспоры, или же исторической родины, что любой этнос, даже после жесточайших коллизий, имеет право и обязан стремиться к единению – духовному, социальному, национальному. Такой шанс еще не утерян, как полагает ученый, коли многочисленная абхазская диаспора сохранила свои национальные корни: язык, самосознание, традиций и, самое главное, искреннее влечение к исторической родине. И ныне Абхазия, свободная от пут колониализма и грузинской экспансии, готова принять в свое лоно всех тех соплеменников, кто изъявит желание вернуться на родину предков.

Отметим, что тема вынужденного исхода абхазов из отчизны также присутствует и в таких работах Г. А. Дзидзария,

как «Восстание 1866 года в Абхазии» (1955), «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение», «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» (1980) и других. Георгий Алексеевич – выдающийся ученый, государственный и общественный деятель – с молодых лет занимал активную жизненную позицию, был патриотом и защитником абхазского народа. Свидетельством тому смелое обращение Г. Дзидзария, Б. Шинкуба, К. Шакрыл к Сталинскому руководству СССР, в котором подробно говорилось о беззакониях, творимых грузинскими властями в абхазской республике, с ее народом – языком, культурой, просвещением, топонимикой и прочими атрибутами, являющимися принадлежностями коренного народа и его государственности. Современник Георгия Алексеевича, знавший ситуацию не понаслышке, академик А. Куправа позже вспоминал: «Сохранился оригинал рукописи этого письма, написанный красивым, четким и твердым почерком Дзидзария, в котором авторы подняли голос против ставшей официальной в условиях культа личности антиабхазской политики – грубых преследований языка, культуры, истории Абхазии, действий, направленных на насильственную ассимиляцию народа. За это они были сурово наказаны, объявлены буржуазными националистами и злостными клеветниками, подвергнуты травле»[1].

Большинство людей творчества и науки, после таких гонений, обычно ведут себя осторожно, не вступая в конфликтную ситуацию с властями, а некоторые просто ломаются. Но упомянутые личности не таковы, они и дальше продолжили борьбу за установление справедливости в отношении репрессированной Абхазии, так и ее народа, против фальсификации исторического прошлого абхазов, языка и культуры этноса.

Нами уже отмечалось, что большой общественный резонанс, как в Абхазии, так и на всем Северном Кавказе вызвал историко-философский роман Б. В. Шинкуба «Последний из ушедших»,

[1] Абхазский биографический словарь. Под редакцией В.Ш. Авидзба. АбИГИ. Москва – Сухум, 2015. С. 304.

увидевший свет в середине 70-х годов прошлого столетия. Но нельзя не напомнить о том, что это произведение, посвященные изгнанникам с родной отчизны почти на всем протяжении 19 столетия, в те советские времена стало поистине настольной книгой интеллигенции, представляющей все народы Кавказа. Абхазы и братские народы сполна ощутили весь трагизм минувшей зловещей эпохи, прошедшей катком по горским народам и разметавшей по миру большие кавказские этносы. О том тогда не принято было говорить и писать откровенно, как и по чьему умыслу происходила чудовищная трагедия более века тому назад. Писатель также предупреждает: вот, дескать, пример убыхского народа, утерявшего родину в результате Кавказской войны и исхода на чужбину. В то же время и сами этносы и их лидеры, судя по смыслу романа, все же должны находить, при всей нереальности и безысходности ситуации, правильные, может быть, менее катастрофические пути выхода из гибельного положения. Многие мысли и художественные образы произведения Б. Шинкуба – словно уроки не столь давнего трагического прошлого горских народов Кавказа, в том числе и Абхазии, которые многому научат людей нашего современного времени, и, главное тому, что теряющий родину, теряет все.

Видный абхазский историк, этнограф, доктор исторических наук, профессор Ш. Д. Инал-ипа, отдаваясь всецело абхазоведческой науке, также значительное внимание уделял исследованиям проблем зарубежной абхазской диаспоры с момента ее возникновения в первой половине XIX века и вплоть до конца XX в., чему была посвящена его монография «Зарубежные абхазы», изданная в Сухуме в 1990 году. Во вводных заметках автор с большим сожалением отмечал, что «нет еще почти ни одной специальной научной статьи или очерка по вопросам истории и этнографии наших заморских соотечественников, не говоря о фундаментальных исследованиях, если не считать одной замечательной филологической монографии на французском языке всемирно

известного ученого Жоржа Дюмезиля «Абхазские этюды»[1].

Однако, отметим, что по названной проблеме самим ученым, как сказано выше, проделана большая работа в виде историко-этнографических очерков о жизни и быте зарубежных абхазов. В начале, во вводных заметках, он пишет о тех, кого считает первопроходцами по налаживанию связей с абхазскими диаспорами за рубежом. Пока их немного, но уже видится перспектива: за ними последуют десятки и сотни продолжателей этого поистине святого дела. В монографии же названы имена, охарактеризованы личности, как заморских соотечественников, так и жителей Абхазии, внесших замечательный вклад в дело единения двух разрозненных частей абхазского народа. Это такие известные деятели, как Стамбульский профессор Мустафа Бутба, ученый, просветитель, поэт и писатель Омар Беигуа, блестящий военный и выдающийся политический деятель Турции начала 20 века Рауф Орбай (Ашхаруа), активные представители диаспоры Орхан Ашамба, Махинур Папба и другие.

Большую работу по установлению контактов с зарубежными абхазами, по словам ученого, вели видные общественные деятели, представители интеллигенции Абхазии, начиная с дореволюционного времени и до конца советского периода. Зачинателями этого благородного дела в первой трети 20 столетия были Дмитрий Гулиа, Дмитрий Алания, Симон Басария, Нестор Лакоба, Самсон Чанба, Виктор Кукба и другие. Позже, после сталинских репрессии и хрущевской оттепели, начиная с 60 годов того же столетия эстафету единения абхазов подхватили представители абхазской интеллигенции того периода. Автор монографии называет имена таких энтузиастов, как журналист Владимир Авидзба, ученый Руслан Гожба, экономист Феня Авидзба, писатель Анзор Мукба, поэтесса Нелли Тарба и др.

Шалва Денисович в своей работе подчеркивает большие

[1] Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы // Труды в XI томах. Том IV. АбИГИ. Сухум – 2017. С. 29.

заслуги крупнейших ученых с мировым именем, много сделавших для становления абхазской науки – это академик Николай Марр, всегда содействовавший началу контактов между абхазами диаспоры и исторической родины, также филолог Жорж Дюмезиль, отдавший многие годы, силы и знания изучению абхазского, убыхского и черкесского языков. Следует обратить внимание на то, что исследование Ш.Д. Инал-ипа – единственная работа, в которой, с привлечением широкого спектра источников, разысканий и свидетельств, в отдельных главах описывается и анализируется политическая и культурная жизнь заморских абхазов, хозяйственное занятие, жилище и одежда, язык и фольклор, национальное самосознание и религия. Приводятся также сведения о количестве и расселении, родовом составе абхазов в Турции. Хотелось бы все же обратить внимание читателей на некоторые материалы и источники, приводимые автором монографии при освещении политической и культурной жизни заморских абхазов.

Здесь сразу отметим такой, можно сказать, парадокс, когда вроде бы цивилизованная светская власть, установившаяся с приходом к руководству Турции Кемалистского движения, ужесточила внутреннюю политику по отношению к турецким меньшинствам, в том числе абхазам и адыгам. Последние же, в лице своих выдающихся лидеров, кстати, оказали решающую помощь в установлении этой самой власти Кемаля Ататюрка, как в политическом плане, так и военном отношении. Известно, что в то самое время, в начале 20-х годов прошлого столетия, когда англичане и греки оккупировали страну, и Турция оказалась на краю гибели, абхазы и адыги организовали в Анатолии партизанские отряды, оказавшие героическое сопротивление оккупантам. Таковой была неоценимая помощь Ататюрку, которую последний, казалось, в то время высоко ценил, выдвигая многих представителей черкесской диаспоры на ответственные посты. Но как только обстановка изменилась, оккупанты были изгнаны, а власть султана ликвидирована, тогда-то и проявилось лицемерие кемалистов по отноше-

нию к своим вчерашним союзникам. Ухватившись за причину, что определенная часть абхазов и адыгов, посчитавшая своим долгом защитить власть султанов, выступила против революции, кемалисты стали жестоко расправляться как со своими противниками, так и с теми, кто делал эту самую революцию. Ведь Кемаль прекрасно понимал, что те абхазы и адыги, с коими он совершил переворот, вряд ли будут спокойно смотреть на националистическую политику отуречивания их соплеменников, которую, безусловно, заранее задумал новый вождь Турции и которую затем успешно реализовал.

Отмеченное нами обстоятельство, можно прокомментировать и следующими сведениями, приведенными в работе Ш. Д. Инал-ипа. Он сообщает, что в 1912 году турецкие абхазы и черкесы организовали в Константинополе (Стамбуле – В.Ч.) абхазо-черкесский Комитет. Из абхазов членами комитета являлись проф. М. Бутба и офицер-авиатор Джамал Маршан (между прочим последний был и руководителем махаджирского десанта, высаженного в 1918 г. у Сатамашо в Абхазии)[1]. Далее исследователь приводит сведения из отчета В. Кукба, сделанном им после поездки в Турцию в 1927 году. Там по поводу деятельности упомянутого Комитета отмечается следующее: «Комитет ставил перед собой культурно - просветительские задачи: составить алфавит и выпустить учебники на родном языке, а также собрать этнографический материал. Собирались также благотворительные средства, устраивались национальные игры, была открыта школа с пансионом на 60 человек, выпущен начальный учебник абхазского языка, также готовилась к печати грамматика. Черкесами был выпущен ряд учебников. Ими было сделано больше, чем абхазами».

Что можно сказать по этому поводу? Только то, что при власти турецких монархов, абхазам на чужбине позволено было, хоть и в минимальном объеме, но все же удовлетворять свои культурно - просветительские потребности. А после того, как

[1] Ш.Д. Инал-ипа. Зарубежные абхазы. Труды в XI томах. Том IV. АбИГИ. Сухум – 2017. С. 31.

при самой активной поддержке видных деятелей абхазо - черкесской диаспоры, «прогрессивные» вроде кемалисты свергли монархическое правление, ситуация резко изменилась. Ученый констатирует, что «с приходом к власти кемалистов здание Комитета было разрушено, а имевшиеся издания на черкесском и абхазском языках были конфискованы и сожжены». И вообще в стране были ужесточены меры новой власти к абхазам и черкесам, и как «политически неблагонадежные элементы, они стали подвергаться притеснениям, гонениям и преследованиям»[1].

Значительное внимание уделяет Шалва Денисович в работе видному военному и политическому деятелю первой трети 20 века Рауфу Орбай (Ашхаруа), предки которого были выходцами из Абхазии, по уточненным сведениям С. П. Басария – проживавшими до выселения в Гагре. Следует также отметить, что сведения источника, откуда взята характеристика Рауфбея, как именовали своего соратника Кемаль и другие сподвижники турецкого лидера, на наш взгляд, кажется совершенно неправдоподобными. Эти расхожие рассуждения по поводу принципов и политических воззрений такого высокопоставленного деятеля, как Рауф Орбай, результат, скорее всего, разительного несовпадения взглядов и пролетарского мышления, к примеру, того же С. И. Аралова, постпреда большевистской России в Турции. Р. Орбай, полагаем, не разделял мнения Аралова и его шефа В. И. Ленина о целесообразности развертывания повсюду классовой борьбы вкупе с мировой пролетарской революцией в придачу. Такая участь, по мнению вождя российских большевиков, не должна была миновать и страны Востока, в том числе и одряхлевшую Османскую империю. Для того, видимо, в Турцию хлынул поток денег и оружия, которое, кстати, Кемаль-паша употребил не столько на решение пролетарских задач, сколько на освобождение страны от оккупантов и укрепление националистических го-

[1] Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы // Труды в XI томах. Том IV. АбИГИ. Сухум – 2017. С. 32.

сударственных институтов. Отсюда и высказывание Аралова (они были знакомы), о якобы характерном для Рауфбея политическом лицемерии, что, безусловно, означало кардинальное различие взглядов и жизненных позиций автора источника и характеризуемого им большого политического деятеля, не идущего на поводу чужой воли или прихоти. Постпред российских большевиков, отмечая, что «Рауфбей во внешней политике действовал двурушнически – демонстрировал якобы дружественные чувства к Советской России, а за спиною Мустафы Кемаля вел интриги, поддерживая связь с реакционными силами в Стамбуле», а через них – с империалистическими кругами Англии, расписался, таким образом, в незнании реалий той политической обстановки. На самом деле, если бы т. Аралов обладал некими секретными сведениями, кои были заполучены абхазскими посланцами Ленина к тому же Кемалю - паше и его окружению, он бы характеризовал своими выше приведенными словами не Рауфбея, а самого Ататюрка. По докладным справкам Е. Эшба и Н. Лакоба, написанным в ЦК РСДРП (б) и Совнарком России, как раз М. Кемаль характеризовался глубоко безнадежным партнером российских большевиков, лицемером и двурушником, использующим поддержку России, материальную и моральную, в своих далеко идущих целях, а не в интересах развертывания мировой пролетарской революции. Но Аралов, к сожалению, о том не догадывался, поскольку выше приведенные сведения были надолго засекречены. И, выходит, досада Аралова пала на долю Рауфбея.

О слабой осведомленности дипломата и политика Аралова свидетельствует и такая отмеченная им, видимо, кем - то из недоброжелателей Рауфа, вскользь брошенная фраза: дескать, «Рауфбей не любил, однако, когда ему напоминали его кавказское происхождение». Как раз - то, дело обстояло наоборот. Во время пребывания абхазских большевиков по поручению вождя российской революции, они, первым делом, навели контакты и тесным образом общались с абхазским окружением Кемаля, где, естественно, первенствовал Рауфбей Ашхаруа.

И то, что абхазы справились с непростым поручением В. И. Ленина (о том Владимир Ильич лично беседовал с лидером абхазских большевиков Е. Эшба), тоже, как полагаем, свершено не без покровительства Рауфа Орбай. А ведь на кону тогда, в 1921 году, стояли весомые задачи: подписание между Турцией и Советской Россией договора о дружбе и взаимопомощи, также территориальные вопросы. И все они были решены не без содействия абхазских сподвижников Кемаля, первейшим из которых, как признает и сам Аралов, был Рауфбей.

Более того, полагаем, что будет верным также предположить, что не без влияния Рауфа Ашхаруа довольно удачно и скоро был заключен договор, а в сферу влияния России отошли такие важные территории, как Аджаристан, и особенно портовый город Батум, что было не просто уступкой пролетарской России. Рауфбей, как и Кемаль - паша, наверняка, и не симпатизировал большевикам, однако, узнав от абхазских соплеменников про обещание Ленина, что центр не будет против создания абхазской государственности в форме советской республики, оказал значительное влияние на принятие выше указанных решений. С. Лакоба прямо утверждает, что именно с согласия В. Ленина Абхазия была объявлена Социалистической Советской Республикой. Полагаем также, что в ходе бесед с абхазскими лидерами, в частности, с Н. Лакоба, проговаривались с Рауфом и вопросы возвращения абхазских махаджиров. Ведь он, близкий к турецкому лидеру политик и государственный деятель, не мог не знать или не догадываться о настрое Кемаля по внутренним вопросам, в частности, о его взглядах в отношении национальных меньшинств. Осведомлен был, конечно, что Кемаль исповедовал идею об успешном светском государстве в увязке с политикой ассимиляции, то есть, поголовным отуречиванием национальных меньшинств, в том числе, абхазов и черкесов. И, наверное, считал, как и его абхазские собеседники, возможным вернуть хотя бы часть изгнанников и их потомков на родину. Тем более что как раз в ту пору в опалу попало немалое число абхазов – противников Кемалистской

революции. И еще такой аргумент в пользу того, что Рауфбей нисколько не чурался своего кавказского происхождения. Известно, что Нестор Лакоба всегда славился тем, что был проницательным человеком от природы. За месяцы встреч и бесед с такой личностью, как Рауфбей Ашхаруа, Нестор Аполлонович почувствовал сполна всю, сокрытую от внешнего взора, сущность истинного абхаза, всей душою расположенного к своей исторической родине и соплеменникам. В то же время этот большой человек, военный, политик, государственный деятель, воспринимавшийся, надо думать, не совсем своим в турецком обществе, был вынужден иной раз, в окружающей его обстановке и действующих в ней лицах, играть по правилам, приемлемым в том самом обществе. Этого, конечно, Аралову не дано было понять. А вот Нестор Аполлонович, зорко распознал характер и сущность соплеменника, и в знак признательности к его заслугам перед абхазами и родиной, назвал своего сына Рауфом – в честь того самого Рауфбея Ашхаруа.

Ш. Д. Инал-ипа не преминул отреагировать по поводу данного источника, отметив, что «С. И. Аралов, сгущая краски, рисует его (то есть, Рауфбея – В.Ч.) как ярого противника Советской России, врага Турецкой республики, англофила и агента Антанты, одного из основателей Прогрессивно – республиканской партии и главарей оппозиции». Вот таким образом и не меньше. Не напоминает ли подобная характеристика печально известные события советского прошлого, времена репрессий? Слава богу, что Рауфбей не сподобился в то окаянное время жить на исторической родине – не миновать бы ему по всему расстрельной статьи, а вот турецкие сподвижники поступили куда мягче – «всего лишь» изгнали из страны на 10 лет.

Завершая разговор о монографии видного абхазского ученого Ш. Д. Инал-ипа, отметим ее большое значение и в том плане, что в данной работе автор не ограничился исследованием только лишь проблем турецкой абхазской диаспоры. Аналогичная тематика присутствует и в разделах, посвященных абхазским диаспорам, расселившимся в свое время и по

разным причинам в странах арабского мира и на Балканах. В том и заключена ценность книги «Зарубежные абхазы». Она – убедительное свидетельство прошлой и современной жизни абхазов, оторванных от исторической родины, и разбросанных по всему миру абхазов.

Здесь нельзя также не упомянуть о том, что многочисленная абхазская диаспора, создавшаяся вследствие насильственного выселения царизмом десятков тысяч абхазов с родной земли в 19 столетии, также имеет свою, уходящую в глубину веков, предысторию. Это продажа на чужбину соплеменников – то есть, работорговля на протяжении, можно сказать, не одного тысячелетия, интенсивность которой зависела от многих обстоятельств, но основным все же был спрос на живой товар. Абхазия, издревле расположенная между сильными державами и народами, во все эпохи теряла на этом сотни, а то и тысячи, лучших своих представителей, затем преумножавших славу и достижения чужых этносов и государств.

Так, например, Ю. Г. Аргун в работе «Работорговля и военное отходничество у абхазов» (Абхазоведение. Труды АбИГИ, 2011, №5 – 6), ссылаясь на А. Фадеева, отмечал: «В этот период (VI в.) военный грабеж сделался обычным явлением. Предводители местных племен, участвуя в борьбе Персии и Византии, умножали свое богатство военной добычей. Береговая торговля, в особенности работорговля, значительно увеличивала доходы эксплуататорской верхушки». Но следует также отметить, что в том же далеком столетии, при правлении византийского императора Юстиниана I (527 – 565), имели место и прогрессивные явления. В столице империи – Константинополе была открыта школа для абхазских детей, чтобы воспитать их в христианском духе. Одного из своих царедворцев – Евфрата, родом абхаза, император послал на родину распространять христианство среди соплеменников. Алчным абхазским феодалам он же запретил «лишать кого – нибудь из этого племени (абазгского – Ю.А.) признаков мужского пола, железом насилуя природу». Далее исследователь приводит слова Прокопия

Кесарийского, что абазги с радостью встретили этот императорский приказ, и «они уже решительно воспротивились таким действиям своих властителей. А до этого времени каждый из них боялся, как бы ему не стать отцом красивого сына».

Юрии Гудисович обращает внимание и на такое обстоятельство: когда, скажем, у абхазских племен устанавливалась централизованная власть, тогда наступало время консолидации, спокойствия и порядка. Как, например, в эпоху существования могущественного во всем Закавказье Абхазского царства в VIII – XII вв., границы которого простирались на Северо - Западе до р. Никопсии (ныне Нечепсухо) или же до устья р. Кубани, («Хазарской реки»), на юге – до Трапезунта, на востоке далеко в область современной Восточной Грузии. В тот период, уточняет исследователь, сведения в источниках о работорговле на Черноморском побережье Кавказа почти отсутствуют, по всей вероятности, она прекратилась.

Но, к сожалению, все изменилось, по словам ученого, «после ослабления и распада Абхазского царства в результате междоусобицы и борьбы с иноземными захватчиками, проникновения сюда генуэзских и венецианских купцов и образованием ими колонии на кавказском побережье и, в частности, в Абхазии… С помощью местных феодалов из Абхазии вывозили лес (самшит), мед, воск, звериные шкуры, продукты земледелия, скотоводства и т. д… Однако наиболее ценным и важным «товаром», которым интересовались генуэзские торговцы, были живые люди – рабы, которых они поставляли в Золотую Орду и почти во все невольничьи рынки Константинополя… Как свидетельствую источники, большинство рабов с Кавказа по национальной принадлежности являлись черкесами, абхазами и другими горцами»[1].

По словам Ю. Аргун, еще больший размах приняла работорговля на Восточном побережье Черного моря после падения Константинополя и захвата турками причерноморских

[1] Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы // Труды в XI томах. Том IV. АбИГИ. Сухум – 2017. С. 37.

городов, в том числе и в Абхазии. Ученый ссылается на свидетельства Арк. Ламберти, пребывавшего на побережье Черного моря в 1635 – 1653 годах и наблюдавшего ситуацию с работорговлей воочию. По этому поводу он отмечал: «Сюда приезжает множество турецких купцов, они привозят в большом количестве деньги и одежду, в которой нуждаются местные народы, и за что турки исключительно требуют невольников». Ламберти также свидетельствует, что «абхазские невольники высоко ценятся у турок: женщины из-за редкой красоты, а мальчики потому, что после обращения их в свою веру и обучения военному искусству выходят из этих невольников очень хорошие гражданские чиновники и офицеры». А вот французский ученый Фредерик Дюбуа де-Монпере, посетивший Абхазию в 1833 году полагал, что «этот ужасный торг прекратился бы совершенно, если бы Михаил-бей (владетельный князь Абхазии – Ю. А.) и Гасан-бей (дядя владетеля – Ю. А.)не были сами его зачинщиками».

Юрий Гудисович также приводит сведения различных источников о количестве рабов, вывозимых с Кавказского Причерноморья. Ссылается при этом на различные мнения по данному вопросу. Жак Шарден, путешествовавший в 1672 – 1673 гг. по Закавказью, в частности, отмечал: «Общее количество рабов, невольников, вывозимых ежегодно в его время из собственно Мегрелии и Абхазии, составляло до 12 тыс. человек. Из них 3 тысячи человек вывозились ежегодно прямо в Константинополь, в результате количество населения катастрофически сокращалось. Так, Мегрелия в настоящее время, как указывает автор, мало заселена, насчитывая не более двадцати тысяч жителей. Еще тридцать лет тому назад население доходило до восьмидесяти тысяч».

Наверное, также безрадостным было положение с работорговлей и на абхазском побережье Черного моря. Так, ссылаясь на Г. А. Дзидзария, исследователь отмечал, что «работорговля не прекращалась вплоть до второй половины 19 века, поскольку торговцы перекупщики получали самый большой барыш:

100, 300 и более процентов на торговле «живым товаром». Например, в 1840 году имел место такой факт: только два турецких купца, орудовавших в Абхазии, в течение одного года продали до 400 мальчиков, девушек и взрослых людей».

В завершение своей работы Юрий Гудисович делал следующие выводы: «Работорговля подтачивала, разрушала защитные силы страны, она значительно уменьшала количество населения. Так, если число абхазов в 1650 году доходило до 600 000 душ, а к 1770 году их число уменьшилось, и дошло до 400 000 душ, то постоянные войны, междоусобия и, главным образом, работорговля к концу 18 века численность населения Абхазии довели до 200 000 душ». Вот на таком фоне, как заключает Ю. Аргун, народ оказался на краю гибели: «Самая страшная национальная катастрофа для народов Северного Кавказа, т. е. абхазов и адыгов произошла во второй половине 19 века, в результате окончания Русско-Кавказской войны. Многие подразделения абхазов, такие как прибережные садзы, убыхи, жившие между Сочи и Гагра, ахчипсуйцы, аибговцы, псхувцы, далцы-цабалцы, гумцы, и др. поголовно были выселены силой оружия»[1].

В абхазской культурной и творческой среде проблема махаджирства во все времена, словно магнит, притягивала к себе внимание передовых представителей элиты: видных ученых, писателей поэтов, художников. Так, заметной стала тема махаджирства в творчестве классика абхазской литературы А. Н. Гогуа, особо отраженная в одном из главных его произведений – в романе «Большой снег» (1985). Сюжетная основа произведения – это чаяния и мысли как самого автора, так и передовых людей абхазского общества. Сомнения и надежды о том, смогут ли обескровленные трагическими событиями 19 века абхазы ответить на новые вызовы истории, или же сломленные чудовищно - жестокими обстоятельствами, окажутся на задворках иных народов. Верно, разумеется, отмечается

[1] Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы // Труды в XI томах. Том IV. АбИГИ. Сухум – 2017. С. 240 – 247.

литературоведами, что «Природное явление в качестве символического образа вынесено и в название романа – «Большой снег». В 1911 году в Абхазии выпало много снега. Это стихийное бедствие стало историческим событием и прочно сохранилось в памяти народа, как точка отсчета времени»[1].

Следует подчеркнуть, что явление «большого снега» на абхазскую землю стало своеобразным символическим предупреждением о наступлении нового времени, с новыми запросами и ответственными задачами, ранее никогда не виданными, и с которыми абхазскому этносу придется впредь соприкасаться и взаимодействовать. А вот каким образом подступиться обществу со старым укладом, к тому же и обескровленному, к новым общественным и экономическим веяниям, об этом, разумеется, думали передовые люди, элита народа. О том, каков выход из столь непростой ситуации, размышлял сам автор и его персонажи. По этому поводу В. А. Бигуаа писал, таким образом: «После массового выселения абхазов в Турцию в конце Кавказской войны, на долю народа выпало новое испытание. Сможет ли народ достойно выйти из создавшегося трудного положения, сохранив свое национальное лицо, вековые морально-этические традиций? Эта проблема глубоко волновала писателя. Через ретроспективные отступления автор раскрывает трагическую историю народа в XIX в., иногда углубляется в древнюю историю; показывает национальный быт, традиций, культуру…»[2].

К теме абхазских изгнанников часто обращались и другие представители старшего, среднего и младшего поколений литераторов: Алексей Джонуа, Таиф Аджба, Р. Смыр и другие. Так, в поэтическом наследии Рушбея Хазаратовича «немало места занимают размышления о героической и трагической истории абхазов, особенно в XIX в., связанном с махаджирством. Свидетелями исторических событий, писал автор, являются села,

[1] Абхазский биографический словарь. Под редакцией В.Ш. Авидзба. Москва – Сухум, 2015, С. 238.

[2] Там же. С. 238.

камни, море. Эта тема звучит в стихах: «Ацан», «Апсарские крепости», «Мои села», «Размышления о махаджирах»...[1]

Не обходят стороной трагедию абхазов 19 века абхазские живописцы и скульпторы. Замечательный художник Валерий Гамгия в конце 80 годов прошлого столетия создает композицию из четырех полотен, вобравшие в себя в определенные временные срезы важнейшие эпохальные события из истории Абхазии: как великие свершения и достижения, так и трагические коллизии, обернувшиеся всеобъемлющим бедствием народным. О том свидетельствует полотно художника, названное им «Абхазия в XIX веке. Махаджирство». Данная работа В. Гамгия, в комплексе с другими полотнами, такими как «История Абхазии в языческую эпоху», «История Абхазии в эпоху христианства», «Абхазия в XX веке. Революция. Свобода», украшает фойе Дома культуры с. Лыхны Гудоутского района.

Видный абхазский скульптор, ныне работающий в республике Белоруссия, в г. Гродно, Геннадий Лакоба, после завершения грузино-абхазской войны 1992 – 1993 гг., выполнил скульптурную композицию в г. Сухуме (набережная Махаджиров), запечатлев в данном ансамбле целый композиционный срез трагической истории абхазов на всем протяжении 19 века. Весь облик всадника и его верного коня, поверженного и испускающего дух на отчей земле, ясно свидетельствует, что история сопротивления абхазов подошла к завершению. И скоро грянет последний акт трагедии – исход сотен тысяч абхазов на чужбину.

Таким образом, интеллигенция Абхазии: ученые, писатели, поэты, публицисты, художники – закладывали своим совместным интеллектуальным трудом основы будущего единения и взаимного общения с зарубежными соотечественниками. Интеллектуальная элита, лучшие представители народа на протяжении не одного десятилетия советской власти, не теряли веры в осуществление заветной мечты всех абхазов, и отчизны и диаспоры, что придет такое время, когда падет

[1] Там же. С. 618.

железный занавес, разделивший многострадальный этнос, и наступит долгожданная и счастливая пора взаимного общения и единения.

Национальный лидер и проблемы единения абхазов

Эта вера в успех правого дела абхазов еще больше усилилась тогда, когда Абхазскую автономную республику возглавил известный ученый – хеттолог, доктор исторических наук, член Президиума Верховного Совета СССР В. Г. Ардзинба. Некоторые могут задаться вопросом: откуда, мол, такая надежда?

На самом деле, как уже отмечалось, авторитет будущего абхазского лидера нарабатывался в высших властных сферах пока еще ведущей мировой державы – СССР. Владислав Григорьевич в тот период, до конца 1990 года, как известно, не занимал высоких властных постов в республике. Но его влияние на процессы, происходившие в национально-освободительном движении абхазского народа, особенно после его выступления на первом съезде народных депутатов СССР (1989), было не только значительным, скорее всего, определяющим. Этому, конечно, наряду с другими факторами, способствовала его активная депутатская деятельность в Верховном Совете Союза ССР, где он занимал высокие должности Члена Президиума, председателя подкомиссии по государственно-правовому статусу автономных образований СССР, члена Совета Федерации. Здесь как раз и проявились присущие ему качества: глубокий аналитический ум, волевой характер, принципиальность, работоспособность, вкупе с ораторским искусством и харизмой. Абхазская элита и, безусловно, актив национально - освободительного движения (НФА «Аидгылара»), уже видели в личности В. Ардзинба, и вполне заслуженно, национального лидера, способного защитить интересы абхазского народа и государства. И это время вскоре наступило: в декабре 1990 года

он был избран председателем Верховного Совета Абхазии[1].

Как известно, тогда оставалось совсем немного до развала великой страны – всего один год. И за этот короткий временной отрезок новый энергичный руководитель, уже имевший значительный опыт политической и законотворческой деятельности в качестве народного депутата и члена президиума высшего органа власти Советского Союза, сумел провести в республике коренные преобразования, изменившие социально-политический облик абхазской автономии. Десятилетия до того бесправная республика, бывшая колониальным придатком грузинской метрополии, при В. Ардзинба только в течение первого года обеспечила свои политические и экономические суверенные права. Это было огромным достижением для абхазского народа, составлявшего подавляющее меньшинство в своей стране, в силу известных исторических и иных катаклизмов. Чем, кстати, изощренно, к своей выгоде, пользовались власти метрополии, опираясь на свое подавляющее численное преимущество. Ведь «только в людских ресурсах абхазы уступали метрополии в 44 раза, в самой же Абхазии грузин было в два с половиной раза больше, нежели абхазов»[2].

Удручающе бесправной была автономная республика и в экономическом плане. «Подведомственные Совмину абхазской республики предприятия составляли 7,7 процента. Все остальные предприятия, расположенные в предвоенное время на территории Абхазии, в ведомственном отношении подчинялись союзным министерствам или грузинским властям. Таковых было 243 объекта, на которые абхазская

[1] Чамагуа В. З. Информационная политика В.Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). АбИГИ. Сухум – 2017. С. 59.

[2] Чамагуа В. З. Информационная политика В.Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). АбИГИ. Сухум – 2017. С. 61.

юрисдикция не распространялась»[1].

Позволим себе еще раз напомнить, что пару веков тому назад абхазы перестали быть хозяевами своей отчизны, и с тех пор они находились под управлением других народов. Документы и источники неопровержимо подтверждают череду катаклизмов и бедствий в течение целого века, приведшего к исходу 19 столетия к опустошению абхазской земли. Не лучшим было положение абхазов и в период сожительства с грузинами, как в бытность меньшевистской оккупации, так и в советское время. «Такая ситуация сложилась в силу демографической экспансии, начавшейся после махаджирства и продолжавшейся в советское время, пик которой совпал с годами правления в Кремле Сталина и его подручного Берия. Даже в годы Великой Отечественной войны бесперебойно работало их детище – трест «Абхазпереселенстрой», организация, переселившая десятки тысяч грузин на абхазскую землю»[2].

Тогда же, в преддверие распада Советской страны, В. Г. Ардзинба, гибко используя ситуацию внутренних грузинских распрей, реформировал политические, экономические и информационные структуры автономной республики. Таким образом, глубоко и тщательно продуманные Владиславом и реализованные под его руководством Верховным Советом республики в законотворческом и практическом плане экономические и политические основы суверенитета Абхазии, вывели абхазскую автономию из управленческих тисков метрополии. Однако для дальнейших шагов по укреплению абхазского суверенитета не хватало людского ресурса, что оказалось большой проблемой для продвижения вперед, а также для защиты прав и свобод от той же грузинской метрополии. Именно эта проблема в те тревожные дни и ночи не отпускала Владислава

[1] Ачугба Т.А. В. Г. Ардзинба и вопросы государственного суверенитета Абхазии. Материалы первой международной научной конференции, посвященной 65 – летию В. Г. Ардзинба. Сухум – 2011. С. 56 – 57.

[2] Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953. Составители: Б. Е. Сагария, Т. А. Ачугба, В. М. Пачулия. Сухум,1992.

Григорьевича. В ту пору я, автор данного исследования, был главным редактором газеты «Республика Абхазия» и находился в постоянном контакте с главой республики.

– Как думаешь, – спросил он меня однажды, – сможем переселить в Абхазию хотя бы несколько тысяч потомков махаджиров?

– Куда их поселим? – не задумываясь, задаю риторический вопрос. Ведь у нас вся территория забита. Очень большая плотность населения.

– Найдем, например, вокруг озера Скурча. Если построить там, скажем, «финские домики», – делится планами Владислав, – в этом районе, со временем, можно создать свободную экономическую зону. Это было бы хорошим подспорьем и для переселенцев и для Абхазии. Очень надеюсь на помощь Игоря Киртбая. Талантливый организатор, большой патриот, крупный специалист – энергетик, работает на Севере. С ним можно горы свернуть! – восторженно восклицает Ардзинба.

Прошло несколько месяцев. В одно утро звонит Владислав и, убитым голосом, говорит: «Зайди, старик, случилось большое горе…» В течение минут, встревоженный, захожу в кабинет Владислава. Он встает, черный как туча, и тоскливо, с придыханием, сообщает: «Игорь умер, сердце не выдержало, ты не представляешь, какая эта потеря для нас – абхазов».

Я сразу вспомнил разговоры о Скурче, о махаджирах, о планах создания свободной экономической зоны. Тут до меня дошло: это же крушение задуманной Владиславом программы экономической и демографической подпитки Абхазии. Ее целью было создание базиса, на котором должна была основываться последующая деятельность по суверенизации Абхазии, обретению ею экономической и политической независимости[1].

Для Владислава проблема махаджиров всегда была животрепещущей, разрешение которой в той или иной степени, как он понимал, явилось бы актом величайшей справедливо-

[1] Чамагуа В.З.. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум – 2015. С. 23.

сти по отношению к потомкам изгнанников, с одной стороны, с другой – жизненно важной опорой для абхазов в обретении независимости от метрополии и строительстве свободного абхазского общества и государства. Так что, когда возникала хотя бы малая надежда на реализацию этого вопроса, глава Абхазии, как я знал, всегда откликался на то, ухватывался за любую возможность продвинуть хоть сколько - ни будь это судьбоносное дело – начать процесс возвращения потомков махаджиров. Не падал духом даже тогда, когда рухнули большие надежды и планы, в связи со смертью абхазского патриота, крупного российского энергетика и состоятельного бизнесмена И. Киртбая.

Однажды, в то самое предвоенное время, с помощью сотрудника газеты «РА» Ю. Бжания, мне удалось свести Владислава Григорьевича с немецкой предпринимательницей, с которой можно было договориться о строительстве упомянутых выше «финских» домиков для диаспоры. Еще не зная, что из того получится, глава республики отменил все свои планы и встречи на тот день, уделив гостье почти все свое рабочее время. И вот как эта встреча происходила.

В начале встречи глава Абхазии, радушно встретив гостью, предложил Инес Бройтигам, так звали представительницу Германии, угоститься абхазскими фруктами и напитками. Затем, после церемонии знакомства, разговор перешел, по инициативе Владислава, в историческую плоскость – доктор исторических наук Ардзинба «сообщал вроде бы известные исторические события и факты, комментируя их живо и красочно, с его ораторским искусством держать слушателя в напряжении. Рассказывал о великом абхазском царстве во главе с династией Леонидов, просуществовавшем в раннем средневековье несколько столетий. Отметил также, что в ту пору абхазы имели тесные связи с такими могущественными державами, как Восточно-Римская империя, Хазарский каганат, странами арабского Востока. Получалось, что ареал влияния государства абхазов – почти вся

территория Кавказа между Черным и Каспийским морями»[1].

Затем, коротко поведав о последующих исторических периодах, Владислав достаточно подробно остановился на трагедии абхазского народа, имевшем место в 19 столетии. Природная немка Инес, не представлявшая и не ведавшая о той драматической ситуации, увлеченно, что было заметно, переживала трагедию абхазов, слушая комментарий Владислава Григорьевича к тем событиям. И когда он произнес фразу, что более двух третьей из полумиллиона абхазов были выселены на чужбину в результате Кавказской войны с Российской империей, большая часть которых погибла от болезней, голода и холода в дороге, мы увидели слезы боли и сострадания у нашей гостьи. Заметил это и Владислав. И тотчас, как бы в утешение ей, сказал: – «Видите-ли, Инес, многие думали, что после такой страшной трагедии абхазы вряд ли смогут сохраниться как этнос, не говоря уже о том, чтобы суметь к тому же создать собственную государственность».

Пояснив далее, что наши соседи и оппоненты, урезавшие статус и права страны абхазов, сделали ее по существу, бесправной колонией в составе грузинской метрополии, Владислав продолжил свой монолог: «Но мы не пав духом, пытаемся выправить эту ситуацию. Поскольку ныне абхазы на своей родине в меньшинстве, разумеется, у нас большая надежда на диаспору – мы ведь разделенный народ. Отсюда все наши беды: малочисленность, колониальная зависимость, замедленное развитие экономики, социальной и культурной сферы. Настала пора объединяться с единокровными братьями-махаджирами, чтобы общими усилиями преодолеть агрессивное давление этой самой метрополии. Вот и соображаем, как это сделать. Думаем начать с того, чтобы, скажем, стимулировать начало возвращения потомков абхазских изгнанников на родину»[2].

Конечно, рассказывая долго и подробно об исторических

[1] Чамагуа В.З. Рукопись книги «Владислав: испытание судьбы» // Газета «Республика Абхазия», №46, 13–14 мая 2019 г.

[2] Там же.

перипетиях многострадального народа, Владислав Григорьевич надеялся на то, что гостья из состоятельной семьи, вице - президент строительной фирмы, ощутит сочувствие к судьбе абхазов и проникнется желанием посодействовать в благородном деле возвращения изгнанников на родину. Так оно и произошло. Когда глава Абхазии пояснил свои планы по созданию свободной экономической зоны на берегу моря и возможности подключения к строительству зарубежного бизнеса, немка Инес, подключившись к разговору, сама предложила сотрудничество, то есть услуги своей фирмы по возведению жилья для махаджиров. На первых порах, как отметила Инес Бройтигам, «полагаю, что руководство моей фирмы согласится построить не менее 50 домов на бесплатной основе. Я также уверена, хотя пока не знаю, каковы объемы строительства, что мы договоримся о форме и способах оплаты и в дальнейшем. Это может быть отсрочка, кредит в приемлемых для сторон рамках…»

Тронутый благородным порывом немки внести свою лепту в возвращение потомков абхазских изгнанников, Владислав, в свою очередь, не преминул отблагодарить гостью такими словами: «Хочу, чтобы вы знали: в Абхазии, для вас особо, все двери открыты, а в экономическую зону – и подавно. Даст Бог, сладим с ней, вы там будете первыми…»[1].

К сожалению, этим планам, как и множеству других, не дано было сбыться. Вскоре на абхазскую землю пришла война. И в начале грузинской агрессии, Инес Бройтигам, помня, безусловно, трагедию махаджирства, на личные средства закупила и отправила из Германии в Абхазию 8 тонн продовольствия и медикаментов.

Но еще до грузинской агрессии, в последней декаде июля 1992 года, В. Ардзинба с группой представителей интеллигенции и руководства республики посетил Турцию. И вот, после войны появились эксперты и аналитики, которые упрекали его в том, что, дескать, «в предвоенном июле он с большой делегацией побывал в Турецкой республике, вместо

[1] Там же.

того, чтобы укреплять накануне агрессии обороноспособность Абхазии. Странно, что эта поездка, предпринятая Ардзинба с целью ознакомиться на месте с потенциалом абхазо-адыгской диаспоры, ее возможностями в поддержке Абхазии финансовыми и людскими ресурсами на случай возникновения экстренной ситуации, кое-кем воспринимается, мягко говоря, с недопониманием. К тому же добавим, что Э. Шеварднадзе прилюдно не объявлял о своей готовности напасть на Абхазию именно 14 августа. Конечно, если считать упреки, как говорится, задним умом, их можно придумать в немалом количестве»[1].

Надо также отметить, что глава Абхазии к тому времени заручился поддержкой Российского президента, о чем тогда никому не было известно. Именно в ту пору, во время июльской встречи в Сочи В. Ардзинба и Б. Ельцина, состоявшейся, как известно, накануне поездки абхазского лидера в Турцию, Владислав Григорьевич напомнил президенту России о данном им обещании поставить на Ингурском рубеже российские подразделения для защиты населения Абхазии. Об этом разговор между ними состоялся еще в марте на даче «Бочаров ручей», но проходил неофициально, тет-а-тет, и не был отражен в СМИ. Но как показали дальнейшие трагические события, Ельцин по каким - то соображениям, быть может, в силу Дагомысских соглашений и обязательств, данных грузинскому лидеру, своего слова не сдержал. О том автору этих строк стало известно со слов Ардзинба уже в послевоенный период[2].

Сам Владислав Григорьевич о той поездке вспоминал таким образом: «Сразу после фестиваля (Всемирный фестиваль абхазо - адыгских народов, проведенный в Сухуме 18 – 23 июля 1992 года – В. Ч.), с 24 по 31 июля 1992 года, делегация Респу-

[1] Чамагуа В. З. Роль Владислава Ардзинба в становлении постсоветской Абхазии. Предвоенный этап (1990 – 1992 гг.). //Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14 – 17 мая 2015 года. С. 46 – 47.

[2] Там же. С. 47.

блики Абхазия находилась с визитом в Турции, где проживает наша многотысячная диаспора, впервые со времени махаджирства. Налаживанию прочных связей с нашей диаспорой я придавал особое значение. Эпизодические взаимные визиты соотечественников не отвечали требованиям времени и не могли решить главную, если угодно, судьбоносную, с моей точки зрения, для будущего Абхазии задачу репатриации абхазов на родину»[1].

После краткого исторического экскурса, В. Ардзинба отмечал также большое значение состоявшегося общения в различных местах проживания соотечественников: «Абхазская диаспора в Турции и других странах Ближнего Востока, как и общекавказская, – напоминал Владислав Григорьевич, – стала результатом, как Кавказской войны, так и последующей политики российской империи в регионе. Насильственное выселение абхазов, известное как махаджирство, является величайшей трагедией нашего нарда, результаты которой мы ощущаем до сих пор. Трудно передать словами впечатления от встреч с соотечественниками. Они живо интересовались жизнью, казалось, навсегда утраченной родины. Наша делегация побывала в местах компактного проживания абхазов в Адапазары, Дюздже, хотя абхазы живут и в других вилайетах. Нас встречали хлебом-солью, национальными танцами. Я также посетил мавзолей Ататюрка и сделал запись в книге посетителей на абхазском языке. Эта поездка имела колоссальное значение и для нас, и для них: мы им вернули Родину, а они ей свою любовь и готовность бороться за нее»[2].

Эти оценки и выводы абхазского лидера, в частности, о готовности диаспоры «бороться за Родину», как раз и говорят о главной цели его поездки – посмотреть и ощутить возможности диаспоры на случай той или иной чрезвычайной ситуации, например, грузинской агрессии против Абхазии.

Так оно и произошло: во время грузино-абхазской войны

[1]Ардзинба В.Г. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум – 2018. С. 178.

[2] Там же. С. 179.

зарубежные соотечественники оказали значительную материально-финансовую и военную помощь своей родине. Сотни добровольцев прибыли защищать родину предков, многие сложили свои голову за отчизну. Политическая поддержка, митинги и демонстрации в странах проживания, сбор гуманитарной помощи, снабжение медикаментами, значительная финансовая поддержка – за всеми этими акциями стояли патриоты абхазской диаспоры. Это не могло пройти мимо главы сражающейся Абхазии. И в ходе войны, в марте 1993 года, по инициативе председателя Верховного Совета В. Ардзинба был создан решением Парламента страны Государственный Комитет по делам репатриации, что подтверждает, как отмечал Владислав Григорьевич, «судьбоносное» значение решения проблемы махаджиров для будущего абхазов и их страны.

В своих интервью в послевоенное время Владислав Григорьевич обратил внимание на такие аспекты не только махаджирской, но и обще абхазской проблематики, о которых еще никто не говорил. Например, интересны и поучительны его следующие выводы: «Где не проживал бы абхаз, – за морем ли, или же в Абхазии, – чтобы ему оставаться абхазом, мысли его о будущем должны быть связаны с исторической родиной, где его предки издревле являлись основателями государств в отчей земле. Надо защищать и преумножать ценное наследие, созданное предками в течение тысячелетий. И абхазское государство – самое надежное место для сохранения отмеченного. Больше нигде. В этом деле важнейшее место отведено абхазскому языку. Если потеряем язык – потерям все. Об этом должны думать старшие поколения – и те, кто в Турции, и те, кто проживает в Абхазии»[1].

И еще о языке в интервью, данном Тали Джапуа (на абхазском языке): «Другого пути нет. К примеру, обратите внимание, иной раз мы утверждаем, что в Турции проживает 500 тысяч абхазов. Да, пока еще тамошнее старшее поколение владеет род-

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В.Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум – 2011. С. 422. На абх. языке.

ным языком, а вот молодежь в этом отношении ощущает себя на краю пропасти. И к Абхазии у них большая любовь. И в этом язык их и культура становятся в ряд первостепенных вопросов. Если же и там язык под угрозой исчезновения, и здесь также, тогда не будет и вовсе абхазского языка. Смотрите сами. Вот убыхи. Какой был народ! Бесстрашием превосходил всех на Кавказе, таким был этот народ. Но те, кто сегодня проживает в Турции, не знают своего родного языка. Часть из них говорит на кабардинском языке, другие говорят на абхазском или на турецком языке. Но сами убыхи могут не состояться как народ. Разве это не трагедия?! Не хотим же, мы, абхазы, оказаться в такой ситуации?»[1]

Или такие мысли Владислава: «Зарубежная молодежь, прибывающая в Абхазию, ни в чем не должна быть ущемлена; свое будущее, как абхазы – они могут обрести только на родине предков. По правде, кроме Грузии, есть и другие страны, которые противятся справедливому решению проблемы махаджиров: они опасаются, что здесь, в нашей Абхазии, ислам сильно укрепится. Нам нечего бояться того: ислам – великая мировая религия, исповедующая человеколюбие и доброту».

О непростых вопросах репатриации соотечественников: «Я уверен, что этот вопрос мы должны обязательно решить. Вот границы… Время раскроет, с божьей помощью, границы. Но это не дело, которое можно легко, в одночасье решить. Здесь одного патриотизма и любви к отчине недостаточно: необходимы также помощь и поддержка. Нужна крепкая помощь тому, кто оставляет нажитое временем, дом и хозяйство. Сегодня мы не можем обещать: «Приезжай, дескать, мы построим тебе все, что захочешь, все сделаем…» Малы наши возможности для этого. Но у нас есть земля, имеются хорошие условия для жизни на новом месте. Известно, что без труда ничего не получается. Если немного потрудятся те, кто возвращается на родину, а мы немного им поможем, в таком случае должен быть успех и все сладится».

Особенно значимо обращенное ко всем абхазам мира следу-

[1] Владислав Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум – 2015. С. 62.

ющее суждение национального лидера о земле Отчизны: «Здесь извечное место абхазского народа, место равное для всех без исключения абхазов. Об этом следует помнить вечно![1]»

После войны, в конце 90-х годов прошлого столетия, В. Ардзинба еще раз побывал с визитом в Турецкой республике. И вот как о том он позже вспоминал в книге «Моя жизнь»: «С 7 по 9 июня 1999 года в рамках женевского переговорного процесса состоялась поездка абхазской делегации в Стамбул, где состоялась вторая встреча сторон по мерам укрепления доверия. (Первая прошла в Афинах в октябре 1998 года, третья – в Ялте в марте 2001 года). Организаторы этой встречи – правительство Турции – пригласили меня принять в ней участие и создали все необходимые условия для нашей работы, за что мы им очень признательны. Принимая во внимание тот факт, что в Турции проживает многочисленная абхазская диаспора, я отправился в Стамбул. В аэропорту нас встречали зам. министра иностранных дел Турции, другие работники ведомства, а также представители нашей диаспоры в Турции». Затем В. Ардзинба делится впечатлениями от встреч с нашими соотечественниками. Он эмоционально и тепло описывает дни общения с диаспорой много лет спустя: «Не успели мы проехать несколько сот метров от аэропорта, как наши машины оказались в окружении многочисленной группы – абхазов, скандировавших приветствия, с транспарантами, флагами: абхазскими, конфедерации, турецкими. После того, как полиции удалось навести порядок, наша делегация продолжила путь в сопровождении большого количества машин с флагами. В тот же день состоялась встреча нашей делегации с представителями нашей диаспоры из различных городов Турции в одном из кавказских клубов – дернеке, где я поделился с ними нашими успехами и проблемами. По окончании встречи состоялся организованный руководством абхазского Комитета банкет в честь абхазской делегации. Трудно передать словами глубину эмоций от встреч с нашими братьями: тосты в честь абхазского народа, Турецкой

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум – 2011. С. 422 – 423. На абх. языке.

республики, зажигательные абхазские танцы в исполнении ансамбля танца стамбульских абхазов, песни, проникновенное выступление талантливого абхазского поэта Рушбея Смыр. Расходиться не хотелось»[1].

Многое из того, как встречала диаспора абхазскую делегацию, также президента Абхазии, отстоявшего отчизну в отчаянной кровопролитной войне вместе с народом, Владислав Григорьевич из скромности опустил. Автор этих строк был в той самой делегации и по следам поездки опубликовал в газете «Республика Абхазия» заметки, где, в частности, постарался по мере возможности отразить восторг и накал эмоций соотечественников, встречавших членов делегации, также национального лидера – победителя, объединившего всех абхазов в войне с грузинскими захватчиками.

Итак, мы приземлились в стамбульском аэропорту. «… Самолет вырулил к стоянке. Прильнули к иллюминаторам и были приятно удивлены: не один десяток метров тянулась к нашему летательному аппарату красная ковровая дорожка. Рядом на поле суетились, это было видно воочию, люди в строгих черных костюмах – турецкие мидовцы готовились к протокольному приему абхазской делегации. Встречать ее прибыли зам. министра иностранных дел Турции, другие работники министерства. Здесь же наши братья – абхазы, проживающие в Турции. Конечно, вес нашей делегации придавало присутствие Президента РА В. Ардзинба. Первые объятия, приветствия на турецкой земле. После завершения официальной и вместе с тем теплой церемонии встречи, состоявшейся в правительственном помещений аэропорта, мы уселись в автобусы марки «Мерседес» и в сопровождении эскорта полиции направились в город. Кортеж Президента Абхазии следовал впереди нас».

Но, как оказалось, это была еще не вся встреча. Вскоре мы были сильно удивлены и взволнованы следующей картиной. Обратимся к упомянутым заметкам: «Не успели проехать несколько сот метров от аэропорта, как наши машины попали

[1] Ардзинба В.Г. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум – 2018. С. 404.

в настоящую «пробку»: тысячи людей, остановив огромный поток машин, скандировали приветствия. Прислушавшись и присмотревшись, мы растроганно встрепенулись: а ведь это, братцы, в наш адрес!

На дороге, если не ошибаюсь, рядов в восемь машин, творилось настоящее столпотворение. Повсюду транспаранты, плакаты, портреты В. Ардзинба, флаги: абхазский, конфедерации, турецкий… И буря эмоций: приветственные возгласы, размахивание флагами, какофония сигналов…

Через некоторое время, после того, как полиции удалось, видимо, навести «порядок», мы направились дальше. За нами, впереди и по бокам, двигалась кавалькада в несколько сот машин разномастных иномарок: где с флагами, на лобовом и заднем стекле – крупные фото абхазского президента. И все это – с криками, шумом, сигналя – следовало на всем протяжении нашего пути из аэропорта в фешенебельный стамбульский отель «Хилтон», где нам предстояло жить и работать в течение пяти дней».

Думается, стоит поведать и об атмосфере радости и единения, царившей на банкете в честь делегации из Апсны. В тех же заметках сообщалось, что «банкет проходил в ресторане одного из стамбульских небоскребов, на самой его верхотуре. Глазам открывалась живописнейшая картина Босфора… Постепенно собрались все уважаемые гости. Заняли свои места за столами Президент В. Ардзинба, Спецпредставитель Генерального секретаря ООН Л. Бота, руководители абхазского Комитета. Произнесены здравицы в честь абхазского народа, Турецкой республики. В зал вихрем влетает ансамбль танца стамбульских абхазов. Раздаются знакомая мелодия гармоники и характерные такты барабана: исполняется старинный абхазский танец, пронесенный через века в первозданной чистоте, без единой примеси вычурности и чужеродных элементов. Ужин тем временем, как принято говорить, проходил в теплой обстановке. Тост следовал за тостом. С большим вниманием присутствующие на банкете выслушали речь Президента В. Ардзинба, от-

метившего гостеприимство хозяев, руководства Комитета, абхазской диаспоры и предложившего тост за еще более тесные контакты, преодоление препон на этом пути. Примеру Президента последовал Спецпредставитель Генерального секретаря ООН господин Л. Бота, сказавший с бокалом в руке немало теплых слов о нашей республике и абхазском народе. Затем были снова песни и танцы, звучали проникновенные пожелания и здравицы, стихи и яркие речи…»[1]

В своей книге воспоминаний Владислав Григорьевич пишет о том, что «помимо встреч с диаспорой, «группой друзей» Генерального секретаря ООН, пресс-конференции, которую дал для СМИ Турции и других агентств, особенно запомнилась встреча с министром иностранных дел Турции г-ном Исмаилом Джемом. Эту встречу организовал посол Турции в Грузии г-н Бурак Гюрсел. Беседа была очень интересная»[2].

Полагаю, что есть резон вспомнить о казусе, произошедшем на упомянутой пресс-конференции с грузинской журналисткой, свидетелем которой стал автор этих строк. Своим пространным вопросом она пыталась убедить аудиторию, что грузины и абхазы – близкородственные народы, и посему, мол, им незачем разделяться. В ответ Владислав Григорьевич заговорил на абхазском языке с премьер-министром С. Багапш. Грузинка запротестовала, заметив, что она не понимает, о чем говорит президент Абхазии. На слова Владислава Григорьевича – а как же наше близкое родство, журналистка стушевалась, участники же пресс-конференции от души посмеялись. Но это – к слову.

Главным для Владислава в ту пору был даже не переговорный процесс по мерам укрепления доверия между грузинской и абхазской сторонами – вопрос, стоявший на повестке дня Стамбульской встречи. Содействовать тому были призваны уже упомянутый Спецпредставитель Генсека ООН Ливиу Бота, посол Франции Мюрей Мюссо, также послы других

[1] Газета «Республика Абхазия», №132, 11 ноября 1999 года.

[2] Ардзинба В.Г. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум – 2018. С. 404.

стран – России, США, Великобритании, Германии. Как всегда, наблюдая за действиями союзников Грузии, Владислав Григорьевич по поводу и этой встречи больших надежд не питал. Он больше надеялся на другое: на то, что в близкой перспективе значительное число зарубежных абхазов обоснуется на исторической родине. По этому поводу Владислав встретился, и не единожды, с состоятельными и влиятельными представителями диаспоры. Глава Абхазии предложил им, под гарантию абхазских законов и свою личную, вложить финансовые средства в создание предприятий, например, связанных с переработкой древесины и выпуском различной продукций. Обслуживали бы эти предприятия, по замыслу В. Ардзинба, в основном приглашенные инженерно-технические работники и рабочие сугубо из среды диаспоры. Все налоговые сборы отсрочивались на 5 лет. Обеспечение жильем работников из числа соотечественников осуществлялось за счет государственных средств республики. Вот такие условия репатриации, чтобы сдвинуть с мертвой точки возвращение соотечественников, обговаривал Владислав Григорьевич с рядом тамошних бизнесменов, которые тогда обладали, по меркам главы Абхазии, не одним десятком миллионов в валютном исчислении. Здесь я не мог удержаться от вопроса – во сколько им обошлось бы среднее предприятие, скажем, на 50 работников, на что ответом было – не более миллиона, а может, и меньше средств. Зачем же тогда случилась задержка, ведь дело-то было довольно доходное, к тому же и благородное, можно сказать, святое – возвращение подобным способом потомков махаджиров на родину? – вновь вопрошал я. Немного помедлив, Владислав неохотно отвечал: «Скорее всего, сказывалось чувство опасения за вкладываемые средства – а вдруг опять война, тогда пропадут ведь денежки, правда, не последние. Но таков, по всему, психологический склад бизнесмена, и не только абхазского, что уж тут поделаешь. Словом, ничего не вышло из тех моих попыток привлечь их внимание к отечественным проблемам, но я им не судья. Нам, как теперь мне видится, надо идти другим путем», – так

отвечал тогда на мой вопрос Владислав Григорьевич.

Но и «другой путь», отмеченный послевоенным десятилетием – временем созидания почти с нуля основ государства: экономических, политических, социальных, был отягощен блокадой, разрухой, опасностью развязывания новой агрессии грузинскими агрессорами. В течение всего периода послевоенного правления Владиславу приходилось вести изощренно гибкую, вместе с тем, упорную дипломатическую борьбу с различными оппонентами абхазской независимости и свободы, главной целью которых было склонить абхазов на совместное проживание с вчерашними агрессорами в лоне грузинской метрополии. А в ответ на упорное сопротивление этим планам народа и его лидера, могла последовать новая агрессия, которой нередко угрожали Владиславу Григорьевичу не только руководители Грузии, но и их союзники из стран просвещенного и демократического вроде Запада, напоминали о том и в окружении Российского президента Б. Ельцина. Даже в подобных условиях существования абхазского общества проблема возвращения соотечественников на родину для основателя современной абхазской государственности была на первом плане, как один из важнейших факторов, способствующих укреплению безопасности народа и его молодой страны.

Так уж случилось, что, в рамках первой трети 20 столетия – в начальный период советской власти, заниматься проблематикой возвращения соотечественников на родину выпало на долю главы правительства ССР Абхазия Н. А. Лакоба. Затем наступили мрачные в своей жестокости десятилетия, когда вопрос стоял лишь о физическом выживании народа, и вплоть до середины 60-х годов, памятуя о судьбе Нестора Аполлоновича и его соратников, тема не только возвращения, но и простых контактов с потомками абхазских изгнанников, не имела места в повестке дня абхазского общества. Лишь с начала 70-х годов, усилиями подвижников из среды патриотический настроенной интеллигенции, началась самая настоящая борьба за установление связей и контактов с абхазской диаспорой за

рубежом. Эта рискованная для тех, кто ее вел, активная деятельность имела своей целью прорыв того самого железного занавеса, что присно памятная Сталинщина возвела между разделенным абхазским этносом, дабы не было и в перспективе возможности контактов и единения. Властные структуры автономной республики были лишены принимать любые решения без одобрения грузинской метрополии, а проблемы зарубежных соотечественников и вовсе являлись «табу», нарушение которого партийным или советским чиновником обязательно каралось отрешением от работы, гонениями по партийной линии и прочими неудобствами в тех условиях. Так что до конца Советской империи власти Абхазии отстранялись от подобной проблематики, и только лишь с приходом к управлению автономной республики в 1990 году В. Г. Ардзинба положение кардинально меняется. Глава Абхазии, уже на закате 20 столетия, как и в эпоху Н. Лакоба, берет под личный контроль, как он мыслил, судьбоносный для абхазского этноса, вопрос. В этом, как нам видится, идентичность мышления и воззрения, сходство позиций по судьбоносным проблемам народа, объединявших этих двух национальных лидеров, живших в разное время и в условиях, совершенно различных. Не потому ли, на вопрос осетинского журналиста – «об особо почитаемом политическом деятеле», Владислав Григорьевич тотчас отвечал: «Нестор Аполлонович Лакоба, первый Председатель Совета народных комиссаров Абхазии»[1].

Только через многие десятилетия состоялась, как видим, преемственность государственных структур власти Абхазии по такой важнейшей проблеме, как установление и расширение контактов и связей с соотечественниками, а в дальнейшем – и начало репатриации зарубежных абхазов. Но до коренного перелома, которое бы привело к весомым успехам в священном деле по единению, если и не всех абхазов, то хотя бы их значительной части на отчей земле, чему мы все свидетели,

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба. Сухум – 2011. С. 328.

пока еще весьма и весьма далеко. Тем не менее, как известно, на исторической родине проводилась определенная деятельность по решению проблемы махаджирства и его последствий. В начальный период советской власти, например, на государственном уровне Н. Лакоба делались попытки вернуть на родину часть абхазов из греческой Македонии. Это не увенчалось успехом по причине противодействия большевистского руководства в лице Сталина, Берия, Орджоникидзе, Орахелашвили и других партийных и советских функционеров – грузин, у которых уже тогда сформировались взгляды на Абхазию, как на извечную территорию Грузии со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для абхазского этноса. Серьезные сдвиги в налаживании контактов и связей между двумя частями разделенного народа произошли с приходом во власть в Абхазии выдающегося национального лидера В. Г. Ардзинба. В результате протекционистской (благожелательной) политики и принятия оптимальных законов в отношении репатриантов, сотни наших соотечественников обрели заново отчизну. Но эти результаты для реализации такого архи важного вопроса для этноса, как единение хотя бы большинства из числа всех абхазов, прямо скажем, пока еще очень невелики. Выходит, впереди еще непочатый край работы – обретение потомками изгнанников не сотнями, а тысячами, и десятками тысяч своей исторической отчизны. Но эта деятельность не может быть только односторонней: навстречу энтузиастам и государственным структурам Абхазии также должно быть мощное, объединенное помыслами о единой родине, стремление всех передовых сил диаспоры. Эти силы были раньше, они есть и в настоящее время. О них будет сказано в следующей главе данного исследования.

Глава II.

Вклад зарубежных абхазских диаспор (Турецкой, Сирийской и других) в активизацию процесса национального единства абхазов

По существу вопроса пару мыслей

Вначале, полагаем, есть необходимость пояснения, как для абхазской среды, так и для зарубежной общественности – отчего столь пристальное внимание уделяется проблеме единения абхазов, оказавшихся в подавляющем большинстве своем за пределами отчизны. Ведь сегодня десятки народов, как и абхазы, проживают вне своей исторической родины: например, европейцы в Америке, Австралии, в ряде стран Африки и т.д. И, наоборот, уроженцы Азии и Африки миллионами переселяются в страны Европы. Взять, скажем, ирландцев, которых на родине намного меньше, нежели их сородичи, проживающие в США. Здесь также нет смысла говорить в этом плане об англичанах, немцах, французах и т. д., поскольку на родине они составляют многомиллионное подавляющее большинство, способное обеспечить демографическую безопасность своих государств. К тому же, следует отметить, что в отличие от многих народов, представители которых десятками тысяч добровольно эмигрировали в иные страны, подавляющее большинство абхазского этноса в течение второй половины 19 столетия было насильственно изгнано из родных пределов российским царизмом. Оставшаяся небольшая часть населения, лишенная также государственности, оказалось бесправной, а опустевшие земли Абхазии, тем временем, заселялись лояльными царизму народами: грузинами, мегрелами, армянами, русскими, греками и прочими национальными общинами. Таким образом, коренной этнос, составлявший 100 процентов населения до изгнания из Абхазии, и с тех пор, на протяжении более чем ста лет, вплоть до 1993 года, был в подавляющем меньшинстве на родине, а в лихие, трагические периоды, оказывался на гра-

ни исчезновения, составляя 15 – 18 процентов населения на отчей земле.

После обретения Абхазией независимости (1993) ситуация в демографическом плане несколько изменилась в лучшую сторону – абхазы ныне составляют чуть больше половины населения страны. Но, тем не менее, нас не может не беспокоить замедление темпов прироста коренного населения, призванного обеспечивать безопасность абхазского этноса и государства. Такая ситуация – следствие безвозвратных потерь в среде молодого (репродуктивного) поколения абхазов в минувшей войне, десятилетнего периода послевоенной разрухи и блокады, также кардинально сказавшегося на демографической ситуации в среде коренного населения. Кроме того, исследователи отмечают и следующие факторы, негативно воздействующие на нормализацию демографического состояния Абхазии, среди них: ухудшение здоровья населения, экологической ситуации, разбалансированность питания (постепенное сокращение в рационе традиционных продуктов питания), медикаментозный дефицит, особенно в послевоенный период, что способствовало формированию ослабленных поколений. В этом же ряду ускорение темпов старения населения, изменение половозрастной структуры населения республики, ведущее к превышению женских возрастных контингентов над мужскими, тенденция снижения рождаемости коренной национальности и другие[1].

К большому сожалению, среди вопросов, обсужденных научно-практической конференцией на тему «Перспективы сохранения и развития абхазской нации» (2005), почему-то не оказалось такой важнейшей проблемы, как состояние и перспективы работы государственных органов и общественности по репатриации наших зарубежных соотечественников. Хотя, как известно, этому вопросу за последнее время всегда уде-

[1] Ардзинба И.Ш. Современная демографическая ситуация в Абхазии. Материалы научно-практической конференции по проблеме «Перспективы сохранения и развития абхазской нации». Сухум – 2005. С. 60 – 61.

лялось важнейшее внимание, чему положил основу Первый Президент страны В. Г. Ардзинба, по непосредственной инициативе которого, как уже отмечалось, была создана правительственная структура – Государственный Комитет РА по репатриации, а позже и Государственный Фонд по репатриации, где аккумулировались финансовые средства, собираемые в виде 2-х процентного специального налога, предназначенного для содействия репатриации зарубежных соотечественников. Им же было заложено в Основной закон страны конституционное право соотечественников на гражданство исторической родины – Абхазии, при изъявлении ими подобного желания.

Таким образом, у абхазов, в отличие от некоторых других народов, в наличии не только постоянное и обостренное чувство, побуждающее к единению, но и та самая материальная и законодательная основа для активизации процесса единения, вовлечение в него сотен и тысяч соотечественников. Коренные сдвиги в этом важном для абхазов деле непременно явятся не только актом исторической справедливости по отношению к тем, кто насильственно был изгнанным более века тому назад, также и к их потомкам, и, в то же время, станут большим вкладом в укрепление демографической безопасности абхазского государства. Наверное, в таком ракурсе думал о решении проблемы соотечественников основатель новой абхазской государственности Владислав Ардзинба. Нет сомнения и в том, что эти мысли и чаяния разделяют сотни и тысячи абхазов, проживающих в различных странах мира.

Как известно, самая большая диаспора соотечественников находится издавна в Турецкой республике, там же формировались из среды изгнанников, а позже их потомков, выдающиеся военные, государственные, политические деятели, видные представители науки, культуры, искусства и спорта. Подавляющее большинство из них, как, впрочем, и простые абхазы, никогда не забывали о своих предках, коих насильственно лишили родины, годами и десятилетиями помышляя о свидании с землей отчизны, уходили в мир иной на чужбине. И вот, про-

несенные через десятилетия и века мечты, начали сбываться, особенно после крушения разделявшего абхазов «железного занавеса», установленного вначале правительством царской России, а затем, в советское время, режимом Сталина и Берия.

Взаимосвязи с зарубежными соотечественниками, в основном посредством писем, стали устанавливаться, как уже отмечалось выше, представителями активной части интеллигенции, как исторической родины, так и диаспоры, в конце 60-х годов 20 столетия. Ниже пойдет речь о подвижниках из числа соотечественников, о тех, кто с большим энтузиазмом принял участие в налаживании связей с исторической родиной, также было бы справедливо напомнить и о тех видных представителях диаспоры, которые много раньше лелеяли мысли и чувства по отношению к своей исторической родине. При этом, правда, не всегда ясно представляя какие непреодолимые преграды воздвигнуты судьбой и власть имущими между разделенными частями абхазского народа. Ведь информация о жизни на исторической родине была весьма скудной на протяжении многих лет, и во времена меньшевиков, как и большевиков, так и много позже, вплоть до обретения независимости Абхазией в 1993 году. Но стремление диаспоры вновь обрести отчую землю не иссякала никогда, порой, к тому же, самые отважные из соотечественников пытались достичь того и силой оружия.

За свободу Апсны – против меньшевиков

В этом отношении нельзя забывать о судьбе абхазского десанта махаджиров, прибывшего к берегам Абхазии дважды в 1918 году с освободительной миссией – с целью освобождения страны от грузинских захватчиков и местных прислужников оккупационной власти. Вскоре абхазский десант, с подачи Тифлиса был поименован «турецким», якобы имевшим целью установление турецкого же протектората в Абхазии. Эта формула грузинских меньшевиков уже в советское время прочно

обосновалась в исторической литературе, в том числе и абхазской. К сожалению, в минувшие десятилетия советской власти проблематика абхазского десанта, его цели и задачи, взаимосвязь с местными событиями и международной ситуации того периода, мало исследованы. Впервые об истинных целях и задачах десанта сказано абхазскими учеными О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба, авторами учебника «История Абхазии…», увидевшей свет в 2015 году.

Однако до сего дня мало источников и свидетельств, за редким исключением, по которым можно было бы получить информацию о непосредственных участниках десанта, его организаторах и рядовых участниках отряда. В поименованном учебнике сообщается об одном из инициаторов десанта, также и национальном составе таким образом: «В ночь на 27 июня 1918 г. абхазский вооруженный десант из Турции во главе с Джамалбеком Маршан высадился у Кодора в имении А. Г. Шервашидзе. Эта была ответная акция, направленная против фактической оккупации Абхазии Грузией и объявления 23 июня Мазниева генерал - губернатором Абхазии»… Десант же (состоял только из абхазов) по сути представлял собой вооруженную силу Северо-Кавказского государства»[1].

Судя по всему, о нем же, о Д. Маршан, ведет речь Ш.Д. Инал-ипа, отмечавший такой факт: «В 1912 году турецкие абхазы и черкесы организовали в Константинополе абхазо-черкесский Комитет. Из абхазов членами Комитета являлись проф. М. Бутба и офицер (авиатор) Джамал Маршан (между прочим, последний был и руководителем махаджирского десанта, высаженного в августе 1918 г. у Сатамашо в Абхазии)[2]. Здесь, однако, следует обратить внимание на то, что различны даты высадки десанта (июнь – август). Но, может быть, дело в том, что в тот период были два или три десанта махаджиров, разных по

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 325.

[2] Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы // Труды. Т. IV. Сухум – 2017. С. 31.

времени. Однако бесспорно то, что личность, о которой идет речь в исследованиях абхазских историков – это Джамалбек Маршан. Все известные факты его биографии свидетельствуют о том, что он являлся не только общественно активным и глубоко интеллектуальным деятелем, но и высоко патриотичным, ставившим интересы и честь исторической родины превыше собственной жизни.

Исследователь Р. Гожба, также отмечая высокие профессиональные и патриотические качества этой незаурядной личности, приводит следующие сведения: «Джамал-бей Маршьан (Хрипс-ипа) – один из первых авиаторов – абхазов, являлся одним из лидеров абхазской общины в Турции. Во второй половине XX в. он был председателем абхазских клубов по всей Турции. Его основной идеей до конца жизни было стремление возвратить депортированных абхазов на родину. Во время меньшевистской оккупации он некоторое время находился в Абхазии, исследуя на месте обстановку и возможности возвращения изгнанников». В этой связи приводится такой случай: «Однажды, – вспоминал Иван Лакырба, – известный абхазский композитор, – мы вместе пили кофе на Сухумской набережной, и нас окружила грузинская жандармерия. Джамала арестовали, но он, попрощавшись со мной, сказал: «Не беспокойся, через несколько дней мои ребята помогут мне». И действительно, по истечении двух-трех дней он совершил побег из тюрьмы»[1].

Таковыми были, в чем нет сомнения, его сотоварищи по десанту, рисковавшие своими жизнями во имя святой цели – освобождения родины предков от грузинских оккупантов. Несмотря на поддержку многих абхазских политических и общественных деятелей, участники десанта не были поддержаны основной массой населения, введенной в заблуждение обещаниями Тифлисского правительства «об устройстве всеобщего благоденствия» для всех трудящихся в рамках грузинского социал-демократизма. Без поддержки десант был разгромлен

[1] Агуажба Р.Х. Люди в черкесках. Историко-литературное эссе. Часть I. Сухум – 2022. С. 380.

меньшевиками, часть людей погибла, другие смогли уйти обратно. В анналах истории, с подачи грузинских псевдо исследователей, абхазский десант из Турции до самого последнего времени оставался оболганным и переименованным в «турецкий». Такая вот несправедливость, имевшая место все время советского периода.

К тому же, как уже отмечалось, до сего дня почти ничего не известно о числе десанта, о его участниках, тех, кто решился силой оружия защитить свою историческую родину. Есть также разночтения по поводу такого обстоятельства: сколько все же было десантов в 1918 году? Один, два или три? Что касается сведений о членах десанта, по мнению исследователя Р. Х. Гожба, их имена и фамилий десятилетиями передавались из уст в уста в среде народа, потому, по его утверждению, сохранилась до сего дня небольшая толика информации об участниках десанта и боевых действий против армии меньшевиков. В подтверждение своих слов Р. Гожба перечислил автору этих строк, наряду с Джамалбеком Маршан, Ибрагима Джинджал, (неоднократно встречался с Н. Лакоба и Дмитрием Гулиа в 1918 г.), Мидхата Маан, Сулеймана Бганба, Руштубея Бганба, Ажьиба, Адзинба. Это, разумеется, далеко не полный перечень имен патриотов, принявших бой в защиту отчизны, утверждал исследователь, по его данным в составе десанта только абхазских офицеров было 18 человек.

Определенный свет проливает на ту ситуацию внук одного из организаторов абхазского десанта Сулеймана Бганба – Ардащан Кобашь Бганба, писавший в журнале «Абаза» (№1, 2013 г.) следующее: «Сулейман Бганба и его близкие друзья в конце 1917 г. тайно отправились в Абхазию и совместно с абхазскими патриотами, такими, как Александр Чачба, Дарыкуа-ипа Таташ Марщан, Цвидж Такуй, Степан Капба, Нестор Лакоба начали работать над организацией сопротивления (грузинским меньшевикам). Наравне с организацией сопротивления, они занимались вопросами демографической проблемы Абхазии (скорее, обсуждали возможности репатриации турецких абха-

зов – В.Ч.), которая с невероятной скоростью становилась все хуже и хуже. Было очевидно, что для решения этой проблемы необходимо было вернуть обратно на родину абхазскую диаспору. После Октябрьской революции и в отсутствии царской армии данный проект получил свой шанс быть реализованным…

… Меньшевистская Грузия под предлогом борьбы с большевиками собиралась осуществить нападение на Абхазию в начале мая 1918 г. Сулейман Бганба уже в апреле того же года собрал в Турции около двух с половиной тысяч добровольцев – абхазов для высадки на трех кораблях в районах: Гагра, Сухум и Очамчыра. Из-за сильной бури корабли, которые направлялись в Сухум и Гагру, были вынуждены вернуться обратно. Однако высадка в Очамчыра прошла удачно. После трех-четырех месяцев столкновений из-за предательства одного абхаза, цель так и не была достигнута. Грузинские войска начали военные действия, сожгли дотла абхазские села. Произошла трагедия…»[1]

Обратим внимание на рассказ внука С. Бганба, отмечавшего однозначно, что его дед уже в апреле 1918 года собрал абхазов для высадки в трех разных городах Абхазии, а вот точной даты, когда происходило десантирование, им не указывается. Теперь уже, с учетом датировки десанта, указанной абхазскими учеными (июнь – август), прибавляются сюда же апрель и май. Эти четыре месяца, как нам видится, являются временем подготовки личного состава десанта и его десантирования на побережье Абхазии. Как свидетельствуют архивные документы АНС и оккупационной администрации, десантирование и боевые столкновения происходили в июне 1918 года, а эпизодически, как нам думается, они могли быть растянуты вплоть до августа, пока рассеянные участники десанта не выбрались с помощью местных абхазов за пределы Абхазии.

В указанной публикации весьма подробно сообщается о

[1] Р.Х. Агуажба. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. С. 238 – 239.

роли С. Бганба в организации встреч Н. А. Лакоба с представителями абхазских сообществ из разных городов и сел Турции. Отмечая, что Нестор Лакоба гостил в доме Сулеймана Бганба с середины декабря 1920 года до конца февраля 1921 года (пребывание в Турции абхазской делегации во главе с Е. Эшба в связи с выполнением задания В.И.Ленина – В.Ч.), автор приводит следующие интересные подробности: «Прибытие Нестора Лакоба вызвало большую радость у абхазской диаспоры (полагаем, что это также заслуга С. Бганба, представившего молодого Нестора как одного из влиятельных политиков Абхазии, выполняющего важное задание русского правительства – В.Ч.). Каждый день на встречу с Лакоба приезжали главы абхазских сообществ из городов и регионов: Эскишехир, Биледжик, Инегель, Адапазары, Измит, Дюздже, Болу. В честь приезда каждой делегации резали скот, иногда по два-три… Конечно, одной из главных целей приезда Лакоба в Турцию и проведение встреч с диаспорой являлась организация возвращения абхазов на родину в Абхазию. В итоге единогласным решением представителей абхазской диаспоры в селе Кобашлар было принято решение о необходимости возвращения на родину в Абхазию…»[1]

Отмеченное, наверно, дает право сказать, что сведения о событиях и действующих в них лицах, связанных с абхазским десантом летом 1918 года, требуют отдельного и весьма скрупулезного исследования. Только после этого мы узнаем доподлинно о подвиге тех, кто, являясь силой отторгнутыми от родины, первыми пытались навести мосты единения меж двух частей разделенного народа.

Выдающиеся политики и общественные деятели диаспоры

Безусловно, самой известной и влиятельной личностью первой трети 20-го столетия, как в среде абхазской диаспоры, так и на авансцене политической жизни Турции, являлся потомок

[1] Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. С. 239–240.

абхазских махаджиров Хусейн Рауф Орбай (1881 – 1964). Выше нами освещались некоторые факты его биографии, однако, полагаем, что для более полного раскрытия образа этого замечательного человека и выдающегося государственного деятеля следует привести дополнительные сведения. Немало интересного и познавательного можно почерпнуть о Рауфе Орбай из очерка исследователя Р.Х. Гожба, который первым делом отмечал, что он «абхаз из рода Ашхаруа, его предки – выходцы из Акуа-Сухума, сын сенатора, главнокомандующего военно-морским (турецким – В.Ч.) флотом. Рауф окончил военно-морское училище в 1899 г. Работал и продолжил образование в Англии, Америке, Германии. В совершенстве владел шестью языками… В 1907 г. был назначен командиром миноносца «Пейк Шевкет» (26 лет от роду – В.Ч.), в 1909 г. – командиром крейсера «Хамидие»… За боевые заслуги и отвагу получил чин адмирала и входил в генеральный штаб Турции»[1].

Орбай, прославленный вначале как блестящий военачальник, вскоре стал известен как видный политик, дипломат и государственный деятель, активный участник ряда международных мирных конференций и переговоров. Например, как отмечает Р. Гожба, он был в составе турецкой делегации при заключении Брест-Литовского договора (март 1918). Рауф также возглавлял Османскую делегацию на переговорах (будучи министром морского флота Турции – В.Ч.) и 30 сентября того же года подписал Мудросское соглашение, хотя и не был согласен с условиями мирного договора… На Трабзонской мирной конференции он возглавлял делегацию Порты (март 1918 г.). Предварительно Рауф Орбай встретился с представителями Дагестана, с целью получения из первых рук информации о положении на Северном Кавказе. Там же, 1 апреля 1918 г. (после конференции – В.Ч.) Рауф Орбай официально принял делегацию от Союза горцев, устроил самый высокий уровень приема делегации, дав возможность

[1] Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. С. 192.

встретиться им с членами кабинета турецкого руководства[1].

Здесь, пожалуй, отметим некоторые, еще не исследованные досконально, обстоятельства. Как известно, в повестке дня Трабзонской конференции значились вопросы о положении в Закавказье, взаимоотношениях Закавказской Демократической Федеративной республики (ЗДФР) и Турции. Однако из отмеченной обстановки нетрудно сделать выводы, что глава турецкой делегации Р. Орбай и члены правительства значительное внимание уделили проблемам горских народов Кавказа, и, полагаем, обнадежили руководителей Союза горцев, что им будет оказана всяческая поддержка. Свидетельством тому благожелательная ситуация, сложившаяся для горцев через два месяца на Батумской мирной конференции (11 – 26 мая 1918 г.), проходившей под эгидой Оттоманской Турции, в которой также принимали участие Германия, ЗДФР (Грузия, Азербайджан, Армения), Союз горцев Кавказа. И, как отмечают документы международной конференции, на ее первом же заседании (11 мая), после недолгого обсуждения, была провозглашена Горская республика Северного Кавказа. Сильную поддержку получила и Абхазия, стремление которой обрести независимость в лоне братских горских народов, вопреки негативной реакции Грузии, было полностью реализовано. 11 мая 1918 года впервые, после ликвидации в 1864 году Абхазского княжества, было объявлено о восстановлении абхазской государственности. И вряд ли это знаменательное событие можно обосновать простым стечением тех или иных обстоятельств и случайностей. Нам думается, что на судьбе Горской республики безусловно сказался такой фактор, как сильное влияние на государственные структуры Турции того времени выдающихся представителей кавказской, в том числе и абхазской, диаспоры. Из той когорты Рауф Орбай, как известно, был одним из самых выдающихся – в среде военных, и политиков, и дипломатов, и его поддержка для горцев оказалось определяющей в ту пору. Разве это не доказательство того, что, пер-

[1] Там же. С. 193.

спектива восстановления государственности, воссоединения и возрождения родного народа всегда жила в сердце и мыслях Рауфа Ашхаруа, что, однако, оказалось несбыточным в условиях Кемалистского режима. Это также подвигло его, в ответ на политику гонения и отуречивания махаджиров, разорвать бесповоротно отношения с недавними союзниками – кемалистами.

В первой четверти 20 века весьма влиятельной и образованной личностью абхазской диаспоры, и, в целом всей Северокавказской общины Турции, являлся Мустафа Бутба (1883 – 1946) – потомок Шахана Бутба, ушедшего в изгнание вместе с соплеменниками – дальцами и цабальцами в 1867 году. Общественная и культурно-просветительская деятельность и научные изыскания М. Бутба в области составления абхазского алфавита (издан в 1919 г.) в свое время привлекли внимание Д. Гулиа и Г. Дзидзария. Это и понятно: ведь это были первые попытки небольшого круга передовых людей кавказской общины, в том числе М. Бутба, входившего в Северо-Кавказское общество, по консолидации махаджиров, формированию их самосознания, национальной идентичности с исторической родиной. И все же надо отметить, что не все исследователи однозначно характеризуют цели и задачи, связанные с деятельностью этой незаурядной личности, в особенности его поездку на Кавказ в сложное время – в 1920 году (с февраля по август). Некоторые полагают, что он и его группа выполняли задание, обусловленное интересами Турции. Но записки из его дневника сразу расставляют все точки над «I» по данному предположению. В то время было известно, что Советы не воспринимали идею независимой Горской республики, за которою боролись и просвещенные лидеры абхазской и Северокавказской диаспоры. По этому поводу в его записях отмечается следующее: «Оказывается, национальные турецкие войска являются союзниками большевиков! Оказалось, что они одного поля ягода!». Вот так и не меньше: удивление и негодование автора свидетельствует о том, что и тех и других не устраи-

вает независимость Кавказских народов, без чего невозможно строить планов по возвращению махаджиров на родину. Так, полагаем, мыслили М. Бутба и его товарищи в связи с событиями на Кавказе.

К тому же, непредвзятый исследователь, ознакомленный с изначальной просветительской деятельностью М. Бутба в кругах махаджиров, вполне может понять логику его действий, приведших его на Северный Кавказ и Абхазию после Российской революции и в ходе гражданской войны. Поездке предшествовала его встреча в Стамбуле с видными деятелями и политиками Кавказа – Тапой Чермоевым (глава Горской Республики) и Симоном Басария (руководитель первого Парламента – Абхазского Народного Совета). И таковыми были его впечатления: «Симон Басариа является делегатом Абхазского Национального Совета и Северо-Кавказского правительства одновременно. Это молодой человек, получивший образование в России. Большой патриот своей родины»[1].

Этот самый «патриотизм», скорее всего, воспринимался передовыми людьми диаспоры и самим М. Бутба, как восстановление попранных царизмом прав народов Кавказа, в том числе и Абхазии. В своих путевых записках «Воспоминания о Кавказе», написанных убедительно, достоверно, автор повествует о социально-политических процессах, имевших место в регионе Восточного Кавказа, о сложных проблемах и противоречиях в среде народов, являвшихся субъектами общей страны под названием Горской республики. Еще до начала поездки, по словам Мустафы Бутба, он и его коллеги Исмаил Беркок, Азиз Мкер испытывали определенные сомнения. Но после одобрения идеи М. Кемаль-пашой (это обстоятельство, видимо, послужило условием для домыслов и предположений – В.Ч.), они, «составив отряд, отправились на Кавказ и обошли его села и аулы, полностью выполнив свою международную и почетную миссию»[2].

[1] Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. С. 578.

[2] Там же. С. 579.

И все же, думается, есть необходимость сказать о цели поездки подробнее и со слов самого М. Бутба. О том в его записках отмечается следующее: «Во время первой мировой войны правительство США распространило так называемую доктрину Вильсона. Среди ее статей самой главной для Кавказских народов была следующая: «Признание великими державами независимости зависимых народов». В связи с этим возникла необходимость разъяснения горцам, почти сто лет ведущим борьбу за независимость и свободу, важности возможности их обретения». Далее он сообщает и о том, что « частые встречи с делегациями, прибывающими с Кавказа с различными целями, не давали мне возможности принятия окончательного решения в отношении действии на Кавказе. Я пребывал в неопределенности. Для ее преодоления было необходимо направиться на Кавказ и там осуществить возникшие идеи единства и равенства»[1].

Из сказанного, выходит, что у группы в составе абхаза Бутба, черкеса Беркока, абазина Мкер и сопровождавших их лиц, были особые полномочия, как от Кавказских общин Турции, так и от правительства Кемаль-паши. Иначе вряд ли возможно было бы, как утверждал Бутба, «осуществить возникшие идеи единства и равенства».

В течение восьми месяцев посланцы диаспоры посетили многие села Дагестана и Чечни, а М. Бутба побывал также в ряде сел Абхазии и в Сухуме. И реалий судьбоносного времени и роли в них народов Кавказа предстали перед ними без ретуши и тех прикрас, которые всегда присутствуют тогда, когда информация воспринимается не лично, а в пересказе теми или иными лицами. В отмеченных записках М. Бутба, делясь впечатлениями от увиденных воочию политических, экономических, социальных процессов, степени вовлеченности народов, в том числе интеллигенции, в водоворот революционных событий, также излагает и свои выводы, не всегда бесспорные,

[1] Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. С. 579.

но на которые, думается, следует обратить внимание.

Например, касаясь захватнической политики Грузии и Азербайджана в переломный революционный период, автор отмечал, что «… каждая республика размечталась о приобретении земель – Азербайджан пожелал захватить Дагестан, Грузия Абхазию, а в то же время на их голову обрушился Российский колосс, и они сами были сметены и раздавлены потоком русской оккупации». Или же еще такой посыл: «Велика вина интеллигентов Кавказа. Не воспользовавшись большими возможностями, представленными им событиями, они снова надели на свои шеи ярмо, и история не простит им этого никогда. Вина же интеллигентов Северного Кавказа, закрывавших глаза перед самоотверженностью и самопожертвованием народов, и их небрежность еще более велики»[1].

Сегодня, с высоты минувшего времени, легко оспорить некоторые выводы и мысли автора. Впрочем, такая задача и не стоит, поскольку он в рассуждениях о судьбе Абхазии вполне логичен, а в некоторых случаях его выводы актуальны и по сей день. Тогда же, во время стремительных процессов и перемен, вряд ли можно было отчетливо представить – каково же будет их завершение. И как это скажется на судьбе народов, вовлеченных в революционные события. Что касается роли, скажем, России в то бурное время перемен политической и социальной жизни народов, заметим, что, например, для абхазов тогда приход большевиков оказался спасительным: народ был избавлен от грузинской оккупации, чего собственными усилиями страна, ослабленная процессами махаджирства, свершить не могла на протяжении трех лет. А вот дальнейшие события, приход к управлению советской страной И.В. Сталина, стали поистине трагедией для абхазского народа, едва не утерявшего свои государственность и идентичность.

Кстати, в одном из своих рассуждении автор заметок можно сказать интуитивно предугадывает трагические отзвуки

[1] Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. С. 580.

будущих бед народа, когда описывает свою поездку по Самурзакану. По этому поводу он отмечал: «Это был пограничный район, за который постоянно воевали абхазы и мегрелы. Проживающие здесь две трети абхазов знают свой язык и не омегрелились. Самурзаканцы, кого я встречал, с гордостью подчеркивали, что они абхазы. Это доказывает история, но со временем абхазы могут потерять своих братьев самурзаканцев. Грузины и мегрелы делают все возможное для того, чтобы ассимилировать абхазов Самурзакана»[1].

Таким вот зорким взглядом аналитика, заметим, обладал Мустафа Бутба, предсказавший столь мрачную картину за пару десятилетий до ее свершения – исчезновение 40 тысячного абхазского населения Самурзакана.

И еще некоторые авторские умозаключения: «В Самурзакане и на побережье Абжуа очень мало говорят по-абхазски. Несмотря на то, что они абхазы, языка не знают, но считают себя абхазами. Со временем они забудут, что они абхазы». Так оно и случилось, как и предсказывал автор заметок. Вряд ли кто-то оспорит и такой вывод автора, что «Махаджирство очень изменило обстановку в Абхазии, многие абхазы растворились среди грузин и мегрелов. Я не знаю, какую тактику противопоставят этой ассимиляторской политике абхазы – христиане».

Отметим риторически, что тогда «абхазы – христиане» ничего не смогли противопоставить грузинскому христианскому национализму. И намного хуже стало в пору агрессивного национализма и шовинизма грузинских «безбожников» большевиков, в руках которых надолго оказалась Советская страна: и в ту пору ассимиляция не только набирала силу, но уже тысячами поглощала абхазов.

Тогда, в 1920 году, озабоченный увиденной воочию ситуацией, Мустафа Бутба все же высказывает надежду на будущее: «Дай Бог, – восклицает он, – чтобы для нашего народа

[1] Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. С. 581.

появилась такая возможность и социальные отношения, чтобы остановить этот процесс, иначе через 50 лет произойдет полная ассимиляция»[1].

Надо же, как в воду смотрел автор заметок в период меньшевистской оккупации Абхазии. Он оказался недалек от сермяжной истины: абхазы в своей стране через те самые 50 лет, то есть, в 70-х годах минувшего века, оказались в подавляющем меньшинстве (около 18 проц.). К концу того же столетия грузины планировали доведение своего народонаселения на абхазской земле до 95 процентов. Это бы ознаменовало кончину абхазской государственности, и, соответственно, исчезновение абхазского этноса. Умный и проницательный аналитик Бутба, разочарованный неудачей создания государственности на исторической родине махаджиров, на Северном Кавказе (1920), тогда же заметил губительные процессы ассимиляции в среде абхазского населения. И то и другое – ассимиляция и отсутствие национальных государственных институтов – воспринималось автором, надо полагать, как основное препятствие началу процесса возвращения махаджиров на историческую родину. Крушение надежд, связанных с провалом образования Горской республики, безусловно, не могло не расстраивать передовых деятелей зарубежной диаспоры, в авангарде которых были такие подвижники, как М. Бутба, И. Беркок, А. Мкер, И. Хаккы и другие видные деятели. Это они той далекой порой – в первой четверти 20 столетия пытались помочь становлению основ государственности в среде народов, испытавших трагедию махаджирства. А уж на этой основе замышлялось начать процесс возвращения изгнанников на историческую родину.

В ту пору по различным причинам независимым государственным образованием Северный Кавказ не стал. А вот Абхазия в качестве Советской Республики, независимой и от Грузии, и от России просуществовала почти год. Но затем, к несчастью,

[1] Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. С. 582.

вероломством Сталина Абхазия была вновь, как при меньшевиках, водворена в лоно грузинской большевистской метрополии. На том и была поставлена точка в махаджирской проблеме, хотя и были продолжительные усилия абхазского лидера Н. Лакоба, стоившие ему и его семье жизни.

Новое время: становление новых лидеров и подвижников

Только свобода и независимость Абхазии от грузинской метрополии в результате победоносной кровопролитной войны (1992 – 1993 гг.) позволили снять непроницаемую завесу между диаспорой и исторической родиной. Это случилось в эпоху великого национального лидера Владислава Ардзинба – основателя современного абхазского государства.

В то же время следует отметить, что попытки прорыва железного занавеса имели место, как со стороны исторической родины, так и усилиями диаспоры на протяжении многих десятилетий минувшего столетия.

Эти попытки делались не только патриотами исторической родины махаджиров, как нами отмечалось выше. В этом плане успешные контакты начали устанавливаться с конца 60-х и в начале 70-х годов прошлого века, и в том весома роль представителей диаспоры. Ведь не бывает так, что только по инициативе одной стороны можно добиться продвижения в столь судьбоносном вопросе. Безусловно, что на крик души с родины – ответом был долгожданный искренний отклик потомков изгнанников. Во второй половине 20 столетия в среде диаспоры появляются лидеры и видные деятели в ряде стран, для которых установление связей с исторической родиной становится важной проблемой. Это, как полагаем, убеждало подвижников на исторической родине в том, что время не смогло потушить самосознания потомков изгнанников, их стремления к общению, тесным связям и единению с народом, проживающим на отчей земле предков. Можно сказать, что с этого времени начался новый процесс единения разделенного народа: вначале

на первом плане были контакты и установление связей, а затем уже, в конце прошлого столетия, как и за два десятилетия нового века сотни семей из диаспоры стали полноправными членами абхазского общества на отчей земле.

Кто-то может задаться вопросом, каким это образом, скажем, сохранилась у потомков изгнанников тяга к родине, ностальгия на протяжении многих поколений, как все-таки они не ассимилировались в тяжелых социально- политических условиях? Ответ несложен, коли обладать соответствующей информацией. Ведь в среде махаджиров на протяжении многих десятилетий было немало подвижников, неравнодушных личностей, близко к сердцу принимавших трагедию своего разделенного народа, и делавших все возможное, чтобы изгнанники помнили отчизну, духовно и социально не растворились в инонациональной среде, твердо усваивали свою природную идентичность. Выше уже отмечались деяния ряда видных представителей диаспоры, в основном, первой половины 20 века. Но таковые, к счастью, были и позже, которые по праву являлись продолжателями святого дела, вносившими неоценимый вклад в сохранение самосознания, языка, традиций и обычаев зарубежных абхазов. Поэтому, надо думать, у народа сохранились, невзирая на трагедию исхода с отчей земли, прежние условия и правила жизни, и соответствующий тому внутренний мир и дух, переходящие от поколения к поколению.

Абхазам, надо думать, близко и понятно такое философское кредо (Г. Лебон), которое подтверждает, что «Народ может многое потерять, перенести много катастроф и поражений, но если народ потеряет свой дух, то это значит, что он теряет все и больше не сможет возродиться». Весьма оригинальны и его такие мысли, о которых стоило бы поминать абхазской элите в сложные периоды исторических процессов. О том, например, что «Разум раскрывает скрытые тайники мира и стремится использовать силу этих тайников. Характер же дает нам возможность владеть собой и обороняться перед наступающими на нас внешними силами». Однозначен, но не всегда реален, ду-

мается, вывод сего рассуждения: «Могущество того или иного народа является зависимым не от разума, а от силы характера данного народа». Великий Рим пал потому что, как подчеркивает философ, «Рим потерял характер»[1].

Нет никого сомнения, что народам следует во всех случаях сохранять «силу характера». Но также, отметим, что для малочисленных этносов, например абхазов, важна польза и от «разума» элиты, который оберегал бы народ от гибельных процессов и катаклизмов, сходных с трагедией махаджирства.

Характер и разум многих тысяч абхазских изгнанников на чужбине, в силу многовекового уклада, древних традиции и духовных ценностей, выстояли и не растворились в среде более многочисленных народов, даже под мощным давлением рукотворных ассимиляционных процессов. Тому также способствовала подвижническая деятельность выдающихся личностей диаспоры, среди которых можно видеть военных, государственных и общественных деятелей, представителей науки, просвещения, культуры и спорта. Роль в том некоторых личностей нами кратко уже освещалась. Но нельзя пройти мимо, не отметив одного из крупнейших идеологов и просветителей зарубежных абхазов Омара Бейгуаа (1901 – 2001), энциклопедические интересы которого охватывали широкий диапазон: историю, языкознание, этнографию, философию, мифологию…

Из всего перечисленного выше, все же полагаем, что наиважнейшим средством самосохранения этноса в чужеродной среде является родной язык, утеря которого, несомненно, широко откроет ворота для скорой ассимиляции, и, соответственно, утери идентичности. О значении сохранности и развития языка, особенно в среде потомков махаджиров, писал Ш.Д. Инал-ипа, отмечая при этом широкую информированность в этом вопросе О. Бейгуаа.

«Следует обратить особое внимание на то, – отмечал он,

[1] Агуажба Р.Х. Люди в черкесах (Историко-литературное эссе). Часть I. Сухум, 2022. С. 340.

– как представляет себе современное положение абхазского языка в Турции такой ученый и просветитель, как О. Бейгуаа, который родился в этой стране и живет в ней все свои 90 лет. И который, как он говорил нам неоднократно, побывал почти в каждой деревне турецких абхазов и обследовал их. По его словам, количество населенных пунктов в Турции, где живут абхазы, достигает до 200, причем, только 30 из них являются национально смешанными (абхазы, черкесы, грузины, турки). Он уверенно утверждает, что во всех этих селениях все абхазы говорят на родном языке, и только в смешанных деревнях из 100 человек не знают его не более 5[1].

Видный абхазский исследователь Р. Х. Гожба, находившийся в многолетней переписке и постоянном контакте с О. Бейгуаа, и потому, безусловно, отчетливо представлявший непреходящее значение творческой и научной деятельности просветителя для абхазской махаджирской среды, отмечал: «Омар неустанно занимался абхазоведением, обобщая воедино за все это время накопленный опыт. Блестяще владея абхазским, турецким, староосманским, арабским, фарси, французским, он все свои работы посвящает глубокому и детальному изучению абхазского языка, его философии, мифологии… Одновременно он много труда и энергии отдал воссозданию кавказских обществ в Турции. В 1969 г. им был издан первый цветной иллюстрированный «Абхазский календарь» с названиями месяцев на родном языке». Р. Гожба также называет важнейшие труды ученого, комментируя при этом на высоком профессиональном уровне содержание работ, их научную глубину, академичность и широту мышления автора. Это касается первой работы О. Бейгуаа «Абхазская мифология – изначальная?» (Стамбул, 1971). В ней, например, приводятся суждения автора по поводу абхазской мифологии: «Более всего привлекает к себе внимание, – пишет он, – и удивляет поразительное совпадение абхазской космологии со священным

[1] Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы // Труды. Том IV. АбИГИ. Сухум – 2017. С. 84.

писанием и данными науки… Это свидетельствует о том, что в древнейшие времена абхазы имели высокий уровень развития представлений о Земле и Небе. Сейчас уже известно, что Кавказские народы в эпоху своего единства интеллектуально доминировали в Передней Азии».

Следует также отметить, что данный фундаментальный труд О. Бейгуаа состоит из 200 глав. И, как пишет Р. Гожба, автором на основе анализа и сравнения абхазской мифологии и данных языка с древними языками Передней Азии, Кавказа, Аравии, Персии, философскими воззрениями, генеалогией исследуется Абхазский Пантеон…

Выводы обширного исследования О. Бейгуаа, на основе сравнительного анализа языка, философии и мифологии, таковы: «Убедившись, что все эти религии, философий, Священные писания соответствуют абхазским представлениям, хочу еще раз напомнить: абхазские верования были значительно древнее Месопотамской, Финикийской, Древнегреческой цивилизации, Ветхого Завета и Корана, о чем убедительно свидетельствуют данные лингвистических сопоставлений».

Ученый, аргументируя свои научные разыскания в области абхазской генеалогии, подчеркивал такие ее аспекты: «Абхазская же генеалогия не подвергается внешнему воздействию, в основном, сохранилась за счет народных преданий, что и обусловило ее национальный характер. Вместе с тем эти народные предания через Месопотамию и Финикию с незначительными изменениями попали в Библию, которая послужила источником более поздних писаний. Некоторые из предков абхазов упоминаются в священных писаниях и в генеалогиях грузин и армян, также дополненных из Библии».

Омар в своих исследованиях опирался, – по его словам, – на три непогрешимых источника: первый – познание, которое дает нам язык; второй – устные предания народа; третьи – археологический материал»[1].

[1] Гожба Р.Х. Из истории абхазской диаспоры… Сухум, 2014. С. 620.

Следующий большой труд Омара Бейгуаа «Пророк Ибрахим Ауыбла и Кавказские народы» (1975), созданный «на основе священных писаний, этногенетического и языкового материала», также вызвал широкий резонанс в просвещенных кругах кавказской диаспоры. Ведь ученый убедительно, с привлечением древнейших источников, раскрывал доселе не изученные пласты древних традиций, обычаев, в целом культуры, как абхазов, так и братских народов Кавказа. Он писал, что «Ауыбла и есть пророк Ибрахим, у других народов это Абрахам, Аврам, Брам. Как подчеркивают источники, Ибрахим не местного, аравийского происхождения, а с «горы Каф (Кавказ)» и происходит от народа «Уса – Ушьа – Кушьа – Касу», прибывшего в Месопотамию. Это еще отмечал Вольтер, который писал: «Ибрахим не относится к семитским или персидским народам»[1].

Еще два труда, наряду с вышеотмеченными, являются краеугольными камнями богатейшего научного наследия Омара Бейгуаа. Крупнейшая его работа «Первое общество по кавказским источникам. Кавказская действительность» (1986), состоит из двух томов. Следующая работа – «Абхазский язык – древнейший?» (1994), насчитывает свыше 70 печатных листов, над которыми он трудился всю жизнь, – отмечает Р. Гожба, также сообщая, что в своем исследовании, посвященном анализу языка абхазов, ученый «использует свыше ста двадцати живых и мертвых языков»[2].

Все основные постулаты ученого и содержание его капитальных трудов, к слову, еще не исследованных обстоятельно, по свидетельствам и откликам, как в среде зарубежной абхазской интеллигенции, так и в Абхазии, являются достойным вкладом в развитие современного абхазоведения. В то же время следует подчеркнуть, что плодотворная научная и творческая деятельность О. Бейгуаа способствовала консолидации зарубежных абхазов, сохранению своих древних корней, по-

[1] Гожба Р.Х. Из истории абхазской диаспоры… Сухум, 2014. С. 623.

[2] Там же. С. 626.

могая, тем самым выстоять, не поддаваться ассимиляционным процессам в инонациональном обществе.

Полагаем, нелишне напомнить, что подвижническая научная деятельность Омара Бейгуаа в махаджирской среде схожа или же во многом является зеркальным отражением аналогичной просветительской миссии Дмитрия Гулиа в 20 веке. И потому, как нам думается, «его (О. Беигуа – В.Ч.) восхищает, – по определению Ш.Д. Инал-ипа, – образ Д. И. Гулиа, жизнь и деятельность которого служат для него образцом беззаветного служения, и который в сердце О. Беигуа – сегодняшнего заморского Д. Гулиа – занимает особое место. В конце стихотворения «У памятника Дм. Гулиа» мы находим такие слова (в подстрочном переводе): «Жаль, достойного тебе слова сказать не могу, (но) твое имя врезалось в мое сердце». Вообще, О. Беигуа считает себя, – подчеркивает Шалва Денисович, – последователем Д. Гулиа, испытывает к нему чувство глубочайшего уважения и восхищения»[1].

Об истории диаспоры, о выдающихся ее представителях ныне любопытный исследователь и просто читатель может почерпнуть из большого числа источников, как зарубежных, так и отечественных. Эти сведения убедительно, на достоверном фактическом материале, представляют бесконечную череду на протяжении столетий выдающихся персон: генералов (пашей), маршалов, адмиралов, губернаторов, министров. Позже, уже с конца 19 века, к ним добавляются и деятелей науки, культуры, искусства и спорта. И все они своей доблестью и героизмом, интеллектуальными и прочими способностями приращивали славу и известность тому обществу, в котором обретались, тому государству, в котором проживали. А вот что касается деятельности на стезе единения двух частей разделенного народа, тем обременялись, что также видно из тех же публикаций, немногие. Впрочем, в силу выше отмеченных обстоятельств не лучше обстояло это дело и на исторической родине потомков

[1] Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы. // Труды. Том IV. АбИГИ. Сухум, 2017. С. 43.

махаджиров. О том уже сказано в предыдущей главе. И потому, как нам видится, будет большой несправедливостью не отметить тех подвижников, как отмечал Р. Гожба, «кто неутомимо отдавал себя делу налаживания контактов и связей между абхазами в Турции и родной Абхазией». Наряду с другими подвижниками, он имел в виду и Орхана Ашамба (1927 – 1999) – известного спортсмена, многократного чемпиона Турции по вольной и «масляной борьбе[1]. Исследователь сообщает, что Орхан являлся одним из организаторов поездки абхазской делегации из Турции в Абхазию в сентябре – октябре 1975 года. И что он внес существенный вклад в сбор и пересылку в Абхазию аудиозаписей оригинальных образцов абхазского фольклора. И, как отмечает ученый, «целью его жизни было воссоединение родного разделенного народа на исторической родине, в Апсны»[2].

Из старшей когорты таких подвижников нельзя не отметить патриотическую деятельность потомка махаджиров из Бзыбской Абхазии Исмаила Зия Барциц (1883 – 1953) – воина, дослужившегося до звания полковника, а также широко образованного интеллигента. Как отмечают его современники, Зия Барциц обладал мужественным характером и являлся пламенным патриотом Кавказа. Он являлся одним из организаторов «Кавказского культурного центра» (1950). Организация «Кавказского клуба» подняла уровень национального сознания кавказцев, придала им надежду, и это явилось большим шагом в общественной жизни выходцев с Кавказа. Сообщается и о том, что с 1953 года в Стамбуле начал выходить журнал «Кавказ», его издателем и редактором являлся Зия Барциц. Журнал освещал политическую жизнь кавказских махаджиров, публиковал острые полемические статьи, поднимавшие уровень национального самосознания кавказской диаспоры, ставившие

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 561.

[2] Абхазский биографический словарь. Под редакцией В.Ш. Авидзба. Москва – Сухум, 2015. С. 122.

вопрос о дальнейшей судьбе горцев. Исследователь отмечает, что в ту пору были личности, которые поддерживали ассимиляторскую политику властей по отношению к кавказцам, что не могло не восприниматься как предательство по отношению к горцам. Именно с этих позиции Зия Барциц характеризовал их в своих печатных выступлениях, являвшихся безусловно смелыми для того периода. В этой связи Р. Гожба подчеркивает: «Тогда еще никто так смело и открыто не мог выступать в прессе, и это было актом гражданского мужества»[1].

Добавим лишь к сказанному, что в том же 1953 году патриот, подвижник Зия Барциц ушел из жизни. По всему ее, свою жизнь, он всецело посвятил и отдал тяжелой и опасной периодами борьбе за консолидацию потомков кавказских изгнанников на пути к единению со своей исторической родиной.

Недаром ведь сказано что из искры, как водится, возгорится пламя. Так и в случае с абхазами: не пропали даром усилия подвижников единения, и в начале 70-х годов 20 столетия, преодолевая множество препятствий, стали налаживаться каналы общения между двумя частями разделенного народа. Вначале возник ручеек общения в форме переписки между энтузиастами из среды диаспоры и адресатами в Абхазии. Затем пришло время поездок и встреч, долгожданного и восторженного общения на исторической родине – Апсны.

Здесь уместно привести имена тех из диаспоры – первопроходцев, налаживавших между абхазами мост единения, о чем свидетельствуют письма и обращения, опубликованные в книге Р. Х. Агужба «Ацха» (2021). Сам исследователь отмечал, что общение по письмам началось с конца 60-х, однако именно в 70-х годах прошлого века оно стало более активным, многие из диаспоры устанавливали контакты с подвижниками из Апсны, также сильно было стремление последних наладить прочные связи с потомками изгнанников.

Полагаем, не без волнения Руслан Хаджаратович читал

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры. Абхазы, убыхи… Сухум,2014. С. 568 – 569.

адресованные ему проникновенно-душевные послания О. Шамба, И. Тванба, М. Папба, Д. Хараниа, Т. Бганба, а также теплые, отеческие письма Омара Беигуаа, глубоко-ностальгические стихотворные послания Шьинаси Хилми Трапшь и других соотечественников. Тогда же многие представители диаспоры ступили на абхазскую землю, повидали воочию абхазские села и города, и, выходит, убедились, что абхазы сохранили Отчизну, также и свои традиций и обычаи, родной язык. Вне всякого сомнения, что именно в вышеуказанные годы происходило пробуждение абхазского общества, как на исторической родине, так и за морем.

Все это, безусловно, сказалось во время Отечественной войны в Абхазии, в героизме и самоотверженности тех, кто, преодолев морские просторы, встал на защиту родины предков. Это время мобилизовало и тех соотечественников, кто словом и делом, материально и морально, поддерживал историческую родину в тяжелую годину. Сразу же после начала грузинской агрессии против Абхазии в Стамбуле создается Кавказский Комитет солидарности с Абхазией (23. 08. 1992). С первых же дней Комитет активно включился в борьбу против агрессора; доносил до представителей кавказской диаспоры в Турции и др. странах правдивую информацию о ситуации в Абхазии, собирал и отправлял в Абхазию денежные средства, продукты питания, медикаменты. В августе 1992 года члены Комитета обратились к президенту Турции Т. Озалу с призывом поддержать требования вывести грузинские войска из Абхазии. Затем А. Цушба и член Комитета Р. Туна приняли участие в качестве наблюдателей на встрече руководителей России, Грузии, Абхазии и республик, краев и областей Северного Кавказа по урегулированию ситуации в Абхазии, состоявшейся в Москве 3.09. 1992. На этой встрече Р. Туна провел переговоры почти со всеми руководителями республик Северного Кавказа[1].

Заметим, все же для ясности, что на тех тяжелейших и не-

[1] Абхазия. Краткая энциклопедия в двух томах. Том I. Сухум – Санкт-Петербург, 2022. С. 505.

равноправных переговорах лидеру Абхазии В. Ардзинбе пришлось в одиночестве защищать интересы абхазской страны против агрессивного по существу тандема политиков мирового уровня – Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе, которым не посмели противоречить руководители республик Северного Кавказа. И посему война продолжалась…

И тогда напрягли до предела свои возможности абхазы на отчей земле Апсны. Не осталась в стороне и диаспора. Комитет солидарности организовал отправку потомков кавказских махаджиров из разных стран мира в воюющую Абхазию в качестве добровольцев. В Отечественной войне Абхазии 1992 – 1993 гг. из представителей Турецкой диаспоры погибли пятеро добровольцев, из сирийской – двое, десятки были ранены. Кавказский Комитет также направлял в Абхазию опытных врачей – хирургов, медсестер для оказания помощи раненным бойцам, помогал детям погибших родителей. В период войны представители Комитета неоднократно встречались с президентом С. Демирелем, премьер-министром Т. Чиллер, с начальником генштаба Д. Гюреш, с министрами, депутатами меджлиса. Эти встречи по мере необходимости продолжались и после войны[1].

Глава Абхазии по достоинству оценил деятельность Комитета по организации разнообразной и действенной помощи Абхазии в военный период. В 1995 году Указом Президента В.Г. Ардзинба Кавказский Комитет солидарности с Абхазией был удостоен Ордена Леона, а в 2002 – Ордена «Ахьдз-Апша» II степени за активную деятельность по защите национальных интересов РА и объединению представителей диаспоры за рубежом.

Эта оценка весомого вклада Комитета, его членов и широкого актива, в общую победу абхазов и братских народов Северного Кавказа вполне справедлива. Она вытекает из обстановки военного и пост военного блокадного периодов, когда

[1] Абхазия. Краткая энциклопедия в двух томах. Том I. Сухум – Санкт-Петербург, 2022. С. 505.

абхазская республика по сговору прогрузинских мировых сил оказалась на грани гибели. В этой связи В. Ардзинба не раз отмечал в своих выступлениях о том, что в период грузинской агрессии и последовавшей за ней блокады союзниками абхазской республики были северокавказские братья и наша диаспора.

Наверное, все же выказанный в трагическое для абхазов время войны и блокады патриотизм и самопожертвование соотечественников были бы под вопросом, коли не подвижническая деятельность личностей, как на исторической родине, так и за морем, ковавших и при «железном занавесе» прочный фундамент для поступательного движения на пути к единению. Сказать же обо всех, кто словом и на практике помогал укреплению самосознания в среде потомков махаджиров на различных исторических этапах, тем самым подготавливая почву для преодоления препятствий на пути к единению разделенного народа, думается, дело не подъемное для автора этих строк. Таких личностей у разделенного народа не один десяток, и даже не сотня. Многие отдали свое жизни за это священное дело. Ведь порой непредсказуем и жесток был сей путь: многие подвижники, такие, как глава Советской Абхазии Н. Лакоба, его сподвижники, сложили свои головы, защищая народ в годы репрессии. Им припомнили, конечно, и попытки вернуть на родину зарубежных соотечественников. Другие, как погибшие абхазские махаджиры – десантники из Турции, бившиеся за свободу исторической родины, также отдали свои жизни за светлые идеалы единения на отчей земле. Уже в иное время, такие, как З. Барциц, отдавали все свои силы, сгорая за правое дело – консолидацию и сохранение идентичности абхазами в чужеродной среде, что позволило бы им в последующем обрести родину предков.

В этом плане необходимо, на наш взгляд, хотя бы в общих чертах отметить не столь большие, как в Турции, диаспоры сирийских и иорданских абхазов, в основном перебравшихся туда в процессе махаджирства из той же Турции.

Талантливый исследователь Л.И. Кучберия так описывает историю образования абхазо-черкесской диаспоры в Сирии и в Иордании: «Многие абхазские махаджиры, не видя в Турции ничего хорошего для себя, отправились на юг, в Сирию и Иорданию. Они приспособились жить в плодородных равнинных землях в Голане (ныне оккупированная Израилем территория Сирии – В.Ч.) и Иордании, очень напоминавшей им Абхазию. Беженцы – черкесы, кабардинцы и абхазы организовали здесь большие колонии. Арабы начали называть все эти три народа объединенным именем Шарки (черкесы). Причина не в том, что черкесов по численности было больше, главное по своим традициям и обычаям все эти три народности казались арабам почти идентичными»[1].

Исследователь отмечает, что абхазско-черкесская община считалась довольно заметной и по численности и по авторитету среди местного населения. Подтверждением тому и представительство диаспоры в парламенте страны проживания. Так, например, в соответствии с первой Конституцией Трансиордании (название Иордании до 1946 года – В.Ч.), принятой 16 апреля 1928 года, в Законодательное Собрание, имевшее право издавать законы, входило 16 человек: 9 представителей арабов-мусульман, 3 – от арабов-христиан, 2 – представителя бедуинов и 2 – представителя шаркисов[2].

Весьма интересны наблюдения ученого о социально-экономическом положении диаспоры, о состоянии родного языка, также о представлениях старшего и младшего поколений о своей принадлежности к кавказскому миру, в целом, и, в част-

[1] Л.И. Кучберия. Из этнографии абхазов, живущих в арабских странах. // Абхазоведение. №8 – 9. Сухум, 2013. С. 315.

[2] Там же. С. 316.

ности, к национальности своих предков. К примеру: «Большинство абхазов, живущих в Сирии и в Иордании, занимаются в основном земледелием (отметим, что речь идет о 70-х годах 20-го столетия, с тех пор, безусловно, изменилось и социальное, и экономическое положение многих членов диаспоры – В.Ч.). Абхазы, живущие в селах, пользуются двумя языками: дома говорят на абхазском языке, а в школах учатся на арабском. Среди абхазов – горожан есть те, кто не владеет абхазским языком. Я встретилась со студентами в Иордании, которые прекрасно знали свою родословную, знали, что они абаза (т.е. абхазы), но говорили только на арабском языке. Все же родители их, за редким исключением, знают абхазский язык. К тому же, и абхазы, и кабардинцы из этих стран, принимавшие участие в Международном фестивале студентов и молодежи в Москве, общались на родном языке…

… Кроме земледелия абхазы в основном занимаются торговлей. Среди мужчин наиболее уважаемым является авиационное дело. Не могу сказать о сегодняшнем дне, но, как мне говорили, до недавнего времени боевыми самолетами управляли (о том мы сообщим подробнее ниже – В.Ч.) в большинстве абхазы…

…По словам самих арабов, сближение арабов и черкесов с ними носит поверхностный характер, оно еще очень далеко от той настоящей близости, которая существует внутри самих абхазов. Поэтому очень редко встречаются браки между абхазами и арабами…

…К женитьбе и замужеству они (абхазы – В.Ч.) относятся чрезвычайно ответственно и потому никогда не решают столь важное дело на скорую руку. Абхазы женятся гораздо позже, чем арабы, среди которых они живут. Мужчины моложе 25 лет, за редким исключением, не вступают в брак. Лучшим возрастом для женитьбы считается 30 лет, но в большинстве своем юноши женятся после 30 лет. Девушки уже после 17 лет готовы выйти замуж.

Исследователь подмечает и то обстоятельство, что диаспо-

рой на Ближнем Востоке уже в 20-м столетии были утеряны многие абхазские традиций и обычаи. Взамен перенимаются местные. Так, скажем, «абхаз, сватающийся открыто, должен, как и араб, заплатить за невесту «мехр» (полагаем, что это денежный выкуп – В.Ч.). На этот «мехр» девушка покупает наряд невесты – верхнюю одежду и нижнее белье, золото и другие вещи…

…На свадьбу приглашают своих друзей и родственников, а также соседей – арабов. Свадьба играется по арабским обычаям, абхазские свадебные обычаи уже утеряны. Приглашенные на свадьбу несут венки, которые мы обычно носим совсем в другое место и по другому поводу. Жених и невеста сидят в салоне на мягких стульях.

… Пьют шербет, кока-колу, пепси-колу, но, ни пива, ни вина не берут в рот. Действительно, абхазы и черкесы, подобно всем тем, кто принимает чужую веру, глубоко восприняли мусульманство…

… Приглашенные на свадьбу приносят подарки. Но там невозможно увидеть таких щедрых подарков и денежных даров, как это принято в Абхазии. У них более скромные возможности…

… В отличие от арабов, абхазы и черкесы не стремятся заводить много детей, в их семьях обычно не встретишь более двух или трех детей»[1].

Последнее обстоятельство, дефицит многодетных семей, как видим, присущ не только нам, но и нашим соотечественникам, в частности, на Ближнем Востоке.

Автор статьи подчеркивает, что в странах Ближнего Востока часто встречается фамилия Абаза, больше всего их находится в Египте. Как рассказывают сами Абаза, египетская ветка которых насчитывает около 8.000 человек, этимология этой фамилии берет начало от некоего Шейха Хасана Абаза. Судя по семейному преданию, как сообщает автор, у Шейха было уже 4

[1] Кучберия Л.И. Из этнографии абхазов, живущих в арабских странах. // Абхазоведение. №8 – 9. Сухум, 2013. С. 316 – 319.

жены, когда он у одного турка выкупил 24 абхазских девушек, увезенных из окрестностей Сухума. «Уже никто не помнит египетских, эфиопских, индийских жен его, но все сегодня знают о 24 абхазских женщинах. У всех у них были разные фамилии, но всем своим детям они дали одну фамилию – название своего народа Абаза. Нужно сказать, что каждый из Абаза прекрасно знает, чьим именно потомком из этих 24 абхазских женщин является он сам. И каждый из них считает себя наполовину абхазом», – сообщает автор[1].

Иордании времен последних двух десятилетий 20 столетия можно почерпнуть из письма в Абхазию высокопоставленного Иорданского чиновника – главного прокурора королевского суда, этническом абхазе Омара Абаза (Агрба). Сообщая об официальном визите в Иорданию министра электрификации и энергетики Египта Махира Абаза, наш соотечественник также поведал об интересных эпизодах, связанных с тамошней обстановкой, культурно-духовной атмосфере в среде диаспоры. Например, на одной из встреч иорданских абхазов с министром, последний рассказал, как отмечает автор письма, «много интересного, особенно про Абаза, которые находятся в Египте, и как они в 1625 году приехали с Кавказа в Египет (Мыср), и их численность теперь около 10-ти тысяч человек. Они занимают особое место в обществе, среди них есть поэты, например, брат министра Азиз Абаза, который умер несколько лет тому назад, и его стихи издавались во всех странах Арабского Востока. Он также сообщил, что пять представителей Абаза депутаты Египетского парламента. Он говорил, что «мы абхазский язык (язык Абаза) забываем или уже забыли, но живем как единая семья и что наш лозунг: «Абаза всех стран должны познакомиться друг с другом». Далее рассказал, что до сих пор они готовили абхазские блюда. И они мало знают историю абхазского народа. В СССР, а точнее, в Сочи, он там был десять лет назад, хочет обязательно поехать в Абхазию».

[1] [1] Кучберия Л.И. Из этнографии абхазов, живущих в арабских странах. // Абхазоведение. №8 – 9. Сухум, 2013. С. 319 – 321.

Далее автор письма Омар Абаза пишет, что была еще одна встреча с Махиром Абаза, на которой по его просьбе были лишь абхазы. Отмечается также, что гостя пригласили посетить клуб диаспоры (в Иордании, по словам автора письма, два клуба – общественный и спортивный). Письмо завершается сообщением о таком эпизоде: «Встретили его (Абазу) с делегацией, которую он возглавляет. Подали на банкете народное блюдо, наша молодежь показала ему народные танцы и народное творчество, где также принимали участие школьники черкесской школы города Аммана. Мне кажется, сообщает королевский прокурор О. Абаза, что все прошло как на Кавказе, т.к. прием носил абхазский характер»[1].

О современных социально-политических тенденциях в ареале дислокации потомков абхазо-черкесских махаджиров рассказывается в работе исследователя Э.Д. Эшба «Черкесская» диаспора в Турции и на Ближнем Востоке: о современных проблемах и перспективах», опубликованной в сборнике «Абхазоведение» АбИГИ им. Д.И.Гулиа АНА[2].

Говоря об истории формирования черкесской диаспоры в странах ближнего Востока, автор отмечает, что она, эта история имеет многовековые исторические корни, уходящие в Средневековье. Это и «период монгольского господства, и время генуэзской колонизации, однако особенный расцвет она приобрела на Восточном побережье Черного моря, в эпоху турецкого протектората…»

… В формирование этого ареала, по словам автора, внесли весомую лепту и мамлюки (бывшие невольники), постепенно поднимавшиеся «до положения господствующей прослойки феодального общества», а в 1250 совершившие «дворцовый переворот, поставив у власти своего султана Муиза Айбека. Одной из династии мамлюков являлись «Бурджиты» (годы правления

[1] Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры. Абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 334 – 339.

[2] Эшба Э.Д. «Черкесская» диаспора в Турции и на Ближнем Востоке. // Абхазоведение. VIII – IX выпуск. Сухум, 2013. С. 213.

1382 – 1517), от названия цитадели аль-Бурдж (в египетском произношении бург») в Каире. Именно среди Бурджитов преобладали уроженцы Кавказа[1].

Надо сказать, что на счету мамлюков, делившихся по историческим периодам правления на бахритов и бурджитов (среди последних на протяжении 135 лет преобладали абхазы и черкесы), было немало свершений, как военного, так и социально-культурного характера, причем не на отчей, а на чужеродной земле. Заметим, в этой связи, что у этого необычайного явления была своя предыстория. По сообщениям исследователей, еще в эпоху Римской империи ее войсковые части, состоявшие из абхазов («Правое крыло абазгов» – тяжелая конница), были сосредоточены на пограничных рубежах в Египте. Затем, в ранние средние века, сведений о массовом перемещении абхазов и черкесов с Кавказа в ареал стран Ближнего Востока не фиксировалось. В то же время следует отметить, что большой поток мамлюков – невольников с Кавказа был отмечен много позже, и, как мы полагаем, это связано с ослаблением собственно Абхазского царства. Вряд ли спокойно и без эксцессов приняли собственно абхазские и черкесские властные элиты (но не царедворцы) захват, а не приход во власть, как это трактуется, трона Леонидов династией «абхазских Багратидов» и перенос столицы в Картли. Подтверждением тому возросший поток невольников с Кавказа, о чем сообщают современники того времени, что могло быть и по причине ослабления централизованного управления в административно-территориальных образованиях, ранее подвластных абхазскому царскому дому Леонидов.

Чтобы не быть голословным приведем свидетельства, отмечавшие что название «мамлюк» пришло потому, что «один из преемников Салах-ад-дина в 1230 году приказал купить 12.000 молодых людей (абхазов, черкесов и др.), обучил их военному искусству и вскоре имел «корпус самых неустрашимых и воинственных солдат в Малой Азии». Также сообщается, что

[1] Там же. С. 213.

в XIII веке египетские купцы платили специальную пошлину турецкому султану за проход через проливы в Черное море, где они в Кафе и на Западном Кавказе закупали молодых вои – абхазов и зихов. Они доставлялись в египетские порты Дамиетту и Александрию. Ежегодно в Египет привозили до 2.000 тысяч молодых мамлюков. Общая численность мамлюкских воинов в период правления «черкесской династии» находилась в пределах от 5 до 25 тысяч человек». Они считали себя высшей кастой и никогда не сочетались браком с представительницами арабского населения. Многие очень слабо владели арабским, при этом сохраняя свои исконные имена, как, например, Астамур, Заур, Кансоу и т. д.» [1].

Так что, думается, есть основание полагать, что столь массовый исход молодых людей из числа абхазов и черкесов, хотя бы и путем пленения и продажи, вряд ли был возможен при централизованном абхазском государстве, правители которого сами нуждались в постоянном обновлении своего воинства для завоевательных походов. Как видим, положение изменилось с ослаблением, а, затем, и полным исчезновением абхазского влияния в т.н. Абхазо-Картлийском царстве где-то на рубеже 13 – 14 вв. Это время как раз совпадает с увеличением числа невольников-мамлюков с Западного Кавказа, и, естественно, усилением их роли в военно-политической жизни стран Ближнего Востока. И уже, начиная со второй половины 14 в., абхазы и черкесы удерживают власть непрерывно почти в течение полутора века в Египте, Сирии, Палестине.

Заметим также, что влияние и роль черкесов и абхазов, именуемых мамлюками, была весьма значительной, как в ранние, так и в поздние средние века, вплоть до конца 19 столетия. Многие видные военные и политические деятели – мамлюки приходили к власти в странах Ближнего Востока в отмеченные периоды: в Египте, Сирии, Ираке, Тунисе и др. странах. Так, в обширном и ценном труде Р. Гожба содержатся сведения о

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 326.

жизни и деятельности видных мамлюков – абхазов и черкесов указанного периода.

Наиболее известным в династии бахритов, то есть мамлюки кавказского происхождения, – отмечает исследователь, – был Калаун, он разбил монголов и крестоносцев. Сын же Калауна – Эн-Насир, правивший страной (Египтом) 43 года, как свидетельствуют источники, «разбил наголову 100.000 армию монголов на равнине Мардж-эс-Сафар». В 1393 – 1394 и 1400 – 1401 гг. кавказские мамлюки остановили нашествие беспощадного среднеазиатского правителя Тамерлана. А султан «черкесской династии» Сейф-ад-Дин Барс-бей в 1424 – 1426 гг. отвоевал от Турции остров Кипр. Этот правитель приобрел известность тем, что в эпоху своего правления «раздвинул границы своего государства от берегов Малой Азии до берегов Ефрата»[1].

Сообщается автором и о выдающемся военном и государственном деятеле абхазского происхождения Али-бее, ставшем правителем Египта в 35 лет. Он родился в1728 году в Абхазии, и в 13 лет попав в плен, был продан в рабство. И с молодых лет оказался в среде мамлюков, и, благодаря своему уму и доблести, сделал головокружительную карьеру. Во время русско-турецкой войны Али-бей отказался от поддержки Блистательной Порты, а в 1770 году принял «титул султана Египта и обоих морей», тем самым выйдя из подчинения Османской империи, что произошло впервые, после того, как пала (1517) «черкесская династия мамлюков». С 1769 года Али-бей уже чеканил собственную монету. Его стали именовать Али-бей аль-Кабир – Великий Али-бей. Он подчиняет себе помимо Египта – Сирию, Палестину, Йемен, Аравию, часть Кипра. Главные святыни христиан и мусульман всего мира в его руках. Али-бей задумывает восстановить древний торговый путь из Египта в Индию. Весной 1771 года он предпринимает ряд мер и устанавливает контакты с российскими военно-морскими силами,

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 328.

стремясь заручиться их поддержкой, в частности, с графом А. Г. Орловым (близкий сановник Самодержицы Всероссийской Екатерины II – В.Ч.).

В свое время Наполеон в своих мемуарах отмечал: «В 1767 году шейх-аль-белед объявил себя независимым, стал чеканить собственную монету, захватил Мекку, начал войну в Сирии, вступил в союз с русскими»[1].

Полагаем, что столь грандиозные планы и действия Али-бея были не приемлемы не только для властителей Османской империи, но также, по всему не устраивали и другие европейские державы. Потому и гибель Али-бея оказалась, как нам представляется, подстроенной: он пал в результате предательства своего приемного сына Абу-Захаба в сражении при Самихии. Али-бей был 55 лет от роду, в расцвете сил.

На протяжении ряда столетий, как отмечает Р. Гожба, из числа кавказских мамлюков выдвигались не только воины. В историю Ближнего Востока вошли также имена выдающихся мыслителей, философов, правоведов, писателей и поэтов. Все они своими произведениями обогатили народы и страны, в которых они оказались по воле судьбы или, что вернее, по произволу злого рока. И, тем не менее, их сочинения всецело служили делу прогресса и просвещения народов и обществ, ставших для них второй родиной, ибо многие из них по истечении времени смутно представляли, или вовсе не помнили своего отечества.

Таковым, по словам исследователя, является Давадар эмир Барсбай (умер в 1325 г.) – выдающаяся личность, военный деятель, также «видный египетский мыслитель и энциклопедист. Родился в Зихии, образование получил в Каире. Автор исследования «Сущность мысли и миграция» в XI томах, пять из которых посвящены султанам кавказского происхождения. Видным египетским теологом и путешественником, причисленным к лику святых, был знаток шариата аль-Черкеси Шахин бин Абдуллах (1378 – 1452).Крупнейшим египетским истори-

[1] Там же. С. 86 – 87.

ком средневековья является ибн Ийас Мухаммед аль Ханафи (148 – 14524). Автор многотомной хроники «Диковинки цветов в событиях веков», где содержится обширный материал о кавказских мамлюках. Его труды переведены на английский в Лондоне (1921г.) и на французский в Париже (1955 г.). По отзыву известных востоковедов А. Е. Крымского и И.Ю. Крачковского ибн Ийас – «один из крупнейших историков Египта и Благодатного Полумесяца (Ближнего Востока) второй половины XV – первой половины XVI вв.» Аль-Максиди Абу Халид бин Юсуф (1416 – 1483). Известный египетский ученый и писатель, автор книг: «Краткая история египетских султанов» и «Отъезд султана Яшбега на Кавказ» (1480), где описываются природа, быт и нравы народов Северного Кавказа»[1].

Уверены, что число достойных представителей мамлюков абхазской и черкесской национальности, как воинов, так и деятелей науки и культуры, весьма велико, можно сказать, за минувшие века их наберется десятки тысяч, а то и больше. Сегодня ими по праву гордятся народы и государства, где они обретались и творили историю, прославляя свое вновь приобретенное отечество. В ту пору они, наверняка все без исключения, сознавали себя сынами утерянной родины – Кавказа. Но постепенно, в унисон с течением времени, их потомки, утеряв язык предков и самосознание, растворились в среде коренного населения. Кавказ, в том числе Абхазия, лишились огромного пласта в своем генофонде, разумеется, по объективным и субъективным обстоятельствам, в основе своей трагическим.

… Таким образом, – пишет исследователь Э.Эшба, имея в виду до махаджирскую миграцию, – на территории Турции, Египта и других стран Ближнего Востока постепенно формировалась представительная кавказская диаспора, значительное место в которой занимали и выходцы из Абхазии». Однако наряду с этим надо отметить, что длительный период естественного и насильственного оттока населения Кавказа, и, в част-

[1]Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 327 – 328.

ности, Абхазии, на территорию Ближнего Востока не привел к формированию полноценной диаспоры как таковой. Горцы постепенно ассимилировались в инокультурной среде».

«Полноценная диаспора» сформировалась тогда, что следует из исследования, когда большие массы махаджиров были вынуждены покинуть родину и обосноваться на обширных территориях, подвластных Турецкой империи. Таким образом, как пишет автор, махаджирство «коренным образом изменило ситуацию». А «общая численность северокавказских мигрантов, выселившихся в Османскую империю», и, тем самым послужившим основой нынешней обширной абхазо-черкесской диаспоры, «составляет как минимум 1,5 млн. человек».

Думается, справедлив и такой тезис исследователя, который отмечает, что «за сравнительно короткий срок «черкесы» (термин применяется автором в широком смысле: абхазы и другие горские народы – В.Ч.) стали достаточно влиятельным элементом в османском обществе. Особенно много горцев было представлено среди военной интеллигенции империи. При этом кавказские переселенцы сумели сохранить свою национальную самобытность, культуру и язык, успешно противостояли процессам ассимиляции. Как уже отмечалось, всю северокавказскую диаспору на Ближнем Востоке принято называть черкесской. Связано это, прежде всего, с тем, что представителей адыгских народов среди кавказских переселенцев было действительно больше, чем остальных». На территории огромной по размерам Порты горцы держались вместе, таким образом, противостоя процессам грубой ассимиляции[1].

В данной работе отмечены и такие тенденции современной диаспоры, как размежевание по национальному признаку в более или менее едином в прошлом горском сообществе в изгнании. Еще в 20-х и 30-х годах прошлого века, как видно из публикации видных деятелей эмиграции, такой трансформации кавказских сообществ не наблюдалось. Вспомним, к при-

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 213 – 214.

меру, усилия по строительству основ горской республики, как представителей кавказской диаспоры, так и политиков различных народов Кавказа: чеченцев, дагестанцев, адыгов, абхазов… Ведь из-за рубежа на Кавказ с целью оказания помощи тогда приезжали представители различных этносов диаспоры. И они, М. Бутба, А. Мкер, И. Беркок и другие, увлечены были как раз обустройством общего кавказского дома с последующим заселением его и потомками махаджиров. Но, увы, этому не суждено было сбыться. Причин тому было немало, о некоторых из них высказывались в своих воспоминаниях участники и свидетели того неудачного эксперимента. Но это дело прошлого.

А в настоящем времени, как пишет исследователь, «Зарубежные «черкесы» (имеются в виду все горские сообщества – В.Ч.) на сегодняшний день находятся в специфическом переходном состоянии. Среди них растет ощущение, что они постепенно утрачивают свою этнокультурную специфику. В поисках путей сохранения этноса, они стали стремиться к расширению связей с (родственными – В.Ч.) северокавказскими республиками и черкесских общин в разных странах мира».

То же самое происходит по всему в целом по кавказской диаспоре. Трудно определенно сказать – хорошо это или плохо. Наверное, ничего предосудительного нет, коли усилия этнических черкесов «привели к образованию в мае 1991 года Международной черкесской ассоциации, призванной координировать деятельность черкесских организации по сохранению родного языка, культуры, содействовать процессу репатриации». Не задержались с тем же и абхазы зарубежья, и, как отмечает автор, «в 1992 году, в год начала Отечественной войны в Абхазии, была учреждена Международная ассоциация абхазо-абазинского (абаза) народа, которая объединяет и координирует деятельность абхазских диаспор в 52 странах»[1].

Нелишне также, полагаем, напомнить, что когда в Абхазию

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 214.

14 августа 1992 года нагрянула война, в Стамбуле уже 23 августа того же года, на десятый день начала войны, начал действовать многонациональный Кавказский Комитет поддержки Абхазии. И вот как описывает постпред Абхазии в Турции В.Д. Авидзба в своих воспоминаниях деятельность этой всеобщей горской организации: «Людская цепочка соединила стамбульский Комитет солидарности с разными районами Турции: абхазы, абазины, кабардинцы, чеченцы, шапсуги, осетины… Исчезли национальные различия. Люди были едины в справедливом гневе и горьком сострадании. Не случайно, наверное, все северокавказцы, кавказцы, абхазцы в том числе, зовутся в Турции единым словом – черкесы. По всей Турции, в черкесских диаспорах стали собирать деньги, лекарства, одежду. Абхазии, совершенно неподготовленной к военным действиям, не ожидавшей их, в противостоянии агрессору, конечно, была нужна любая помощь, любая поддержка.

… Оперативно постановили: делегировать туда врачей, медсестер, специалистов для помощи тылу. И подчеркнули: если среди абхазцев, кавказцев найдутся добровольцы, желающие сражаться за свободу Абхазии, им – зеленая дорога»[1].

…«Позже, после окончания войны, – сообщает В. Авидзба в своих воспоминаниях, – слово «Кавказский» в названии Комитета отпало. Комитет стал заниматься проблемами абхазской диаспоры в Турции и исторической родины – Абхазии. Многие кавказцы – члены Комитета вышли из его состава – острота их присутствия в связи с победоносным завершением войны в Абхазии стала значительно меньше»[2].

Наверное, не обо всем говорит постпред, являвшийся опытным политическим деятелем: ведь Абхазия тогда, в пору жесточайшей экономической, политической и информационной блокады остро нуждалась в поддержке как раз более широкого круга братских народов, и сужать эту помощь рамками только

[1] В.Д. Авидзба. Наблюдения. Размышления. Мнения. Выводы. Москва, 2022. С 57.

[2] Там же. С.160.

абхазов, думается, не было резона. Но так, по всей видимости, сложились обстоятельства, когда время продиктовало, как отмечает исследователь Э. Эшба, задействовать в полную силу возможности и ресурсы зарубежных абхазов, которые могут способствовать не только экономическому росту республики, но и лоббировать вопрос политического признания республики. По крайней мере, наличие представительных абхазских диаспор на Ближнем Востоке создает возможность активизации отношении с государствами этого региона[1].

Надо отметить, что в послевоенных экономических отношениях Турции и Абхазии, которые, конечно же, не являлись официальными, важнейшую роль сыграла абхазская диаспора. Несмотря на то, что под грузинским давлением Турция не раз перекрывала экономические и пассажирские потоки, тем не менее, они существуют, правда, с разной интенсивностью, до сего времени. Понятное дело, там, где выгода – экономическая, торговая – везде можно предусмотреть альтернативные пути-выходы из сложных ситуаций. И не столько ради Абхазии находились эти пути – ведь в блокадный период, больше пяти лет, в Турцию шли из нашей страны большие объемы лесоматериала, угля, металлического лома, которые после соответствующей переработки, приносили большую экономическую прибыль. Абхазское руководство тогда прекрасно понимало, что сырьевая экономика приносила стране скромные доходы, но выхода иного не было. На дворе была жестокая блокада, объявленная почти всем миром, который практический отказался иметь деловые и иные отношения с Абхазией. И, как отмечает Э. Эшба, из-за объявленной блокады в 1994 г. и вплоть до конца 90-х годов торговля с Турцией составляла 80% от всех внешнеэкономических сношении Абхазии[2]. В этих отношениях, полагаем, значительную долю составляли и деловые люди нашей диаспоры.

---

[1] Эшба Э.Д. «Черкесская» диаспора в Турции и на Ближнем Востоке. // Абхазоведение. VIII – IX выпуск. Сухум, 2013. С. 214.

[2] Эшба Э.Д. «Черкесская» диаспора в Турции и на Ближнем Востоке. // Абхазоведение. VIII – IX выпуск. Сухум, 2013. С. 215.

Стоит, полагаем, также напомнить некоторым критикам властей той поры (сами-то ничего путного предложить не смогли и в последующие уже благие времена), что даже столь ущербная экономическая модель позволила выстоять блокаду, победить в политическом единоборстве с Грузией и ее союзниками, и, таким образом, удержать независимость Абхазской страны. Но это, как говорится, к слову.

Что же касается современного положения абхазской и черкесской диаспор в Турции и на Ближнем Востоке, отметим дальнейшую фрагментацию в прошлом единой организации потомков горских изгнанников в Турецкой республике, где сосредоточено основное население соотечественников. В упомянутом исследовании отмечается, что «абхазские организации еще в 2009 году вышли из состава федерации северокавказских культурных организаций в Турции, и координируют свою работу, сотрудничая с правительством Абхазии». Там же отмечается, что «на съезде черкесских организаций Турции в октябре 2005 года было принято решение о выходе черкесской общины из состава северокавказских общественных организации Турции, что было сделано с целью продвижения темы репатриации черкесов на историческую родину».

В связи с подобной фрагментацией единой в прошлом организации, нельзя не согласиться со следующими выводами исследования: «Таким образом, запущен процесс дробления весьма крупной «черкесской» диаспоры, что не может способствовать усилению позиции диаспоры в государствах ее компактного проживания и ведет, как представляется, к постепенному «размыванию» северокавказского элемента на Ближнем Востоке»[1].

Все верно, «размывание» единства горцев налицо, а вот будет ли эффективным заявленный процесс репатриации черкесов и абхазов на историческую родину, прямо скажем, тому пока подтверждений нет. По крайней мере, за последние десять – двадцать лет какого-либо весомого притока соотечественников в Абхазию, и, тем более, на Северный

[1] Там же.

Кавказ, не зафиксировано.

В то же время, полагаем, вполне правомерно мнение о том доктора исторических наук В. Бигуаа, оно также созвучно времени, что «интересы абхазов и адыгов особо не расходятся. Совпадают многие традиции, есть общая история. Но если кто-то хочет отделиться и самостоятельно жить – это тоже нормально»[1].

Отрадно все же, что подобные процессы трансформации не затронули диаспоры в странах Ближнего Востока – Сирию и Иорданию, уступающие по численности соотечественникам в Турции на многие порядки. Так, по данным «Черкесского благотворительного общества» в Сирии выходцев с Кавказа насчитывается до 100 тыс. человек. Там проживают кабардинцы, абхазы, осетины, чеченцы, дагестанцы. На Голанских высотах до 1967 года было расположено абхазское село Момсие, которое по-арабски называлось Гассания, общим числом до 150 дворов. Проживали абхазы и в других частях Сирии. Избранные горцами местности напоминали родные места – это и были Голанские высоты, где и поселились абхазы и кабардинцы, образовавшие ряд сел с центром в г. Эль-Кунейтра. Часть абхазов после событий 1967 года (Сирийско-Израильской войны и оккупации Голанских высот – В.Ч.) уехала в Америку и Иорданию…»[2]

Отметим также, что в чрезвычайно сложных условиях горские переселенцы укоренялись на новых сирийских землях. Изгнанникам, перенесшим трагедию исхода с родного края, вновь, уже на чужой стороне, пришлось защищаться от враждебных действий местных племен. И, как пишет исследователь, спокойной жизни у абхазов и адыгов не получилось, на протяжении многих лет у них происходили ожесточенные столкновения с бедуинами и друзами, считавшими земли и пастбища, на которых были расселены кавказцы, своими, что и было ос-

[1] Эшба Э.Д. «Черкесская» диаспора в Турции и на Ближнем Востоке. // Абхазоведение. VIII – IX выпуск. Сухум, 2013. С. 216.

[2] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 266.

новной причиной конфликта. Свидетельством тому факты нападений двух арабских племен (абу-султана и бени-саида) на основанный черкесами поселок близ Халеба, и конфликт этот длился с 1878 года до середины 20 столетия. В конфликты и военные действия, в моменты их обострения, нередко вмешивались Османская Турция и европейские державы. Постепенно, путем переговоров, удалось восстановить мир[1].

Находясь в столь непростой обстановке, кавказцы часто вспоминали о своей далекой родине, об осиротевших очагах, разоренных хозяйствах, и, тем не менее, притягательная сила которых постоянно занимала умы и сердца изгнанников, заставляя непрестанно думать о возвращении на отчую землю. И некоторые из них добирались до родины разными путями.

Например, еще в 1906 году российский консул в Дамаске Самсонов сообщал, что «… те черкесы, которым каким-то образом удалось возвратиться в Россию не только не подверглись за то какому-нибудь наказанию, но бывали случаи, что они заняли опять на родине то общественное положение, которое имели до эмиграции и даже высылали родственников своих за своими женами, которые ими были оставлены в Сирии…»

Консул Самсонов также извещал российские власти о том, что «большая часть переселенцев – черкесов с благодарностью возвратилась бы в пределы России, если бы им это было разрешено, и приходилось слышать, что если их станут преследовать (местные власти – В.Ч.), то они обратятся к своему, т.е. русскому консулу»[2].

Но, к сожалению, царские власти не реагировали на желание горцев обрести вновь утерянную родину. У царизма были свои виды на эти земли, куда коренные жители никак не вписывались, видимо, как неблагонадежные. И, тем самым, обживались горцы на Сирийских землях, ставших для них родными. Утряслись споры с соседями, постепенно налаживался быт, создавались условия для образования молодого поколения. «В 1933 году в Кунейтре была открыта черкесская школа, сохра-

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 267.

[2] Там же. С. 271 – 272.

нился групповой портрет учеников-кавказцев первоклашек и второклашек, все мальчики исключительно в папахах. Стала выходить национальная газета «Мардж». Во время второй мировой войны много абхазов и черкесов служили в армии. До этого был создан «черкесский эскадрон» специального назначения, эта часть была одна из самых боеспособных во время французского протектората»[1], – отмечает исследователь.

Ближний Восток: арабо-израильские войны и роль абхазо-черкесской диаспоры

Так, год за годом, протекли незаметно десятилетия. Во второй половине 20 столетия для горцев Ближнего Востока наступило трагическое время, сродни тому, что пережили их предки на родине, в ущельях и долинах Кавказа. Это был период ожесточенных арабо-израильских воин и оккупации Израилем новой родины горцев – Голанских высот (1967). Абхазы и черкесы были вынуждены оставить свои села и местечки и переселиться на новые места, а многие и вовсе эмигрировать в другие страны.

В этой связи вот уже десятилетия передается из уст в уста, из поколения в поколение, как арабов, так и горцев, о поступке-подвиге пожилой горянки Куна Уджуху, не покинувшей свой очаг в Эль-Кунейтре. Вот как о том повествует исследователь: «Не ушла только Куна Уджуху, не покинувшая свой очаг в Эль-Кунейтре. Восемь лет жила она одна в своем доме. По ночам, чтобы запугать ее, солдаты обстреливали дом черкешенки. Военный комендант требовал немедленно покинуть территорию, но Куна была непреклонна. После освобождения Эль-Кунейтры мужественную женщину приехали навестить президент Сирии Хафез Асад, король Иордании и другие лидеры арабских стран. Пресса арабских стран в один голос

[1] Там же. С. 272.

называет Куну Уджуху «Матерью Эль-Кунейтры»[1].

Абхазов в этих странах меньше, нежели черкесов, но здесь нет никакого разделения по национальному признаку, несмотря на то, что все знают свое происхождение. Не разделяют их, кстати, и арабы, называя потомков кавказских горцев издавна принятым собирательным наименованием – «черкесы». Как в Сирии, так и на исторической родине широко известны имена писателя, переводчика мировой классики на арабский язык Фаделя Арютаа, художника А. Маан, хирурга с мировым именем, доктора Ахмада Бакира (Куджба) и многих других. Но больше всего в Сирии военных, чьи имена прославленные боевыми подвигами, известны всей стране. Несмотря на сравнительную малочисленность горских диаспор в государствах Ближнего Востока, руководящая элита этих стран, в частности Сирийская, давно поддерживает с ними тесные и доверительные отношения.

Этому во многом способствовали братья Мамдух, Шьараф, и Уалид Абаза (Маршаны). Эти люди, можно сказать, еще при жизни стали легендой, поскольку вся их жизнь, состоявшая из череды подвигов, жертвенных поступков и деяний во имя справедливости, стала поистине примером для подражания, как среди соотечественников и народа Сирии, так и на исторической родине, в Абхазии.

Мамдух Абаза (1932, с. Мумсия, Сирия) – летчик-ас, еще в советские времена (1957 – 1958 гг.) поддерживал близкие отношения с будущим президентом Сирийской республики Хафезом Асадом, когда они оба обучались на высших военных курсах пилотов в г. Фрунзе. Нет сомнений, что эти отношения продолжились и в последующем. Свидетельством тому стремительный карьерный рост Мамдуха, чему, впрочем, также способствовала героическая биография летчика-истребителя. Во время арабо-израильских войн 1967, 1973 гг. Мамдухом Абаза было сбито шесть вражеских самолетов. С 1978 г. он –

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум,2014. С. 272 – 273.

генерал-майор, командир первой эскадрильи ВВС Сирии. Всего через два года, в 1980 г., Мамдуху присвоено звание генерал-лейтенанта, и он назначается начальником Генерального штаба ВВС Сирии. За свои выдающиеся заслуги Абаза награждается семью высшими государственными наградами, многими иностранными орденами и медалями. Он – национальный герой Сирийской республики.

Надо полагать, что М. Абаза – боевой и влиятельный военный, находившийся в близких отношениях с руководителем страны, вызывал недовольство и неприязнь определенных кругов, не разделявших прогрессивную светскую политику правительства Х. Асада. Это и послужило, на наш взгляд, причиной гибели М. Абаза в 1982 году «от рук наемных убийц, членов ультра – правой организации «Братья-мусульмане»[1].

Судьбой был уготован Шьарафу Абаза тяжкий крест – пройти смолоду, со студенческих лет, путь общественного деятеля, участника левого движения до узника суровых турецких тюрем под присмотром Службы безопасности небезызвестной МИТ. Он прошел в этих застенках через многие жестокие издевательства и пытки, не раз спецслужбу, отчаявшиеся сломить его волю, пытались лишить его жизни через подставных убийц. Был даже случай, вспоминал позже Шьараф, когда восхищенный мужеством и благородством Абазы, один из подосланных убийц из МИТ, расстался навсегда со своей работой.

Шь. Абаза известен также как один из видных представителей абхазо-черкесской диаспоры Сирии, внесший весомый вклад в борьбу за независимость Абхазии, пропаганду ее истории и культуры. Шьараф из когорты тех деятелей, которые и словом, и делом реализуют высокие идеалы всеобщего единения абхазов на исторической родине. Несмотря на то, что он хорошо был обустроен в стране проживания: три раза избирался в Сирийский парламент, девять лет руководил здравоохранением района Кунейтра,

[1] Абхазский биографический словарь. Под редакцией В.Ш.Авидзба. АбИГИ. Москва – Сухум, 2015. С. 12.

там же долгое время был главой профсоюза медработников, Шьараф Абаза в 2011 году вместе с семьей возвращается в Абхазию в числе группы репатриантов из Сирии. Находясь в Абхазии, принимает активное участие в общественной жизни, оказывает существенную помощь правительству в осуществлении программы репатриации[1].

Здесь, думается, есть логичная необходимость привести слова из обращения Шь. Абаза в середине 80-х годов прошлого столетия. Мысли эти выстраданы долгими годами жизни вне пределов родины предков, к которым, безусловно, прислушаются и старшие, и младшие поколения соотечественников. Этот давний призыв Шьарафа актуален и сегодня, и звучит он так:

«Мы все продолжаем расплачиваться за совершенные нашими предками ошибки уже более ста лет. За это расплачиваемся из поколения в поколение… Мы надеемся, что в скором времени завершится плачь наших гор и степей, и наших берегов, и все вместе встретимся на Родной земле. Пусть ласточки вернутся в свои гнезда… Пусть чужие вернутся в родные края. Пусть блудные дети вернуться к своим матерям.

Земля… Родина… Народ… Это самые святые и драгоценные слова, чему учила нас человеческая история. И мы лишены этих святых, драгоценных понятий вот уже около 150 лет. Трагедия огромная… Но сердца абхазских махаджиров сильнее этой трагедии… Они противостояли заблуждению и забытью. Жили и продолжаем жить с надеждой – встретиться с Родиной-матерью, с Народом, с Землей.

От всей души и чувств приветствуем те поколения абхазов, которые предпочли остаться на Родине вместо махаджирства…

Мост между нами открыт сегодня. Наши взоры обращены в сторону этого моста – моста возвращения на Родину, к вам, вашему теплу. И когда вернемся, расскажем сказки махаджиров на чужбине, расскажем драму человека, прожившего более века без Родины…

[1] Там же. С. 13.

Еще раз отметим, что Шьараф Абаза, верный своему слову, преодолев тот символический «мост возвращения» на Родину, давно обретается вместе с семьей на родине предков – в Апсны.

Не обделен заслуженной славой с молодых лет и наш соотечественник генерал-лейтенант Уалид Абаза (1948, с. Мумсие, Сирия). В свое время он окончил военную академию. Еще молодым офицером проявил высокие организаторские способности, личную отвагу и мужество при ликвидации террористических и антиправительственных групп. С 1967 года У. Абаза с оружием в руках защищал интересы Сирии. О его отваге и храбрости сложены легенды. Талантливый и отважный военный, боевые и организаторские способности которого были высоко оценены руководством страны, вскоре был выдвинут на высокий и ответственный пост – генерал У. Абаза был назначен зам. начальника политуправления Службы безопасности Сирии.

«В трудные для Абхазии периоды грузино-абхазского противостояния, – как отмечает «Абхазский биографический словарь», – Абаза вносил свой весомый вклад в борьбу за ее политическое самоопределение. Часто бывает на исторической родине, являясь связующим звеном между абхазо-адыгской диаспорой и Республикой Абхазия»[1].

Полагаем, что есть необходимость привести здесь имена прославленных абхазских офицеров и генералов Сирийской Армии, как действующих, так и тех, кто уже в запасе. Это Мунир Бакир Куджба – генерал-лейтенант, командующий стационарными узлами связи Сирийской армии. Аднан Хайдар Кукба – генерал авиации в отставке, имеет высшее военно-академическое образование. Саим Куджба – полковник авиации, летчик-ас, командир лучшей эскадрильи в Сирийской армии. Абаза Бэрзедж Маршьан – летчик-истребитель, полковник. Абаза Рауф Цвижба – генерал в отставке, был командующий ракетными войсками в долине Бекаа. Талат Хайдар Кукба – ге-

[1] Абхазский биографический словарь. Под редакцией В.Ш. Авидзба. АбИГИ. Москва – Сухум, 2015. С. 12.

нерал, инженер морской службы. Изо Гани Агрба – полковник в отставке, бывший начальник оперативной службы г. Дамаска[1].

Ахмат Куджба: «И хирург от Бога, и патриот от Бога»

Особое место в данном исследовании будет отведено Ахмату Бакиру (Куджба) – замечательному человеку и абхазскому патриоту, выдающемуся врачу – кардиохирургу, известному как на всем Ближнем Востоке, так и на Кавказе, также и в среде медиков – кардиохирургов бывшего СССР. Знали его коллеги – хирурги в Советском Союзе потому, что он учился в Москве в университете им. Патриса Лулумбы на медицинском факультете. Не могли не знать, поскольку Ахмат позже проходил стажировки в Московских клиниках и больницах, блестяще завершил учебу в аспирантуре Института сердечно-сосудистых заболеваний им. А.Н. Бакулева АН СССР, стал кандидатом медицинских наук по сердечно-сосудистой хирургии. Его руководителем был всемирно известный академик В.И. Бураковский.

Приведем строки из воспоминаний исследователя Р. Гожба, лично знавшего А. Куджба с самого начала его учебы в Москве и поддерживавший с ним теплые дружеские отношения до его безвременной кончины. В публикации под заголовком «Хирург от Бога» (2014), касаясь начального периода учебы Ахмата, Р. Гожба писал: «Мы были очень дружны. Но и тогда Ахмат, несмотря на свою молодость, отличался от многих из нас своей целеустремленностью. Помню, в одной из бесед, когда мы спросили его, кем он хочет быть, какое направление изберет в медицине, Ахмат твердо ответил: «Я должен научиться делать пересадку сердца». Это было на первом курсе»[2].

---

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 276.

[2] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 278.

Уже, будучи первоклассным кардиохирургом, Ахмат активно занимался проблемами диаспоры. Он был одним из тех, а может быть самым целенаправленным и принципиальным, как это ему всегда было свойственно, сторонником единения представителей его родной общины в пределах общей родины абхазов – на земле Апсны. Автор этих строк, общаясь в студенческие годы с Ахматом, замечал в нем неброскую внешне, внутреннюю силу и цельность натуры, сдержанность характера, несмотря на то, что в мыслях его и в душе, о чем можно было только догадываться, таились замышляемые им на будущее планы и перспективы. Даже недолгое знакомство с Ахматом проясняло суть его жизненного кредо: доводить до логического завершения начатое дело, причем тщательное продуманное, четко взвешенное и проанализированное. Так он, казалось, относился не только к обретению высот в своей профессии, но и к заветной мечте с молодых лет – возвращению его сирийских соплеменников на родину предков. О том он не думать не мог в силу своего воспитания в традиционной абхазской семье.

В этой связи исследователь Р. Гожба писал: «Из наших бесед мы узнали, что предки Ахмата – выходцы из Куджба-иашта – одного из живописнейших мест Абхазии. Отца его звали Абдульсалям, мама его была из рода Адзынба, деда Ахмата звали Бакир, его отца Есхак, а отца Есхака – Беслан, который похоронен в Абхазии. Связь с родиной начал налаживать его старший брат Ануар Куджба, который для Ахмата был примером во всем. Ануар был одним из первых в Сирии, кто добивался возвращения на родину, в Апсны. Но ему не суждено было увидеть Родину, он погиб в арабо-израильской войне в 1967 г.».

О том, как формировалось мировоззрение Ануара, откуда пошла его тяга к родине предков ясно прослеживается из любопытного документа, письма молодого абхаза в адрес профессора Ш.Д. Инал-ипа. В нем с непосредственной искренностью автор писал: «Мой брат! Я не могу Вам написать по-абхазски, потому что я не знаком с этой письменностью, хотя говорю свободно по-абхазски. Если поможете Вы и другие

абхазы, а помочь можно, если бы прислали нам книги для начальной школы и выше, какие сможете, чтобы мы научились нашему письму и чтению… Мне 22 года. Мое имя Ануар Бакир, прозвище мое Куджба. Я из абхазов, живущих в Сирии. Я еще учусь на подготовительном курсе Высшего технологического института в Дамаске».

В Сирийском селе Гассание – Момсие, что расположено в районе Голанских высот 150 дворов абхазов. Там в 1952 г. родился Ахмат. В их селе, сообщает исследователь, как и во всех селах, бережно хранили традиции предков, обычаи, язык. После окончания школы, уже в Дамаске, – рассказывал Ахмат, – он прошел курсы по обучению русскому языку. У него была цель – учиться в Союзе, а оттуда попасть на Родину. «В Дамаске мы, кавказская молодежь, абхазы и черкесы, часто подходили к советским туристам и всегда спрашивали: «Нет ли абхазов?». И очень огорчались, т.к. всегда был один ответ: «Нет»[1].

И вот Ахмат в Москве, учится на первом курсе Университета им. Патриса Лулумбы. Он с большим трудом дотерпел до зимней сессии, так ему хотелось вырваться на родину предков – в Абхазию. Тогда это было нелегкой задачей – маршруты иностранцев строго контролировались. Однако с большим трудом, с помощью Мери Инапха, ему, и ставшему ему другом Руслану Гожба, удалось вылететь из Москвы. «Помнится, еще в самолете, – вспоминает Руслан Хаджаратович, – когда мы летели в Абхазию, Ахмат нетерпеливо разглядывал море и горы. «Мы сейчас приземлимся, чего ты!? – обратился я к нему. «Ведь все это я вижу впервые, ведь это моя родина!» – услышал я в ответ.

Свыше двух недель тогда он провел в Абхазии. В ту пору зима была чрезмерно суровой, и добраться до родового села Куджба-иашта не было возможности. Но за короткое время пребывания на земле Апсны Ахмат «почувствовал тепло и сердечное отношение своих братьев и сестер и глубоко понял, что

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С 279.

он неразрывно и прочно связан со своей родиной, что в последствии он доказал делом всей своей жизни».

И все же он с нетерпением ждал наступления лета: мысль о предстоящем свидании с родным очагом предков не на мгновение не отпускала его. И это время настало. Ахмат снова в Абхазии, в Гудауте, в доме Р. Гожба. Отсюда их путь лежит в высокогорное село Хуап, откуда, по сообщению исследователя, Мирод Гожба и Виссарион Сабуа вместе с жителями села организовали поездку на Куджба-иашту. Прапрадед Ахмата, Бесслан Куджба, похоронен здесь. И более чем через сто лет Ахмат увидел родные места его предков. И как сказал тогда Мирод: «В этот день души усопших предков встали из могил и ласкали невидимыми руками своего долгожданного брата».

Еще не раз после посещения очага предков приезжал в Абхазию Ахмат, здесь он встретился впервые со своими братьями – Куджба, со старейшиной рода 102- летним Муратом, выходцем из Ахчыпсы (Красная поляна). Через многие испытания и терний прошел старец: его отец Заурбакь, выселившийся из родных мест в 1864 году, после покорения горцев, оказался в Турции. Там родился Мурат, вернувшийся 1870 году на родину. Затем была первая мировая война, и в ней Мурат с 1914 по 1917 гг. участвовал в качестве добровольца, всадника Абхазской сотни Черкесского полка Кавказской конной дивизии.

Ахмат в семье Мурата был принят чисто по-братски, очень сердечно. «Дад, – сказал Мурат, – счастья тебе, я думал, что умру, так и не увидев своих братьев. Но теперь для меня смерть ничего не значит, я увидел брата».

Много интересного рассказал Мурат о роде Куджба. И о том, как уходили в Турцию Куджбовцы с Куджба – иашта во главе с Бзергеусом Куджба. Привлекает внимание своей трагичностью такой эпизод той поры, поведанный Муратом.

«Уходя, они не смогли с собой взять столетнюю мать, ибо она не могла вынести тяжести странствия. Соорудив акуцху (деревянный короб), они подняли ее на дерево, посадив туда ветхую старушку, оставили ей пищу, с ней осталась стороже-

вая собака. Прошло время, один охотник случайно набрел на Куджба-иашту и увидел, что старушка умерла, так и не притронувшись к пище. , а собака была жива»[1].

У нас нет возможности пересказать весь текст объемного и весьма поучительного в психологическом плане очерка, содержание которого представляет нам зримо деяния и образы неординарных личностей по обе стороны разделенного народа. Наверно, у читателя возникают и вопросы: отчего все же о перспективе единства абхазов размышляет и действует на практике далеко небольшое число подвижников? Каково настроение зарубежных абхазов, их настрой на воссоединение с исторической родиной? Это с одной стороны, с другой, например, что полагают по этому поводу абхазы, живущие на отчей земле? Вряд ли по всем этим вопросам у нас в Абхазии или же у зарубежной диаспоры есть выверенные тщательным образом ответы. А разве нам не надо призадуматься и над тем, что, к примеру, в недавнем прошлом, да и в нынешнем непростом времени, является (в работе автора, заметим, это главный рефрен), наибольшей влекущей силой, заставляющей многих соотечественников помнить о земле предков, как, скажем, в случае с Ахматом Куджба. Что это: ностальгия на генетическом уровне, зов крови или это что-то иное? Ведь сегодня мы живем в том мире, хотим мы или нет, где рыночная экономика и соответствующая ей психология порой вынуждают приноравливаться к правилам поведения общества «золотого тельца». Но мы уверены, повторись время жизни Ахмата не в минувших, а в нынешних условиях, он и подобные ему люди (которых, наверное, не большинство, дай-то Бог ошибиться в том) повторили бы свой пройденный путь. И никоим образом не избрали бы реалий мира накопления и потребления. Однако же мы не идеалисты, чтобы не сознавать – не все идут по тому пути, в том числе и мы в своей отчизне, и наши соотечественники. И упрека в том вряд ли может быть. Кто-то из нас больше реа-

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 285.

лист, нежели идеалист, а кому- то очень важно прочувствовать прошлую жизнь предков, приобщиться к заброшенным трагедией очагам, обозреть с трудом различимые места упокоения дедов и прадедов, разрушившиеся под бременем природных катаклизмов остовы жилищ, в обрамлении, вконец, одичавших садов. Но есть среди нас и другие, и их немало, кто больше склонен к реалиям дней сегодняшних. А разве кто-то против, скажем, если человек стремится обустроиться, в первую очередь, там, где нормальный уровень жизни общества, доступны качественное образование и высокооплачиваемые рабочие места для наемного работника, как и цивилизованные условия для занятия бизнесом и коммерцией. И еще много чего в придачу должно быть ощутимо людьми, чтобы государство и общество воспринимались собственными гражданами и зарубежными соотечественниками, если не идеальными, то хотя бы соответствующими существующим мировым стандартам.

Думается, эти условия, названные нами условно идеалистическими и реалистическими, не противостоят друг другу. Они, скорее, дополняясь смыслами реалий прошлого и настоящего, о чем должны позаботиться элиты расколотого трагедией народа, станут той самой силой, которая позволит, если и не сиюминутно, то хотя бы в обозримой перспективе, свершится судьбоносной задаче – единению абхазов на отчей земле. Но при всем том, эффективная реализация столь судьбоносного проекта, как воссоединение разделенного народа, не возможна, полагаем, без симбиоза воли подвижников единения с людьми, реализующими на государственной основе программу возвращения зарубежных абхазов на родину.

Эти суждения, не всегда, думается, бесспорные, высказанные под спудом мыслей и размышлений о жизни и судьбе замечательного человека и патриота своего народа Ахмата Куджба, обязывают исследователя, в данном случае автора этих строк, пересмотреть некоторые взгляды и бытующие представления по поводу нерешенной пока еще проблемы возвращения соотечественников. О некоторых идеях и новациях, которые могли

бы ускорить процесс возвращения, нами предполагается поделиться с читателями в соответствующей главе данного исследования.

Возвращаясь к очерку об Ахмате, все же попытаемся в сжатой форме показать его гражданскую активность и политическую волю в отчаянной борьбе за возвращение на родину зарубежных абхазов и обретение Абхазией свободы и независимости от грузинских колониальных пут.

Завершив учебу в Советском Союзе в 1976 году, Ахмат возвращается в Сирию и становится вскоре широко известным специалистом кардиохирургом. Вместе с тем он повышает свою квалификацию в Москве, где также защищает кандидатскую диссертацию. Известный в мире кардиохирург, академик В. И. Бураковский предлагает Ахмату сосредоточиться на работе в институте. Но Ахмат, помня о том, что в Сирии его соотечественники, и многие другие, нуждающиеся в квалифицированной врачебной помощи, ведет там подвижническую работу. Как пишет исследователь, «тысячи людей были обязаны ему возвращением с того света. Свыше 1500 операции на сердце он произвел безвозмездно, и недаром его называли «Отцом бедных». И вот, наконец, венец его достижений: «Ахмат впервые в Сирийской республике успешно провел пересадку сердца, за что первым из кавказской диаспоры был награжден президентом Республики Хафезом Асадом высшей наградой Сирии – «Орденом Омайада»[1].

Здесь хотелось бы подчеркнуть и такое обстоятельство, связанное с признанием Республики Абхазия в недавнем прошлом. Замечу по этому поводу, что оно наверняка состоялось также с учетом весомого вклада соотечественников во многие сферы жизнедеятельности этой древней страны: оборонную, медицинскую, культурную и другие. Об этом хорошо был осведомлен президент Хафез Асад и его сын – нынешний глава страны.

---

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 287.

Наряду с профессиональной деятельностью, Ахмат никогда не забывал о проблемах родины предков. Он часто приезжал в Абхазию, нередко в сообществе с сирийскими абхазами. Ахмат был одним из самых целеустремленных пропагандистов единения всех абхазов на исторической родине. Он также понимал, что для того его родина должна иметь более широкие права, которые позволяли бы принимать решения и по вопросам возвращения потомков изгнанников. И в борьбе за это, еще в советское время, он отдавал немало сил и энергии.

Известно, что деятели интеллигенции и отдельные представители власти Абхазии, начиная со времени т.н. хрущевской оттепели, а несколько человек и ранее, писали письма и обращения Советскому руководству о бесправном положении абхазской автономии в составе Грузии. Это имело место на протяжении десятилетий, вплоть до развала СССР. Но ситуация в республике коренным образом не изменялась. Правда, нельзя утверждать, что все это было впустую. Например, из года в год, из десятилетия в десятилетие, протестная база народа возрастала. И на завершающем этапе национально-освободительного движения ряды абхазов уже стали пополняться представителями почти всех национальных общин автономии, за исключением лишь грузинского населения. И вот, в конце 80-х годов прошлого столетия, впервые со времени махаджирста, прозвучал мужественный голос из среды соотечественников в поддержку исторической отчизны. Это было емкое и глубоко аргументированное Обращение в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачева (27. 02. 1989 г.), подписанное гражданином Сирии, этническим абхазом Ахматом Куджба.

Данное Обращение не может не восхищать логикой и четкой постановкой проблемы, вместе с тем, гибкостью и доказательностью, приведенных автором исторических событий в период трагических процессов 19 века на Кавказе. В документе также сообщается о нерешенности проблемы потомков горцев, стремящихся вернуться на родину предков, приводятся

рекомендации Советским властям по преодолению бюрократических и иных препятствий на пути тех, кто решил вернуться на историческую родину.

Приведем некоторые положения данного Обращения, например, в той части, где сообщается о предыстории вопроса. Отмечая роль царизма в насильственном выселении миллионов горцев (абхазов, адыгов, дагестанцев, кабардинцев, осетин, шапсугов, убыхов, черкесов, чеченцев), автор подчеркивает, что в настоящее время за пределами Родины живут три четверти этих народов, не забывая и не намереваясь бросать свою Родину. Все их попытки вернуться на Родину не увенчались успехом, как при царизме, так и в периоды сталинизма, застоя и бюрократии, когда наш вопрос не был рассмотрен с такой же гуманностью, как и справедливые проблемы других народов».

Далее Ахмат, учитывая, что он обращается к руководителю социалистической страны, живущей по канонам марксистско-ленинской идеологии, приводит и такой тезис: «Борьба наших предков при покорении Кавказа, – напоминает он своему визави, – носила характер защиты национальной самобытности, о чем указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, приводя в пример самоотверженную борьбу народов Кавказа в защиту своей Родины».

Весьма доходчиво и убедительно описывает он безотрадную картину бюрократических и иных препон на пути тех, кто стремился попасть на родину предков. В этой связи автор и от своего лица сообщает: «Более 50 лет мы старались установить прочные связи с СССР, но до сих пор эта наша активная деятельность не дала заметных успехов. Сотни семей подавали документы для возвращения на Родину и получения советского гражданства, тысячи посещали советские консульские представительства с этой же целью или хотя бы получить разрешение посетить Родину. Однако очень мало кому посчастливилось осуществить эту мечту за эти долгие годы. Тысячи добрых людей забрали с собой эти мечты в могилу».

Прекрасно понимая, что ключ от «ворот» на родину находится на самом верху, в Кремле, и надо бы ради великой идеи единения подсластить пилюлю горечи, Ахмат уже продолжает свое Обращение в следующем ракурсе: «С первого дня своего основания СССР является оплотом и надеждой всех угнетенных народов. Поскольку мы являемся жертвой заговоров колонизаторов, у нас нет сил, на которые можно надеяться для достижения своих прав, кроме Советского Союза, даже если бы этот вопрос не касался его. Тем более, если он в корне связан с исправлением исторической ошибки царизма, в противоположность которому образовался СССР».

Поскольку письмо адресовано М.С. Горбачеву, руководителю страны Советов и инициатору перестроечного движения в СССР, Ахмат, конечно же, весьма гибко напоминает, что в рамках новых преобразований можно было бы осуществить и вековую мечту горцев. Отмечая при этом, что зарубежным соотечественникам глубоко импонирует то, что принципы демократии, свободы и справедливости лежат в основе перестройки. Это вдохновляет наши надежды, подчеркивает автор документа, на приближение решения проблемы в рамках прав человека, среди которых естественное и священное право каждого желающего вернуться на родину и жить в ней мирно в большей семье братских народов СССР.

Завершается Обращение просьбой принять перечень мер и решений, которые позволили бы облегчить, как возвращение на родину, так и посещение ее проживающим за рубежом потомкам махаджиров[1].

Ответа на свое обращение Ахмат так и не получил. Ясное дело, он был зарубежным абхазом, писавшим от имени всего горского сообщества Сирии. А вот в случае, скажем, с жителем Абхазии, коли он выступил бы с подобным письмом, или же оно было бы подписано коллективно, в таком разе Московские адресаты непременно направили бы послание в Тбилиси,

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 288 – 290.

тамошнему руководству. Затем оно было бы спущено на тормозах, формально обсуждено и списано, или же авторы получили серьезный нагоняй с соответствующими оргвыводами. Дескать, зачем вынесли сор из избы. Таких фактов было, как говорится, хоть пруд пруди. Таковы были правила игры, как на низах, также и на высшем уровне, то есть полнейший формализм и безразличие, отчего также рухнула в одночасье Советская страна. Но это – к слову.

Однако Ахмат Куджба был не таков, чтобы отступиться от столь судьбоносной проблемы. В силу своего упорного характера, он, безусловно, считая, что вода и камень точит, полагал: авось, мол, достучусь до Советских верхов. Теперь он организует коллективное письмо в адрес членов Верховного Совета СССР от Кавказских автономных республик и автономных областей: Абхазии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Южной Осетии.

Этот документ подписывают граждане Сирии, потомки горцев разных национальностей: Мирза Исса и Кумук Мамдух – кабардинецы, Кат Риад – адыг, Бакир Ахмад (Куджба – В.Ч.) – абхаз, Аздамир Бурхан – чеченец, Адхат Фуаз – осетин, Ауари Мухиддин – дагестанец.

Таким образом, как видим, Ахмат подключает к решению проблемы возвращения на родину представителей всех народов Кавказа, составляющих в основном всю Сирийскую диаспору. Это с одной стороны, с другой – содержание обращения ставит в известность депутатов от Кавказа, что предыдущее Обращение М.С. Горбачеву, содержащее просьбу о решении проблемы возвращения на родину потомков махаджиров остается без реагирования. Полагаем, что это был действенный политический ход Ахмата, но сказалось приближение времени развала великой страны (письмо было отправлено в Москву 29. 11. 1989 г.), интересы которой были преданы самим ее руководством в ходе борьбы за власть и привилегий. В то окаянное время ждать разрешения проблемы

изгнанных народов не приходилось.

И, тем не менее, Ахмат направляет в Москву еще одно письмо, тому же М.С. Горбачеву, но уже избранному Президентом СССР. Видимо, и с этим фактом, с избранием на эту высокую должность впервые Генсека СССР, надеялся в определенной степени автор письма. Содержание его мало отличалось от первого Обращения к М. Горбачеву. Определенная новизна присутствовала в заключительной части, где Ахмат формулировал механизм и условия возвращения зарубежных соотечественников, кои могла бы подготовит принимающая сторона. Например, более конкретными были предложения автора: создать в автономных республиках комитеты по делам репатриантов, упростить процедуры въезда в СССР каждому черкесу, желающему посетить родину без предварительных приглашений. Также сообщалось, что в случае получения советского гражданства, все готовы приобрести жилплощадь за свой счет.

В письме содержался и такой пункт, в котором предлагалось: «Срочно разрешить вернуться на Родину и получить гражданство 234 семьям и лицам, указанным в приложенных списках, разрешить проживание каждого согласно избранному месту жительства».

Заметим по поводу последнего предложения о «возвращении 234 семей», что оно некоторым образом напоминает ситуацию эпохи Нестора Лакоба, его борьбу за возвращение нескольких сот абхазов, осевших в Греции во второй половине 20-х годов прошлого столетия, после вынужденной эмиграции из Турции. Но тогда власти Грузии, уже начинавшие демографическое освоение Абхазии и поддержанные в том сталинскими большевистскими верхами, пустили под откос эти планы абхазского лидера. Позже большинство «греческих» абхазов вернулось снова в Турцию.

К сожалению, и эти надежды на решение вопроса возвращения репатриантов так и не состоялось, поскольку вскоре не стало и самого адресата – СССР, к кому с надеждой апеллиро-

вал страстный поборник единства горцев на родной отчизне Ахмат Куджба. Но он не пал духом, с удвоенной энергией работает в избранной области медицины, добиваясь выдающихся результатов. Как отмечал Р. Гожба хирургу было только 38 лет, когда «пришло международное признание – Ахмат был принят членом международного общества сердечно-сосудистых хирургов. У него появляется настойчивая мысль – уехать в Абхазию, на родину предков. Он мечтает, строит планы о создании отделения сердечно-сосудистой хирургии в Сухуме. Он ездил в Абхазию неоднократно, когда в этом цветущем краю шла жестокая война, оперировал, лечил раненых. Он до болезненного состояния мучился и страдал, переживал ужасы войны в Абхазии. Старался помочь – организовал гуманитарную помощь. Такой это был человек. Человек огромного доброго сердца, открытой души, способный боль и беду собственного народа воспринимать как собственную…»

Нам думается, что предельное напряжение воли и нервов, драматизм переживания за свою малую родину, на которую навалились войной и блокадой черные силы недругов, подорвали здоровье Ахмата. «Он был человек с обнаженным нервом, и драма абхазского народа воспринималась им обостренно,– совершенно справедливо пишет исследователь. На Ахмата надвигалась собственная трагедия – неизлечимая болезнь. Он мужественно боролся с недугом… Жизнь Ахмата оборвалась 28 апреля 1996 года. Ему не было и 44 лет»[1].

Авторские мысли по поводу, не бесспорные, конечно.

Вот, скажем, на ум приходят несколько странные, на первый взгляд, но, полагаем, не беспочвенные ассоциации. Когда-то, столетие тому назад, Щахусна Джергения – прозорливая мать Нестора Лакоба – заметила сыну, что его старания сдвинуть с места проблему возвращения махаджиров может до-

[1] Агуажба Р.Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи… Сухум, 2014. С. 297.

бром не кончиться. Мол, это дело сродни проклятию. В итоге, сам Нестор, вся его семья и родня были уничтожены врагами абхазского народа. Вспомним также планы другого абхазского лидера Владислава Ардзинба, также замыслившего начать возвращение заморских абхазов, но уже путем создания еще до войны свободной зоны в районе озера Скурча, где бы концентрировались промпредприятия и логистика: аэропорт, железная дорога и морской порт. В союзниках у него был крупный предприниматель, руководитель энергетических предприятий российского Севера, этнический абхаз Игорь Киртбая, специально приезжавший в Абхазию со своими помощниками и обсуждавший с Владиславом эту проблему. И вдруг, незадолго до войны, И. Киртбая скоропостижно умирает от сердечного приступа, хотя его личный секретарь позже утверждала, что никогда не примечала за ним симптомов той болезни.

После войны Владислав Григорьевич ездил в Турцию, встречался там с абхазскими бизнесменами, и здесь, в Абхазии, вел с ними долгие беседы, а, порой и уговоры: предлагал вкладывать средства в развитие послевоенной промышленности, и на эти предприятия, скажем, деревообрабатывающие, в качестве рабочих и инженерно-технических работников приглашать молодежь из числа соотечественников. Владислав был твердо убежден, что реализация сего проекта, о чем не раз утверждал он автору этих строк, наверняка привела бы к созданию эффективного канала по возвращению потомков изгнанников даже в условиях блокады, вопреки противодействию могущественных противников Абхазии. Таким способом глава страны предполагал, с одной стороны, начать решение возвращения соотечественников, с другой – упрочить демографическую безопасность государства. Эти планы имели место в рамках первой половины 90-х годов прошлого столетия. О том, безусловно, знали и наши оппоненты. Чуть позже, во второй половине тех же 90-х, В. Ардзинба поневоле, под давлением посредника (Е. Примаков – 1997 год) посетил логово противника – Тбилиси. Личная встреча с грузинским лидером и не к чему

не обязывавшие, растянутые во времени, переговоры были обустроены так безысходно, или, скорее, по грузинской задумке, что абхазскому лидеру пришлось заночевать в резиденции главы Грузии Э. Шеварднадзе. После чего, спустя пару лет, в конце 90-х годов, началась загадочная и долго длившаяся болезнь Владислава, по поводу которой не смогли определиться не только абхазские медики, но и их коллеги из России, Израиля и других продвинутых государств. И не о теории заговора здесь идет речь, ведь в ту пору Грузия и Абхазия находились в состоянии войны. Как, впрочем, и до сего дня.

А может быть, к тому же, это то самое заклятие, о чем упоминала в свое время Щахусна, зверски замученная грузинскими же палачами в сталинских застенках?

Словом, не пощадила судьба, или, скорее, ее реальные вершители, великого Владислава, успешно создававшего основы благополучия и безопасности народа и государства. На это и были направлены его усилия по возвращению на родину потомков абхазских махаджиров. Опасались, значит, как это бывало не единожды в нашей истории, чрезмерного усиления мощи и влияния абхазского государственного образования на Кавказском побережье Черного моря.

Безвременно и трагически ушли из жизни также Игорь Киртбая и Ахмат Куджба, всеми фибрами души стремившиеся содействовать процессу единения горцев, в том числе и абхазов, на родной отчизне. Но они ведь не одни такие,– может задаться вопросом читатель. Ведь немало и других представителей Отчизны и Зарубежья, кто стремился и продолжает действовать в направлении объединения потомков махаджиров на родине. Да, это так на самом деле. Однако есть те немногие подвижники, кто, прямо-таки болея сердцем за судьбоносное дело, сгорает в процессе борьбы против противников возвращения соотечественников. Такие, как, к примеру, отмеченные выше, известные абхазские лидеры, сложившие свои головы, в том числе, и как инициаторы весьма опасного процесса возвращения соотечественников, а, значит, и укрепления своих

стран, чему до сих пор противостоят не всегда видимые, но реальные и влиятельные силы.

В этом плане следует напомнить еще раз, что те люди, будь они высокопоставленными деятелями, или же из среды интеллигенции, без различия попадали в поле зрения спецслужб, в Абхазии – советских и грузинских, также соответствующих ведомств – в странах проживания диаспоры. Думается, потому долгое время на ниве организации возвращения соотечественников трудилось не столь много активистов, а подвижников этого судьбоносного дела – и того меньше. Все зависело от политического климата, как в странах проживания, так и на отчей земле. Вот, скажем, в период сталинских репрессий в СССР (1937 – 1953 гг.) о том, о проблемах единения абхазов, и речи нельзя было вести, тогда, в эпоху большого террора, главным было выжить народу абхазскому, понесшему огромные людские потери во всех слоях населения. И затем, снова восстанавливаясь годами и десятилетиями, абхазы, вернее, самые инициативные и лучшие его представители, заново приступали к налаживанию контактов между разорванными частями абхазского общества. Наверное, и оттого неполными долгое время были знания и информация о соотечественниках в различных странах их проживания. Например, если более или менее полными представлялись сведения о местах расселения, условиях жизни и числе соотечественников в Турции, то в других странах – Египте, Сирии, Ираке или Иордании – информация долгое время была относительно неполной. Понятно, что там, где проживают сотни тысяч соплеменников намного легче получить информацию о ситуации, чем там, где проживают несколько десятков тысяч, а того и меньше. Однако в нынешнее время, в эпоху интернета и прочих электронных средств, и с этим стало намного легче. Например, если взять такую страну, как Иордания, то о жизни там потомков Кавказских переселенцев, в том числе абхазов, становится известным на родине где-то в 50 гг. прошлого столетия, а периодические контакты и связи с родиной предков устанавливаются в последние два –

три десятилетия. Хотя, не сомневаемся, что исключения имели место и в более раннее время.

И, как видим, по сообщениям различных источников, ситуация в некоторых диаспорах кардинально меняется. Например, в многомиллионной среде соотечественников в Турции происходит дробление когда-то единой черкесской общины, народы Кавказа расходятся по национальным нишам. При этом инициаторы сообщают, такое делается ради пользы делу, вот какому, правда, остается часто без ответа.

А вот в Иордании, как отмечает Э. Эшба, в отличие от Турции сохраняется единство абхазо-адыгской диаспоры, в которой широко представлены потомки абхазских и убыхских махаджиров. «Черкесы», (в широком смысле – В.Ч.), занимают высокие посты – начальников департаментов полиции, мэров городов, генералов армии (о главном прокуроре королевского суда О. Абаза сообщалось выше – В.Ч.). Они также служат послами и являются депутатами парламента».

Случались за последнее десятилетие и представительные контакты Иорданской абхазской диаспоры с Абхазией. Так, по словам исследователя, «в 2010 году с целью наладить сотрудничество Сухум посетила группа бизнесменов из Иордании. Наряду с представителями абхазской диаспоры в состав делегации входили владельцы крупных банков, гостиниц, компании в области телерадио и транспортных коммуникации, коммерческих, строительных, фармацевтических предприятий. Члены Иорданской делегации отметили, что у них большие планы для развития сотрудничества с Абхазией в различных областях. После этого последовал еще один визит, в январе 2011 г.»[1].

Здесь мы видим, что небольшая диаспора черкесов и абхазов, будучи единой и влиятельной, пыталась лет десять тому назад помочь становлению и развитию ряда отраслей абхазской республике. Причем, были две попытки наладить отноше-

[1] Эшба Э.Д. «Черкесская» диаспора в Турции и на Ближнем Востоке: о современных проблемах и перспективах. // Абхазоведение. № 8 – 9. АбИГИ АНА. Сухум, 2013. С. 217.

ния и в области экономики, и на человеческом уровне. Это, на наш взгляд, свидетельство того, что у диаспоры есть хороший потенциал в разных отраслях и структурах Иордании, Другое дело, что, видимо, наши власти не сумели определиться с собственными планами и предложениями, и, таким образом инициатива оказалась безрезультатной.

И еще такая деталь, впрочем, скорее, большой прорыв абхазов в международной дипломатии – это, несомненно, официальное признание Республики Абхазия Сирийской Арабской Республикой. Думается, мир мало знает о подоплеке этого поистине благородного, вместе с тем весьма ответственного и волевого решения Сирийского правительства, по достоинству оценившего весомый вклад наших соотечественников – абхазов и черкесов – в укрепление обороноспособности, развитие экономики, культуры, образования, медицины государства. Оба Сирийских президента – Хафез Асад и Башар Асад прекрасно были осведомлены о роли офицерского состава из числа абхазов и черкесов в становлении Сирийской армии, особенно ее элиты – военной авиации. Многие из них своей доблестью в военных действиях были отмечены высшими наградами страны. Их лично знали отец и сын Асады, некоторые, как, скажем, Мамдух Абаза, были вхожи в семью главы государства. И это, нет сомнения, было принято во внимание и способствовало принятию решения о признании независимости Абхазии.

И, тем не менее, несмотря на преимущества, как нам видится, проверенного веками единства братских горских народов, по воле судьбы оказавшихся вне своей Отчизны, все же не должно даваться по всему однозначных советов из «далека» по поводу разделения: хорошо это или плохо. Наверное, лидерам диаспоры на месте виднее. Дай-то Бог, что бы эти процессы сдвинули, можно сказать, с мертвой точки застывшую проблему возвращения потомков изгнанников на родину. Понятно, что идея о возвращении в массовом порядке давно канула в лету. Этого смог добиться разве лишь Израиль, с высокоорганизованной системой репатриации и солидной финансовой

помощью мировых еврейских сообществ. Относительно многочисленные и состоятельные в материальном смысле армяне, тоже разделенный народ, и вовсе потеряли надежду на воссоединение в родной отчизне. Нам абхазам, и не состоятельным, и не многочисленным – хотя бы толику репатриантов (до 200 – 300 человек в год) от зарубежного абхазского сообщества, мера вполне достаточная, полагаем, на первых порах, чтобы подправить нашу демографию, которая является особо значимой в современных условиях для поддержания страны и народа.

В современном мире, в котором сильны тенденции к стиранию и деформации самобытности и этнической идентичности, и, наоборот, явно прослеживаются процессы ассимиляции малочисленных этносов, усугубляющиеся проживанием последних в среде крупных национальных групп, зарубежные абхазы и черкесы, пока еще сохраняют, в большей или меньшей степени, национальное самосознание. Помнят о своих корнях наши соотечественники, безусловно, не только потому, как склонны утверждать некоторые наблюдатели, что, мол, подобная «сознательность» якобы является изначальным врожденным качеством, привнесенным предками с древней отчизны. Такое на генетическом уровне, наверное, в определенной мере свойственно многим народам, по тем или иным причинам утерявшим родину. Однако современная наука свидетельствует, что на гены приходится не более 25 процентов, остальное – это влияние внешних и внутренних условий жизни, в которые попадает личность или народ. Так что на нашем абхазском опыте можно смело утверждать: львиная доля заслуги за живучесть памяти об исторической родине, существовавшей на протяжении десятков лет и сохранившей традиций, обычаи, язык – все это должно быть отнесено в счет подвижников из числа элиты соотечественников. Не будь подобных энтузиастов и патриотов изначальной отчизны в среде потомков горцев, вряд ли можно было бы выдержать соотечественникам мощные ассимиляционные механизмы коренной нации, запущенные в

период Кемалистской Турции. Нам представляется, что в том, в сохранении родных корней, иной раз сказывалась зачастую неуловимая простым глазом особая логика природы. Так, в период турецкого национального подъема, в первой трети 20 века, прибавила качественно и количественно элита соотечественников. К тому же и на отчей земле предков, в самой Абхазии, возникла советская государственность в форме Советской Социалистической Республики.

Именно в тот период сложившаяся обстановка, как в Абхазии, так и в Турции, впервые поставила вопрос о массовом возвращении наших соотечественников, имевших сильное желание вернуться на родину предков (20 – 30 гг.). Начало этому процессу могла положить реализация проекта абхазских властей Советской республики по частичному возвращению зарубежных абхазов (из Греции), также из других регионов, всего от 3 до 5 тысяч человек.

Как уже отмечалось нами в общих чертах, в первой трети 20 столетия абхазские политические элиты, как в родной Отчизне, так и в Турции, являлись весьма влиятельными. Так, например, в начале 20-х годов выдающийся политик, военный, дипломат Рауф-паша (Ашхаруа) и другие видные деятели горской общины Турции фактически способствовали приходу к власти Кемаль-паши, будущего национального лидера, основателя светского государства, известного ныне под именем Ататюрка (отца турок). В те же, примерно, годы к власти в Абхазии пришли влиятельные на Кавказе большевики Ефрем Эшба и Нестор Лакоба, также известные в Российских партийных кругах. В то же время, в связи со сложной политической ситуацией в Турции в период греческой оккупации и революционных событий, и исходом оттуда нескольких тысяч абхазов в Грецию, возник вопрос о возможной репатриации соотечественников на родину предков – в Абхазию.

Получалось, что, если смотреть внешне, вроде препятствий возвращению соотечественников, особенно из Греции, не должно было возникнуть. Однако первым негативным

сигналом стала отставка премьер-министра Турции в связи с разногласиями с президентом Кемаль-пашой. Такова официальная формулировка, причем, разногласия эти приписываются премьеру Рауфу и министру иностранных дел Исмету Иненью. Хотя до сего дня неизвестно, по крайней мере, абхазским исследователям, при этом и о роли президента, и о содержании этих разногласий. Затем, как сообщили источники, последовала конфронтация, завершившаяся высылкой из страны Рауф-паши под надуманной формулировкой о покушении на главу страны. Правдоподобной информации о тех событиях немного, нам же остается только выстраивать те или иные предположения. Мы склоняемся к тому, что Рауф-бей, будучи премьером страны, не мог равнодушно принимать то обстоятельство, что Турция выстраивает и проводит в жизнь политическую и идеологическую модель национального государства, при которой горские общины подневольным образом лишались родных корней: возможности говорить на родных языках, жить в соответствии со своими традициями и обычаями. Им оставалось безропотно согласиться с ассимиляцией в турецкой среде, что соответствовало Кемалистской программе обустройства светского государства. И вот, как нам представляется, выказав бывшему союзнику и товарищу Кемалю-паше свой протест против подобных преобразований, Рауф-бей оставляет свой пост. Таким образом, руководство Абхазской республики, которой для сдерживания демографической экспансии соседней Грузии необходима была позарез подпитка людским ресурсом из числа соотечественников, остается без своего главного союзника в этом вопросе Рауфа Ашхаруа.

Тем не менее, несколько позже, с середины 20-х годов, Нестор Лакоба, руководитель Абхазской республики, принимает ряд попыток по репатриации нескольких тысяч абхазов, в том числе из Греции. Как отмечалось выше, во время пребывания в Турции Ефрема Эшбы и Нестора Лакобы со специальным заданием Российского руководства, у них состоялись встречи с влиятельными абхазами диаспоры, в первую очередь, с Ра-

уф-беем. Обсуждались, естественно, возможности репатриации на родину соотечественников, в том надеялись, наверняка, на поддержку российских и будущих турецких властей. Для этого были веские основания: Кемаль-паша на пути к власти, как известно, твердо опирался на горскую элиту. Сказывалось также и влияние горского окружения на воинские формирования из соотечественников, поддержавших Кемаля в самый критический период борьбы за власть. Как видим, будущие турецкие власти могли бы оказать содействие. Но… все случилось так, как уже сказано.

Однако Н. Лакоба не оставлял надежды на то, что его былые заслуги и близость к «хозяину» советской страны – Иосифу Сталину сыграют свою роль, и несколько сот соотечественников, а, может, и больше того, вернутся на родину. И потому, полагаем, Нестор Аполлонович, вопреки воле партийных и советских руководителей Грузии, ставил и пробивал проблему возвращения зарубежных абхазов перед союзными властями: наркоматами внутренних и внешних дел, подключал к решению этого вопроса влиятельных советских и партийных руководителей страны, Закавказской Федерации. Полагаем, что им был поставлен в известность о том и Сталин, который, наверное, ничего конкретного не обещал, но и не выразил своего негативного отношения к инициативе «друга и тов. Лакоба». Такой стиль поведения был в характере коварного «отца народов»: копил он «улики» и «прегрешения» абхазского лидера, выжидая того момента, когда они переполнят чашу его терпения. Однако когда Народный Комиссариат Иностранных дел СССР спустил на тормозах «дело о переселении македонских (греческих) абхазов» Нестор по всему понял, что играет с огнем, настаивая на репатриации абхазов. Это уже была середина 30-х годов, и у вождя Советов окончательно созрел план полной интеграции «отсталых» абхазов в лоне «продвинутых» грузин. Так закончилась попытка репатриации небольшой части потомков махаджиров, оказавшихся в Греции, на родину.

Итак, на отдельных примерах, которых, разумеется, много

больше, нежели приведены в данном исследовании, подвижнической деятельности представителей абхазской зарубежной диаспоры на протяжении многих десятилетий, можно отметить, что борьба за живучесть национального самосознания абхазов была пронесена сквозь века. И, если, сегодня, в среде современного поколения не утеряна тяга к исторической родине, если и поныне соотечественники не утеряли смысл и идею единства абхазов на земле предков, значит, историческая миссия и подвижническая деятельность передовых личностей, как зарубежья, так и на родине, не пропали даром. Получается, что на разных этапах истории они выполнили судьбоносную задачу, которая вполне способна в перспективе привести к единению абхазов на исторической родине – Абхазии. Наверное, это и есть та заветная цель, которая только и способна сохранить наш древний этнос на протяжении многих будущих столетий. И эта перспектива, безусловно, будет столь же не простой, как минувшее время, а, скорее всего, намного сложней и ответственнее в решении задач самосохранения и выживания этноса в конкурентной борьбе народов и государств за право иметь свое место «под солнцем». А для того нам следует твердо усвоить, что наша сила – в единстве. Именно в таком аспекте нам видится дальнейшее развитие и становление абхазского этноса, при опоре на собственные силы, о чем не раз предупреждал абхазов великий национальный лидер Владислав Ардзинба. Другого пути, как, скажем, поддержка международных организаций, различных мировых институтов, у абхазов нет, есть лишь союзники – братские народы Северного Кавказа, наш союзник Российская Федерация. И, как свидетельство того, в следующей главе рассмотрим на некоторых примерах отношение к абхазам, к их животрепещущим проблемам, мировой общественности и международных организаций, также отдельных ведущих государств мира.

Глава III

Роль международных организаций (ООН, ОБСЕ), Российской Федерации, Турецкой Республики в решении проблемы воссоединения разделенного народа (абхазов) на исторической родине – Абхазии.

Сразу отметим, что в решении проблемы воссоединения абхазов на исторической родине до сего времени названные выше международные организации и страны реального участия не принимают. Это, однако, всего лишь констатация фактического положения дел. У нас, думается, было бы больше оснований обвинять международные организаций в бездействии в отношении абхазов, если бы они содействовали или же принимали участие в решении этой проблемы другими разделенными народами. Таких фактов, за исключением, наверное, единственного случая, о чем скажем ниже, в активе этих организаций не наблюдается.

Война против Абхазии и международные организации

Сразу отметим, что когда на землю разделенного абхазского народа пришли грузинские агрессоры, международные организаций заняли, в основном, сторону вдохновителя похода на небольшую республику и малочисленный народ – «всемирно известного демократа» Эдуарда Шеварднадзе. И вот в течение всей войны абхазский лидер Владислав Ардзинба направил ряд обращений в адрес руководства ООН (шестнадцать писем), в которых обстоятельно разъяснял суть агрессивной националистической политики грузинских верхов на протяжении десятилетий советской власти, начиная со зловещего Сталинского периода репрессий. При этом он нередко предварял свои послания историческим экскурсом о том, каким образом абхазы оказались разделенным народом, понесшим до сего времени невосполнимые потери из-за соперничества крупных держав в 19 столетии за земли, населенные горскими народа

Кавказа, и Абхазии в том числе.

К примеру, в Обращении, направленному Генсеку ООН Б. Б. Гали (06.09.1992), в частности, отмечалось: «С окончанием Кавказской войны (1864 г.) резко усилился массовый исход горцев с родных земель в Турцию. Переселение провоцировали и поощряли как турецкие, так и русские власти. Этот период своей истории абхазы называют «амхаджирра» (махаджирство – буквально «изгнание»), и до сих пор это одна из трагически переживаемых вех в исторической памяти народа. Наиболее крупные выселения абхазов происходили в 1877 – 1878 гг., когда поголовно выселялись жители Северо-Западной, Срединной и Горной Абхазии. Потомки махаджиров сейчас проживают в Турции, Сирии, Иордании и других странах Ближнего Востока, образуя многочисленную абхазскую диаспору».

Все это глава небольшого народа, борющегося против соседнего многочисленного агрессора, пояснял для того, чтобы убедить высокую международную организацию в том, что, если бы не было трагедии махаджирства, то абхазы, составляя крупную национальную общность, вряд ли подверглись грузинскому нашествию. Как лидер и крупный ученый, Владислав Григорьевич пытался довести до Генсека ООН, к тому же и ученого – профессора, каким образом захватывали и осваивали Абхазию, после того как насильственно изгнали большую часть народа с родной земли. В этой связи он приводил следующие факты: «После обезлюдения почти половины края сюда устремился поток переселенцев, вследствие чего Абхазия превратилась в весьма пестрый в этническом отношении регион. Сюда переселялись и основывали свои села русские, армяне, греки, эстонцы и др., но более всего грузины. Тем не менее, еще в 1886 г. абхазы составляли 85,7% от всего населения Абхазии, грузины – 6%».

На момент войны картина уже была совершенно иной: за семьдесят лет Советской власти абхазов довели до 18%, сами же грузины составляли около 45%. И тогда Грузия, ощутив свое подавляющее превосходство, как сообщал В. Ардзинба, вторг-

лась на территорию Абхазии и «развязала беспредельный террор и физическое уничтожение абхазского народа»[1].

В начальный критический период войны, несмотря на многочисленные обращения и письма Главы Абхазии, Парламента и Правительства, общественных организаций ни ООН, ни СБСЕ, как и другие международные сообщества, не реагировали на призывы абхазов.

Абхазы с самого начала трагедии войны 1992 – 1993 гг., будучи разделенным народом, значит, и предельно малочисленным, вполне оправданно ждали заступничества высоких международных организации, также и ведущих стран мира, похвалявшихся своим демократизмом и человеколюбием. На поверку же, в лихие для абхазов и трагические времена, международные сообщества и т.н. ведущие цивилизованные государства в лице своих политических элит встали на сторону агрессора – грузинской «малой империи», руководимой Э. Шеварднадзе. Но простые люди, многие народы различных стран, постепенно проникались сочувствием к абхазам, попавшим в трагическую ситуацию по воле более могущественного соседа. В этом плане, обращаясь к участникам Первого Всемирного конгресса абхазо-абазинского (абаза) народа, проходившего в с. Лыхны 7 октября 1992 г., В. Г. Ардзинба заявлял: «В опасный момент мы не оказались одиноки: плечом к плечу, как один, встали рядом с нами народы – участники КНК. Их верные сыновья не испугались врага. Многие погибли и навечно преданы земле Абхазии! Мы склоняем головы перед их памятью. Абхазы (абаза) за океаном поддержали нас в деле защиты Абхазии. Нас поддержали мировые прогрессивные силы – от Америки до Казахстана. Они осудили нападение вооруженных сил Грузии на Абхазию. Сегодня мы получаем гуманитарную помощь, в основном из России и Турции».

И затем глава борющейся насмерть с врагом Абхазии, учитывая присутствие на Конгрессе делегатов от зарубежных об-

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии. !992 – 1993 в документах. Сухум –2004. С. 132 – 134.

щин абхазов и абазин, поделился с аудиторией планами, которые способствовали бы ускорению процессов репатриации потомков изгнанников на родную землю. Этим процессам, по мысли Владислава Григорьевича, придал бы дополнительный импульс такой немаловажный вопрос, как всемерное укрепление связей с зарубежными братьями. И перечислил по пунктам те проблемы, которые следовало решать в следующей последовательности, отметив, что первым делом надо было решить вопрос восстановления на Родине правового статуса абхазов (абаза), представителей диаспоры других горских народов, изгнанных во время русско-кавказской войны в XIX веке. К тому он добавил следующее: «Они должны иметь права незаконно изгнанных с Родины. Этот вопрос надо поставить перед компетентными органами соответствующих государств и ООН».

Заметим, что в такой плоскости еще никем и нигде не ставился судьбоносный вопрос репатриации со времени изгнания горских народов с родных земель. Далее В. Ардзинба намечал решение и таких проблем, как принятие Парламентом Закона о двойном гражданстве, создание государственной организации по вопросам репатриации, открытие консульств, сначала в Турции и России, а затем и в других государствах. При этом подчеркнул, что в регионы Северного Кавказа нужно послать наших государственных представителей».

И, завершая свое выступление перед участниками Конгресса, В. Г. Ардзинба уверенно и твердо заключил: «Безусловно, есть многое, что нам нужно обсудить. Но главное – мы сегодня взялись за решение вопроса, имеющего большое значение для Абхазии и живущего за ее пределами абхазо-абазинского (абаза) народа»[1].

Первый Всемирный Конгресс абхазо-абазинского (абаза) народа также принял Обращение в адрес Организации Объединенных Наций, в котором потомки горских изгнанников призвали ООН «защитить абхазский народ, не допустить его

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии. !992 – 1993 в документах. Сухум –2004. С. 210.

геноцида и в соответствии с международными законами обеспечить осуществление им на деле его права на самоопределение». Участники Конгресса выразили надежду, что «ООН примет соответствующие санкции против Республики Грузия и поставит вопрос о дальнейшем пребывании агрессора в составе этой международной организации». Они также выразили надежду, что «защита малочисленного абхазского народа от грозящего ему геноцида, представление ему права самостоятельно решать свою судьбу являются священной обязанностью международного сообщества государств»[1].

К сожалению, эта высокая международная организация, как и другие, на все обращения абхазской стороны относилась не только с прохладцей, но попросту не удосуживалась даже вникнуть в те или иные проблемы по разрешению войны, предлагаемые руководством Абхазии. Об этих фактах, говоря о роли ООН в грузино-абхазской войне, сообщал в свое время в газете «Известия» Владислав Ардзинба: «У нас дважды, по представлению Грузии, побывали делегаций ООН. Последний визит оставил удручающее впечатление. Побывали у нас после поездки в Тбилиси, а к нам заглянули, будто для галочки. Говорим им: поедем в места, где прошла и идет война, познакомьтесь с материалами, из которых вы узнаете, что за страна и государство – Абхазия, представим вам все, что необходимо. Реакции почти никакой…»[2]

Безусловно, подобное отношение – результат влияния имиджа главы Грузии Э. Шеварднадзе, которого лидеры стран Запада ценили за его вклад в развал великой страны – Советского Союза. Все они считали, что развязанная Шеварднадзе война против маленькой страны должна придти к своему естественному завершению – победе грузин, ведомых образцовым «демократом» на постсоветском пространстве. Другого исхода, с учетом малочисленности абхазского народа, никто из де-

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии. !992 – 1993 в документах. Сухум –2004. С. 213.

[2] Там же. С. 229.

ятелей продвинутого Запада и не ожидал. Более того, все решения и действия Международных организаций, та же ООН, послушные воле мировых центров силы, направлены были на поддержку агрессии Грузии против Абхазии.

В то же время обращения и письма В. Ардзинба, глубоко и подробно разъяснявшие суть исторических и современных процессов, связанных с грузино-абхазским конфликтом, как и сведения о государственно-правовых взаимоотношениях Грузии и Абхазии, высокими международными инстанциями, как правило, в расчет не брались. Тем не менее, Владислав Григорьевич, пытаясь достучаться, к примеру, до ООН и убедить руководство этой организации в трагичности положения малочисленных абхазов, нередко в своих обращениях вскрывал истоки такого состояния, делая, как отмечалось выше, исторические экскурсы в прошлое.

Однако же убедить руководство ООН, СБСЕ (ОБСЕ), ЮНЕСКО и прочие организаций было делом нелегким в ту пору. К примеру, несмотря на справедливое дело абхазов по защите своей родины, руководство ООН покрывало тайные планы грузинских властей по разделу Абхазской страны. О том Генсеку ООН писал абхазский лидер в своем последнем обращении в рамках военного времени (16 сентября 1993 г.), отмечая следующие обстоятельства: «Особо, на наш взгляд, следует сказать и о карте, прилагаемой к докладу Генерального секретаря ООН, на которой Республика Абхазия изображена подчеркнуто разделенной по реке Гумиста и с грузинским названием «Абхазети». Эта карта подтверждает не скрываемое намерение руководства Грузии в отношении территории Абхазии – разделение ее на две части с осуществлением этнической чистки. Остается только сожалеть, что такая карта тиражируется в официальных документах ООН»[1].

Заметим все же, что был небольшой послевоенный промежуток времени, когда международные организации, видимо,

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии. !992 – 1993 в документах. Сухум –2004. С. 262.

потрясенные неожиданной победой немногочисленных абхазов над превосходящими силами грузин под водительством кумира Запада Шеварднадзе, почти вплотную подошли в принятых документах к признанию Абхазии в качестве независимого от Грузии государственного образования. Случилось это в 1994 году, по результатам переговорного процесса, начавшегося сразу же после изгнания грузинских войск за пределы Абхазской республики.

Сам переговорный процесс между Абхазией и Грузией начался осенью 1993 года по инициативе ООН, ведущих западных стран и России. Абхазская сторона предложила сразу же определиться с политическим статусом путем референдума, грузинское руководство ответило отказом. При этом, разумеется, у каждой из сторон были свои соображения. В. Ардзинба полагал, что население, проголосовав за независимость страны, предоставит ему возможность сразу же взяться за экономическое и демографическое возрождение, используя также людские и финансово-экономические возможности диаспоры. Грузинская же сторона считала, и не ошибалась в том, что референдум в условиях краха агрессивной политики – это закрепление абхазской независимости де-юре. И потому Тбилиси тогда и позже сосредоточился на проблеме возвращения грузинских беженцев, причем, в массовом порядке. Такая постановка вопроса, заметим, забегая вперед, приводила лишь к переговорному тупику по этому вопросу, что было на руку абхазским переговорщикам, предлагавшим возвращение грузин в индивидуальном порядке.

Мне приходилось уже отмечать, что Владислав Ардзинба положительно оценивал начало грузино-абхазского переговорного процесса с участием представителей ООН и ведущих стран мира. В интервью абхазскому телевидению, отметив определенные сложности и некие «подводные камни» переговоров, он, в частности, подчеркнул: «В то же время я считаю, что уже сам факт того, что в Женеве ведутся переговоры между абхазской и грузинской сторонами при участии России, под

эгидой ООН и ОБСЕ – крупный и важный шаг для Абхазии. Мы решаем наши проблемы не на поле боя, а за столом переговоров. То, что мы всегда предлагали грузинской стороне, но, к сожалению, она к этому не прислушивалась. В Женеве мы имеем возможность широко информировать мировую общественность, что такое Абхазия, каковы ее требования, какие вопросы она выдвигает. Кроме того, создается определенное впечатление о наших представителях. А через них – впечатление о руководстве Абхазии, о ее народе. Тем самым Абхазия, участвуя в этом процессе, так или иначе, уже представляется пусть еще пока как непризнанная республика, но ведущая переговорный процесс. Я уверен, что республика добьется успеха в интересах народа Абхазии», – уверенно утверждал еще в далекое и смутное время Владислав Григорьевич.[1]

Надо отметить и то, что успешный импульс активному участию в международном переговорном процессе придало участие в нем главы делегации Абхазии Владислава Ардзинба. Там же, в Нью-Йорке тогда (декабрь 1993 г.) находилась и делегация Грузии, возглавляемая Э. Шеварднадзе, добивавшаяся проведения миротворческой операции в Абхазии с помощью полицейских сил ООН в формате принуждения к миру. Судя по всему, именно эта проблема была предметом обсуждения главы Абхазии и председателя Совета Безопасности ООН Мериме. Как уже мной отмечалось в газете «РА» в ту пору, Э. Шеварднадзе пытался, используя свои старые связи в среде политических лидеров Запада, и в частности, США, добиться с их помощью возвращения Абхазии в лоно метрополии. И, думается, не без советов этих приятелей, именуемых в совокупности «клубом друзей Грузии», он одно за другим выдвинул, мягко говоря, нелепые предложения. Это и т.н. директорат вместо законных органов власти Абхазии и введение на территорию республики миротворческих сил ООН с приданием им полицейских функций, что, по словам наблюдателей, оставляло все

[1] Газета «Республика Абхазия», 26 января 1994 года.

меньше пространства для переговоров[1].

Следует отметить, что указанные подходы грузинского лидера, к тому времени проигравшего развязанную им же агрессивную войну в Абхазии, не вызвали восторга даже у его политических подельников. Более реальной и плодотворной воспринималась тогда позиция главы Абхазии В. Ардзинба. Подтверждением тому комментарий радио «Свобода», отмечавшего: «Визит абхазского лидера господина Владислава Ардзинба и его встреча с личным представителем Генерального секретаря ООН Эдуардом Бруннером, очевидно, привнесли определенные изменения в позицию ООН, которая раннее неукоснительно придерживалась принципа территориальной целостности Грузии… Среди членов грузинской делегации царили растерянность и подавленность», – свидетельствовал корр. «Свободы»[2].

Словом, стоило только раз появиться на подмостках ООН выдающемуся абхазскому лидеру В. Ардзинба, как планы Э. Шеварднадзе по «завоеванию» Абхазии путем развертывания в бывшей автономии сети международных сил принуждения к миру, потерпели полный крах.

Свидетельством тому – заявление Генерального секретаря ООН Бутроса Гали, в котором отмечалось, что ввод миротворческих сил ООН в зону противостояния между Грузией и Абхазией возможен только лишь после достижения политических договоренностей между грузинской и абхазской сторонами.

Против ввода полицейских сил в Абхазию по существу выступил и госсекретарь США У.Кристофер, отметивший, что основной целью миротворческой операции является разделение противоборствующих сторон[3].

Параллельно с переговорным процессом, который по Вла-

---

[1] Чамагуа В.З. Информационная политика В.Г.Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум, 2017. С. 283

[2] Там же. С. 283.

[3] Там же. С. 284.

дославу должен был завершиться созданием и признанием абхазской государственности, он также непрестанно размышлял о путях укрепления – экономически и демографически – вышедшей из кровопролитной войны разоренной страны. Владислав помнил о своей предвоенной поездке в Турцию, о встречах и беседах с тамошними соплеменниками. И он приходил к мысли, что многие трудности и проблемы можно решить с помощью диаспоры, и что затягивать с этим нельзя. Едва прошел месяц после военного лихолетья, как Владислав Григорьевич приступает к исполнению своих замыслов по диаспоре.

По этому поводу будет уместным привести свидетельства непосредственного участника и проводника политики В. Ардзинба в абхазской общине Турции, первого Полномочного представителя Республики Абхазия Владимира Авидзба. В книге воспоминаний он, в частности, вспоминая, как глава Абхазии начинал эту миссию воплощать в жизнь, отмечал следующее: «Был конец декабря 1993 года. Владислав Ардзинба позвонил мне: «Вова, приходи, надо обсудить очень важный вопрос». Вопрос, действительно, оказался важным, непростым для реализации и крайне ответственным для очень хрупкой в те дни Абхазии, только что вышедшей из неожиданно навязанной ей тяжелой войны, и пытающейся опираться на собственные силы. Глава Абхазии повел речь о создании при абхазской диаспоре в Турции Полномочного Представительства нашей республики. Говорили мы долго, взвешивали обстоятельства, обсуждали возможности наши и реакцию Турции. Владислав сказал, что Полномочным представителем Абхазии в Турции должен быть человек хорошо образованный, с солидным жизненным опытом, знакомый с турецкими соотечественниками, поддерживающий с ними связь, хорошо владеющий турецким языком, и спросил, кого бы я мог порекомендовать для такой работы. А потом засмеялся и сказал: «Никого тебе искать не нужно, с кандидатурой я определился, это – Владимир Авидзба, если у Авидзба, конечно, нет каких-либо причин для отка-

за». Причин для отказа не было. И вопрос с созданием в Турции Полномочного представительства, и с самим Полпредом был решен»[1].

Что ж, это был достойный кадровый выбор: В. Авидзба с молодых лет, когда это было строго запрещено, тайно поддерживал связи с многими абхазами из диаспоры, был хорошо образован, являлся кандидатом исторических наук, имел опыт государственной работы, знал турецкий язык. И он сразу вписался в ответственную и многотрудную деятельность, где надо было проявлять и осторожность, и инициативу, также находить общий язык с различными слоями и представителями диаспоры, и не только абхазской, но и с весьма разноплеменной общиной потомков горцев Кавказа. И в то же время, на протяжении долгих 20 лет, строить всю свою деятельность вокруг основной задачи, которую изначально имел в виду и ставил перед будущим Полпредом глава Абхазии.

И об этом говорится в книге: «Началась подготовительная работа, – вспоминал не один десяток лет спустя В. Авидзба. – Обговаривалось нами все: что, где, как, когда. Сомнений не возникало – Представительство будет действовать в Стамбуле, при Кавказском комитете солидарности с Абхазией, который был создан 23 августа 1992-го, на 10-й день после начала войны в Абхазии… И, главное, именно в Стамбуле проживает большое число абхазцев – около 100 тысяч, которые и могут стать опорой в работе со всей диаспорой».

И далее о том, что считал Владислав главной целью деятельности Полпредства и актива из числа диаспоры. Такой основной задачей, по словам В. Авидзба, было «помогать соотечественникам в Турции устанавливать родственные, дружеские контакты с исторической Родиной, ориентировать их на возвращение туда, способствовать возрождению абхазской самобытности и культуры, восстановлению национального самосознания и многого другого, что за минувшие столетия по-

[1] Авидзба В.Д. Наблюдения. Размышления. Мнения. Выводы. Москва, 2022. С. 49.

терял изгнанный с родной земли абхазский народ»[1].

Разумеется, глава Абхазии прекрасно сознавал, что без обретения полной (т.е. признания) независимости, начать масштабную кампанию по репатриации потомков махаджиров на родину будет делом не только сложным, но, скорее всего, неисполнимым. И по многим причинам. Основным препятствием окажется сопротивление этим планам бывшей метрополии – Грузии, в союзниках у которой крупнейшие страны мира, Ельцинская Россия, также и поддержка международных организаций. А что взамен у Абхазии? Тоже немалые силы – это поддержка братских республик Северного Кавказа, абхазской диаспоры. Кто и что еще могло бы ускорить процесс возвращения? И все же необходимо больше сил и средств для организации столь серьезной акции, как возвращение тысяч абхазов на родину. И если добиться признания независимости Абхазии – тогда дело пойдет скоро и массово: есть надежда, что подключаться международные организаций, может, и страны некоторые (Россия и Турция, к примеру) окажут помощь и содействие. Как знать…

Но, вопреки надеждам абхазов, ситуация вокруг Абхазии стала постепенно меняться. ООН и ОБСЕ, засвидетельствовавшие после войны отсутствие государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией в ряде документов своими подписями в 1994 году, затем уже по наущению грузинского руководства изменили подходы к базовой формуле урегулирования грузино-абхазского конфликта. Они уже не вели речь о государственном равноправии между двумя конфликтующими государствами, все стало больше походить на умиротворение оскорбленного поражением самолюбия Шеварднадзе, согласного, как выходило, по словам и предложениям стран – посредников в переговорах, лишь на «широкую» автономию для Абхазии.

А ведь еще совсем недавно картина переговоров смотре-

[1] Авидзба В.Д. Наблюдения. Размышления. Мнения. Выводы. Москва, 2022. С. 50.

лась совсем иначе. Так, 1 декабря 1993 года, в ходе переговорного процесса и по его результатам был подписан Меморандум о понимании, которым стороны «обязались не применять силу на время переговоров, создать условия для возвращения беженцев и произвести обмен военнопленными. Одновременно Москва частично сняла экономические санкций, введенные против Абхазии 20 сентября 1993 года»[1].

Свидетельством того, что Республика Абхазия принимала в ту пору полноправное участие в переговорном процессе, причем, добиваясь при этом серьезных политико-дипломатических успехов, является принятие двух важнейших международных документов в присутствии представителей ООН, ОБСЕ и России. В процессе долгих и трудных переговоров грузинской и абхазской сторон были приняты «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта и Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц (4 апреля 1994 года). Вскоре, 14 мая того же года, представители Абхазии и Грузии реализовали январскую договоренность и подписали «Соглашение о прекращении огня и разъединении сил». Это позволило ввести миротворческие силы в зону конфликта.

В плане значимости этих принятых документов, определяющей, вне всякого сомнения, является оценка главой Абхазии Заявления о политическом урегулировании, и отмеченные им следующие основополагающие обстоятельства, доказывающие де-факто независимость Абхазии от Грузии: «На сегодняшний день нет государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией, – утверждал тогда Владислав Григорьевич. – Разрушение этих государственно-правовых отношений предпринято не Абхазией, а Грузией, которая упразднила Конституцию бывшей Грузинской ССР… Поэтому на переговорах ставился вопрос о возможном воссоздании государственно-правовых отношений… В документе речь идет о том, что Абхазия и Гру-

[1] Лакоба С.З. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 86.

зия могут иметь совместные полномочия в определенных сферах деятельности, то есть создать союзное государство. Причем, если рассматривать те полномочия, которые Абхазия намерена передать в совместное ведение, то, по существу, судя по этим полномочиям, признается, что Абхазия является суверенным государством. То есть – все участники переговоров, которые подписали этот документ (Абхазия, Грузия, Россия, ООН, ОБСЕ – В. Ч.), фактически признали, что Абхазия является субъектом международного права. Это вытекает из смысла политического Заявления»[1].

Таким образом, Республика Абхазия, как полноправный участник переговорного процесса под эгидой международной организации (ООН, ОБСЕ) становится субъектом международного права[2].

Это был большой политический успех Абхазии, который в дальнейшем, по расчетам Владислава, облегчил бы достижение главной цели – обретение свободы бывшей автономии от грузинской метрополии не только де-факто, но также и де-юре. А там до признания независимости абхазского государства – ясное дело, дистанция небольшая. При таком удачном раскладе, полагал абхазский лидер, недолго ждать поддержки соотечественников, сотни и тысячи которых могли бы принять живое участие в созидательной деятельности на благо родного и свободного Отечества.

К тому же глава Абхазии торопился с отрывом от Грузии еще и потому, что хорошо представлял исторические коллизии периода Н. Лакоба. Тогда, в 20-х годах прошлого столетия, когда Нестор Аполлонович попытался сдвинуть с места махаджирский вопрос, то сразу уперся в непроходимую стену, воздвигнутую грузинскими властями, еще к тому же имеющими основательную поддержку Кремлевского властителя Сталина.

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В.Г. Ардзинба 1992 – 2005 гг. Сухум, 2011. С. 176.

[2] Чамагуа В.З. Информационная политика В.Г.Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум, 2017. С. 280 – 281.

Тот печальный опыт доказывал, что надо решительно вести дело к независимости от грузинской метрополии, чтобы заполучить карт-бланш для реализации замыслов по возрождению новой абхазской государственности, чему бы здорово помогла демографическая подпитка из числа зарубежных соотечественников. Примерно, таковыми были намерения национального лидера, и, наверное, изощренные грузинские политики догадывались, чем может обернуться для них свобода абхазов от «извечной» грузинской колонии. И они вновь ринулись в наступление, политико-дипломатическое, разумеется, подняв против абхазов почти всю мировую политическую элиту.

Владислав – глава небольшой страны, и, к счастью, с выдающимися способностями, мог только полагать и предвидеть козни недругов, и своевременно отвести народ от беды. Располагали же запретительными, а в некоторых случаях и разрушительными возможностями заправилы мировых центров силы, которым безоговорочно подчинялись все международные сообщества и сколь-нибудь значимые страны. Они-то, лидеры ведущих стран и международных организаций, с подачи главы Грузии Шеварднадзе, немало усилий вложившего в разрушение великой страны – СССР, изменили тактику и стратегию в отношении абхазской страны, не только победившей грузинских агрессоров в оборонительной войне, но и уверенно прокладывавшей путь к окончательной независимости от бывшей метрополии.

Так, где-то со второй половины 90-х годов прошлого столетия политическое давление и просьбы Грузии коренным образом изменили отношение международных организаций и, соответственно, ведущих стран мира в подходах к решению грузино-абхазской проблематики. Становилось очевидным, что Тбилиси и союзники практически отказались от реализации уже выработанных документов в процессе грузино-абхазских переговоров с участием и под эгидой ООН, ОБСЕ, Российской Федерации, дававших возможность восстановления государственно-правовых отношений и создания союзного

государства из двух суверенных по существу стран – Абхазии и Грузии. Вместо того, Абхазию стали вынуждать к согласию на вхождение в состав Грузии на основе давно отжившей формулы «широкой автономии», которая, кстати, явилась причинно-следственным условием недавно завершившейся к тому времени грузино-абхазской войны.

Такая нелепая, а по существу, «мало имперская», постановка вопроса грузино-абхазского урегулирования, отодвигала решение жизненно-важных государственных, экономических и социальных проблем, в том числе и демографических. Таким образом, судьбоносный вопрос, связанный с репатриацией соотечественников, в очередной раз повис в воздухе.

В этой связи глава Абхазии В.Г. Ардзинба в течение короткого времени (23 февраля и 8 апреля 2000 г.) направляет два обращения Генеральному секретарю ООН К. Аннану, в которых заостряет внимание на отходе высокой организации и ее руководства от раннее принятых решений по грузино-абхазскому урегулированию. Например, напоминает, что в Докладе Генерального секретаря ООН от 3 мая 1994 г. (s/ 1994/529) и в «Предложениях относительно политических и правовых элементов всеобъемлющего урегулирования грузино-абхазского конфликта» (приложение II к Докладу от 3.05. 94.) о возможных взаимоотношениях Абхазии и Грузии в этих документах сказано: «Абхазия будет являться субъектом с суверенными правами в составе союзного государства, которое будет создано в результате переговоров после урегулирования спорных вопросов. Название союзного государства будет определено сторонами в ходе дальнейших переговоров».

Далее В. Ардзинба отмечает и такое следующее важное обстоятельство, вытекающее из принятых тогда решений: «Упомянутые документы, – напоминает он Генсеку ООН,– свидетельствуют о том, что два суверенных государства – Абхазия и Грузия, вели с участием ООН, ОБСЕ и Российской Федерации, переговоры о возможности создания Союзного государства».

Подчеркивает глава Абхазии и то, что подписание подго-

товленного в 1997 году и согласованного сторонами «Протокола о грузино-абхазском урегулировании» было сорвано по вине Грузии. На этом переговоры о возможных государственно-правовых отношениях между Грузией и Абхазией были прекращены.

В связи с этими обстоятельствами, то есть отходом грузинского руководства от прежних соглашений, Владислав Григорьевич весьма убедительно и аргументировано отмечает следующее: «На наш взгляд, это обусловлено тем, что грузинская сторона не потеряла еще надежды на включение Абхазии в состав Грузии в качестве автономии. Как показали последующие события, отход Грузии от принципов урегулирования конфликта, содержащихся в приведенных выше документах, нашел поддержку и со стороны ООН».

В доказательство сказанного приводятся конкретные примеры из самих документов ООН, отражавших изменение в оценках и суждениях, касающихся грузино-абхазского урегулирования. В. Ардзинба подчеркивает, что «В документах ООН стали меняться терминология и оценки грузино-абхазских взаимоотношений. Так в частности, ООН в своей документации уходит от термина «грузино-абхазский конфликт», содержащегося в документах, подписанных сторонами, и использует термин «конфликт в Абхазии, Грузия». Приводит он и такой факт: «В первых Докладах Генерального секретаря ООН и Резолюциях Совета Безопасности речь шла об уважении территориальной целостности Грузии. В последних же документах ООН, и, в частности, в Докладе Генерального секретаря ООН от 19 января 2000 г. и Резолюции Совета Безопасности от 31 января 2000 г., уже говорится о политическом статусе Абхазии в составе государства Грузия»[1].

В обращении также содержалась резкая, но совершенно обоснованная отповедь негативной реакций ООН на прошедшие в Абхазии выборы Президента и Референдум (1999

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В.Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 463 – 464.

г.). Убедительно пояснив на конкретных примерах наличие в стране ко времени выборов и проведения Референдума, по словам В. Ардзинба, «2/3 от довоенной численности граждан», он пояснял высокой организации, что «при таких обстоятельствах власти Абхазии были вправе проводить эти политические мероприятия». Далее он, отметив, что подавляющее большинство населения Абхазии приняло участие в выборах Президента и Референдуме в Абхазии, прямо, без обиняков, сообщает Генсеку ООН свое мнение: «Выборы были проведены в соответствии с общепризнанными нормами современного мирового сообщества, а утверждение Вашего Доклада от 19 января 2000 г. и Резолюция Совета Безопасности от 31 января 2000 г., об их неприемлемости и незаконности могут вызвать только недоумение».

Как видим, та ситуация, когда Международные организации в первое время после войны занимали более или менее реалистичные позиции по отношению к Абхазии, теперь уже, день ото дня, стали меняться в пользу бывшей метрополии. Это означало, что планы и проекты по восстановлению разрушенной войной страны, могут отодвинуться во времени. К тому же позиция ООН, ОБСЕ и стран – друзей Грузии (США, Германии, Франции, Англии), туда же смело можно причислить и Ельцинскую Россию. К тому же, эти страны и организаций не ограничивались только лишь обсуждением грузино-абхазской проблематики: они ужесточали блокадные санкции, запрещая, тем самым, экономические и политические связи, препятствовали свободному перемещению граждан Абхазии, в том числе, зарубежным контактам, тем самым нанося самый чувствительный ущерб воссоединению абхазов на родной земле.

Президенту Абхазии ничего не оставалось, кроме попыток продолжать убеждать мировое сообщество, также и действующее от имени народов мира высокие международные организации, в том числе руководство ООН, ее Генсека К. Аннана. Ему и писал он о неправомерности политики двух стандар-

тов в переговорном процессе, обращая внимание на изменении в угоду Грузии обсуждаемого государственно-правового формата для Абхазии. В этой связи абхазский лидер отмечал, что, «основываясь на результатах Референдума, Парламент Абхазии принял Акт «О Государственной Независимости Республики Абхазия». Поэтому абсолютно непонятной для нас, – подчеркивал он, – является доходящая окольными путями информация о необходимости обсуждения кого-то проекта о политическом статусе Абхазии в составе Грузии и разграничении конституционных полномочий между Тбилиси и Сухуми».

И затем В. Ардзинба, дабы в очередной раз проинформировать главу ООН в непреклонности абхазской позиции, однозначно и твердо заявил о своем видении формата и цели переговорного процесса: «Я вынужден еще раз напомнить, – обращался он к Генсеку, – вопрос о статусе Абхазии вправе решать только ее народ, и он воспользовался своим правом и заявил о независимости Абхазии. Никто не вправе лишать наш народ этого права. Поэтому любая попытка навязать обсуждение вопроса о возможности вхождения Абхазии в состав Грузии будет расцениваться нами как вмешательство во внутренние дела. Мы готовы обсуждать только один вопрос – вопрос о возможных взаимоотношениях двух равноправных суверенных государств – Абхазии и Грузии. Это обсуждение должно происходить не с позиции диктата, а в правовом русле, в соответствии с положениями Заявления от 4 апреля 1994 г. и Доклада Генерального секретаря ООН от 3 мая 1994 г., к чему мы неоднократно призывали грузинскую сторону, ООН, ОБСЕ и Российскую Федерацию»[1].

Здесь мы полагаем, что нам следует объяснить столь обстоятельные ссылки и подробные комментарий по поводу полемики Владислава Григорьевича с мировыми «центрами силы», с руководством ООН в том числе. А как иначе, если они предложили к обсуждению, в соответствии с пожелани-

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В.Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 464 – 465.

ями грузинского руководства, разумеется, проект «широкой автономии» для Абхазии в составе Грузии. Это был тот самый формат сожительства Грузии и Абхазии в рамках почти всего периода советской власти, завершившийся после развала СССР грузинской агрессией. В ту советскую пору жизнедеятельность автономии осуществлялась по остаточному принципу: вначале все для метрополии, а оставшиеся крохи – для колонии. Коренной народ автономии был в загоне: в политике, экономике, социальной сфере. Особенно ощутимо сказывалась малочисленность абхазов в родной стране – результат демографической экспансии Грузии на протяжении десятилетий советской власти, особенно в период Кремлевского властителя Джугашвили – Сталина, когда с особым рвением и с помощью колоссальных возможностей СССР наполняли многострадальную Абхазию грузинским элементом. И в тот же период был поставлен непреодолимый заслон на пути абхазских махаджиров, которых пытался, рискуя жизнью, и своей, и близких, вернуть в Абхазию ее лидер Н. Лакоба. И за то «хозяин» страны Советов приговорил Нестора – своего, как считалось, «товарища и друга», к жестокой и коварной смерти, что исполнил верный сталинский сатрап Лаврентий Берия.

И вот снова, после стольких злодейств и агрессивной войны, влиятельные мировые силы пытались навязать Абхазии то самое колониальное стойло – нахождение в составе Грузии на правах т.н. широкой автономии. Хотя эти силы, ООН в том числе, прекрасно были осведомлены, что за предыдущее продолжительное время абхазская государственность прошла этапы от полной независимости до бесправной автономии, тогда же все сферы экономики подчинялись грузинскому центру, демографические процессы за счет грузинской миграционной политики постоянно сокращали долю абхазов в автономии. В такой ситуации, которую вновь пытались воссоздать для Абхазии в лоне Грузии, было бы безнадежным делом также ожидать каких-либо сдвигов по репатриации, не говоря уже о полномасштабном воссоединении разделенного народа. Этого не

могло быть по определению. Ибо сильная Абхазия никоим образом не вписывалась в интересы грузинской мини империи, что доказали на трагических примерах прошлого столетия две Грузии – одна меньшевиков Ноя Жордания, другая большевиков Лаврентия Берия и Иосифа Сталина.

Также и продолжатели сей ущербной колониальной политики в лице тогдашнего грузинского лидера Э. Шеварднадзе, нисколько не озаботившись наступлением новых времен и созвучных тому общественно-политических перемен в мире, продолжали гнуть ту же пресловутую линию по закреплению своей гегемонии над Абхазией. Правда, картина уже была несколько иной: Грузия потерпела военное поражение от своей бывшей подопечной автономии, Абхазия теперь уже являлась полноправным субъектом переговорного процесса с участием государств – посредников, также международных организаций – ООН, ОБСЕ. Но пока еще был весьма значительным кредит доверия ведущих мировых политиков и лидеров крупных государств, агентом влияния которых Шеварднадзе и являлся, будучи одним из руководителей СССР. Потому и ООН, и ОБСЕ, прочие международные сообщества, рады были услужить одному из «могильщиков» красной империи. Также по этой причине стопорились даже те проекты по государственно-правовым взаимоотношениям Грузии и Абхазии, которые вытекали из уже принятых документов и соглашений, под которыми стояли подписи руководителей ООН, ОБСЕ, Российской Федерации.

В этом отношении совершенно справедлива критика В. Ардзинба, прозвучавшая на встрече с делегацией ОБСЕ и ряда других международных организаций и сообществ в марте 1998 года. Отвечая на заявления высокопоставленных чиновников ОБСЕ, что миссия прибыла в Абхазию «не в качестве учителей или полицейских, и не имеет ничего общего с политикой», абхазский лидер отметил обратное. К примеру, «что права человека мало волнуют ОБСЕ – она, защищая права одних, не заботится о защите прав целого народа, «забывает» о праве

нации на самоопределение и ни в одной резолюции ОБСЕ не говорится о правах народа Абхазии, но защищается территориальная целостность Грузии, а абхазский народ обвиняется в проведении этнической чистки. Вот потому мы в европейском сообществе – пасынки», – заключил В. Ардзинба.

Он также отмечал, что в резолюциях ОБСЕ появляется то, о чем в Абхазии и не говорилось, а делается это с подачи Грузии, вот почему, к большому сожалению, и конструктивного диалога до сих пор не было. Но мы сможем найти общий язык, если международные организаций будут соблюдать то, что записано в документах, – не оставляет надежды на сотрудничество Президент Абхазии[1].

Истоки недовольства главы Абхазии работой ОБСЕ коренились в политических акциях этой международной организаций, дискредитировавших волеизъявление абхазского народа, на основе которого была принята Конституция Абхазии (26 ноября 1994 г.). Проходивший в то время в Будапеште саммит СБСЕ (декабрь 1994 г.), в принятом, с подачи грузинских властей, документе, в частности, отмечал: «Государства – участники выразили озабоченность в связи с односторонними действиями, предпринятыми 26 ноября 1994 года властями Абхазии (Республика Грузия). Эти действия подрывают как усилия ООН, так и усилия СБСЕ мирному политическому урегулированию путем переговоров между противоборствующими сторонами в Грузии»[2].

На этом же саммите СБСЕ была предана гласности грузинская версия о якобы «этнической чистке», массовом изгнании населения – «преимущественно грузинского населения» – из мест проживания и гибелью большого числа невинных гражданских лиц, с чем эта организация выразила глубокую озабоченность. Однако известно, что «побывавшая в Абхазии в октя-

---

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В.Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 323.

[2] Сборник документов, касающихся вопроса урегулирования конфликта в Абхазии (1992 – 1999 гг.). Тбилиси, 1999. С. 47.

бре 1993 года миссия ООН по правам человека констатировала, что большинство грузин, живших между реками Гумиста и Ингур, бежали до прихода абхазских войск»[1].

Несомненно, что В. Ардзинба хорошо помнил о предвзятости ОБСЕ, обвинившей сразу после войны небольшой народ, причем со слов грузинских властей, в этнической чистке, и, что также показательно, невзирая на противоположное мнение ООН по этой же проблеме. В то же время по поводу настоящих агрессоров, уготовивших немногочисленному народу плановую кровавую расправу, ни в одном документе ОБСЕ так ничего не было сказано.

Конечно, как глубокий ученый – историк Владислав осознавал, что высокие международные организации, в частности, ООН, с самого начала своей деятельности не справлялись с изначально прописанными своими обязанностями. На примере Абхазии зримо было видно, что руководство Организации Объединенных Нации озабочено не столько справедливым отношением к интересам и правам народов, сколько реализацией установок и пожеланий ведущих стран мира, являющих собой узкий круг государств, в основном из числа расположенных на западной стороне мироздания. Если даже народы, насчитывавшие не один миллион человек, многие десятилетия прозябали в колониальном бесправии, тогда где уж там малочисленным абхазам могло выпасть счастье быть признанным государством на таком международном фоне. Вот, скажем, многомиллионная Республика Ирландия, наконец-то добившаяся независимости от имперского соседа в 1949 году, так и не смогла сделать того же для части своей территории – Северной Ирландии, которая остается по сию пору в составе Великобритании. Ни ООН, ни другие международные сообщества, не в состоянии, несмотря на ожесточенную до недавнего времени борьбу за независимость, помочь северным ирландцам осво-

[1] Лакоба С.З. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 80; Чирикба В. А. Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода. // Грузины и абхазы. М. 1998. С. 78 – 79.

бодиться от метрополии и объединиться с соплеменниками, проживающими в Республике Ирландия.

Или такой факт. Что, к примеру, предприняла ООН тогда, когда разделяли древнюю страну – Корею? А ничего, поскольку дележом страны занимались с 1945 года по 1948, и затем развязавшие войну 1950 – 1953 гг., те же великие державы – члены Совета Безопасности ООН. В ту пору никто народ корейский не спрашивал – желает ли он поделиться на две части: Северную и Южную Кореи. Теперь же, после образования собственных многомиллионных элит, расколотых двумя различными общественно-политическими системами, вряд в обозримом будущем Корею ожидает общенародное единение. И ООН, разумеется, в этом деле и не посредник, и не помощник. А вот разделение страны, т.е. создание двух Корей, по указке тех же влиятельных сил, беспрекословно узаконили члены ООН.

Таких и иных фактов, отдающих конъюнктурой в угоду сильных мира сего, в практике указанной международной организации не один десяток. Думается, что подобная несправедливая практика деятельности международных организаций стала вызывать у абхазской элиты и руководства недоверие к высоким международным сообществам, особенно с учетом того, что непреодолимой преградой становилась улаживание собственно абхазской проблемы: признания независимости страны в международном русле. В таких случаях, как известно, взоры лидеров малых и «проблемных» народов и государств направляются на ту или иную влиятельную страну, которая могла бы посодействовать, хотя бы в частичной форме, признанию новой государственности, обретенной в силу исторически справедливых и объективных реалий. Не стала исключением в этом плане и Абхазия.

Россия и Турция – главные игроки в деле репатриации абхазов

Судя по всему, с середины 90-х годов минувшего столетия Владислав Григорьевич, не обходя вниманием международные организации, все большее значение придавал сотрудничеству с Российской Федерацией, ее весьма разнородной политической элитой. Особенно с теми ее представителями, кои склонны были понять абхазскую освободительную проблематику: законодательной властью, военными кругами, руководителями республик, краев и областей, выделяя при этом особо Северный Кавказ и Юг России. Глава Абхазии надеялся при этом на использование Северокавказского фактора, личного влияния и связей с представителями российского руководства, что должно способствовать потеплению российско-абхазских отношений.

Шли годы, тяжело поднималась экономика, скуден был бюджет страны, придавленный бременем жестких политических и экономических санкций: Абхазия остро нуждалась в финансовой и экономической поддержке, без чего вряд ли возможно было бы восстановление разрушенного народного хозяйства. Без содействия России – экономического, социального, политико-дипломатического – тяжело было бы, а может, и невозможно, осуществить организованное на государственном уровне возвращение зарубежных соотечественников, преимущественно из Турции. Такие мысли и сомнения, скорее всего, одолевали не один послевоенный год Владислава Григорьевича. Автор этих строк имел возможность, по роду своей деятельности в Администрации главы страны, знать о тех или иных соображениях абхазского лидера по этой проблеме. По мысли В. Ардзинба успех репатриации соотечественников означал бы, во-первых, торжество исторической справедливости в лице обретения потомками махаджиров своей родины. Во-вторых, существенный демографический рост населения способствовал бы решению очень важной проблемы

– укреплению безопасности государства и народа. В-третьих, соотечественники привнесли бы существенную прибавку в становление и развитие экономики, социальной, духовной и культурной сфер страны.

Таковы были надежды и планы главы Абхазии, продуманные им еще с довоенных времен. Свидетельством тому его уверенность в устных и письменных высказываниях о том, что рано или поздно, но сбудется давняя мечта о воссоединении всех абхазов на родной стороне. Потому вырабатывались законодательные акты и нормативные документы по репатриации, инициированные лично Владиславом, затем утвержденные соответствующими государственными структурами под непосредственным руководством главы страны.

Выше нами отмечалось, что активная подготовительная деятельность по реализации планов репатриации абхазов на родину В. Ардзинба начал с ознакомительной поездки в Турецкую республику еще в предвоенное время. Затем, в разгар войны им же был создан Государственный комитет, облеченный властными полномочиями вести полномасштабную работу по организации возвращения соотечественников и их адаптации на родине. Уже после войны, в течение 90-х годов, им вновь была осуществлена поездка в Турцию, в ходе которой он встречался с широкими слоями диаспоры, высшими турецкими чиновниками и депутатами, в частности, с министром иностранных дел, о чем нами сообщалось выше. В тот же промежуток времени также были приняты ряд государственных решений, которые должны были способствовать активизации деятельности в области репатриации. Например, в июне 1998 года, в тяжелое блокадное время, по рекомендации Владислава Ардзинба Народное Собрание – Парламент Абхазии принял Конституционный закон «О репатриантах» (№426-с-XIII). В соответствии с законом был создан при Государственном комитете РА Фонд репатриации Республики Абхазия, осуществляющий финансирование мероприятий, связанных с реализацией государственной политики в сфере репатриации.

Итак, к концу 90-х годов 20 столетия, после долговременного и неудачного грузино-абхазского переговорного процесса, стратегические цели и пути развития Абхазии национальным лидером в целом были определены. Это, безусловно, независимость страны, с последующим признанием государствами и международными организациями, также политическая ориентация на Россию с проживающими в ней братскими народами Северного Кавказа. Таковым определялся политический фон, который способствовал бы продвижению судьбоносной задачи – репатриации соотечественников (воссоединению абхазов на родине) на основе возможностей и усилии абхазского государства. Однако в ту пору, как, впрочем, и в последующие годы, финансово-экономические средства, и, что не менее важно, политико-дипломатические возможности непризнанного государства были недостаточны, мягко говоря, для решения задачи по организации возвращения на родину предков сотен и тысяч абхазов из-за рубежа. Здесь, конечно, без доброй воли и финансовой, политической и дипломатической помощи России обойтись вряд ли возможно. Для успешной реализации этого архи важного для Абхазии процесса необходимо также обязательное содействие и страны пребывания абхазской диаспоры, важнейшая из которых – Турецкая республика, с населением из числа соотечественников от 500 тысяч, до 1млн. человек.

Упомянутые страны – Россия и Турция, к тому же являются правопреемниками государств, несущих основную часть ответственности за нынешнее демографическое состояние горских народов Кавказа, в том числе и Абхазии.

В то же время подчеркнем и такое обстоятельство, без чего мы вряд ли добьемся какого-либо существенного успеха по вовлечению упомянутых стран в решение данной проблемы. Это осознание нами того, что за минувшее более чем двухсот лет со времени трагедии горских народов Кавказа в России и Турции сменились общественно-политические системы, сформировались новые поколения, которые, разумеется, не несут ответственность за давние трагические коллизии, имевшее

место в 19 столетии. В то же время, что касается политических и государственных структур стран – правопреемников, то, на наш взгляд, они могли бы в моральном и материальном плане оказать поддержку потомкам горских народов, оказавшихся в трагических жерновах соперничества великих держав – царской России и Османской империи.

Определенные подвижки в этом плане наблюдаются за последние десятилетия и в Российской Федерации, также и в Турецкой республике. К примеру, в тяжелых условиях политического и социально-экономического становления не только Абхазии, но и самой России, в 1994 году, президент Б.Н. Ельцин выступил с Обращением к народам Кавказа. В нем содержатся весьма справедливые оценки Кавказской войны, связанной с ней трагедии народов, также суждения по поводу исключения в будущем подобных трагических событий. Впервые, подчеркнем, со времени исхода на чужбину, горские народы Кавказа дождались таких вещих слов из Обращения: «Когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера». Такой реалистичной оценочной формулировки, заметим, не высказывалось официальными лицами, как царской России, так и последующей советской властью. Так же важна и представляется реалистичным конструктивным подходом к проблематике репатриации и такая формула первого президента России, в которой констатируется следующее: «Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны, и в частности, возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон»[1].

Такая постановка вопроса по проблеме репатриации потомков кавказских изгнанников, которую предложил

[1] Википедия. Обращение президента Российской Федерации 18 мая 1994 года.

глава великой России нам видится наиболее эффективной, способной, если и не коренным образом снять все вопросы, но хотя бы сдвинуть с мертвой точки процесс возвращения путем вовлечения международных организаций и с участием самих стран – правопреемников Российской и Турецкой империй. Другой путь, избранный нами в течение более чем тридцати лет, преподает нам уроки глубокого разочарования и неэффективности. Надо признать, что за немалое прошедшее время и сопутствующие тому материальные и моральные издержки, результатом стало не переселение ожидаемых десятков тысяч соотечественников, а, в лучшем случае, возвращение нескольких сот человек, часть из которых живет, вынужденно, разумеется, на «два дома». Ряд исследователей проблем репатриации выявляют множество причинно-следственных условий, ставящих препоны на путях воссоединения разделенных народов на современном этапе. При этом, заметим, совершенно недостаточными или малоэффективными являются рекомендаций по совершенствованию и усилению хотя бы тенденции к успеху процесса единения, за исключением, наверное, единственного случая, связанного с возрождением народа и государства еврейского.

Опуская различные формулы и трактовки о современной репатриации, которые в большей степени, а, может, и в основной, касаются всех разделенных народов, но ни коим образом еврейского этноса, подчеркнем, что решение евреев об эмиграции из страны пребывания и адаптация их на родине предков (с историей в 2.000 лет), в корне отличаются от аналогичной практики других народов, в том числе и кавказских. К примеру, нет практики проживания на «два дома», когда, как отмечает исследователь, возвратившиеся на историческую родину «продолжают свои культурные, физические и экономические связи в странах своего проживания». Автор рассматривает сие явление «как двойной транснационализм, вовлеченный в настоящее время в транснациональную

деятельность, который способствует решению о репатриации и процессам адаптации после возвращения»[1].

В свою очередь, не умоляя мнения данного исследователя, все же полагаем, что чрезмерное увлечение «двойным транснационализмом», а на понятном языке жизнью на «два дома», вряд ли послужит делу массового возвращения на родину предков и их адаптации, как отмечалось выше. На наш взгляд, т.н. двойной транснационализм – явление или обстоятельство, порожденное невысоким уровнем общественно-экономических условий жизни, с чем, в первую очередь, сталкиваются возвратившиеся на родину соотечественники, они также испытывают значительный дискомфорт в различных бытовых и не бытовых реалиях, о чем принимающие государственные структуры и вовсе не помышляют. Впрочем, упомянутый автор справедливо отмечает недостатки, вызывающие данное явление, т.е. «двойной транснационализм»: в том числе на «отсутствие связей на родине диаспоры, различие в культуре, религии, языке и кябзе (код поведения), трудности с поиском подходящего жилья (здесь у нас более или менее нормально – В.Ч.), низкий уровень жизни и отсутствие поддержки в повседневных проблемах (наш бюрократизм, наверное, также в наличии – В.Ч.). И, видимо, самый «больной» вопрос из всего перечня – отсутствие связей (родственников, друзей), отсюда, отмечает исследователь, исходит предложение от самой диаспоры: «нанести бы хотя бы один визит на родину».

Таковых пожелании о «хотя бы одном визите на родину» (так, все-таки, которая из стран – родина?), заметим – пожелание большинства соотечественников, вроде обустроившихся в Абхазии. Но так ли это? Такой, заметим, тяги, как повидаться с прошлым местом проживания, к примеру, сотен тысяч евреев из бывшего СССР вряд ли можно увидеть в нынешнем Израиле. Зададимся вопросом – почему? Да потому, что в тот же Израиль при государственной поддержке переселились сотни

[1] Жаде Джемре. Адыго-абхазская диаспора… Майкоп: ООО «Полиграф – Юг», 2020. С. 25.

тысяч «земляков», ныне неплохо живущих на вновь обретенной родине, которая сделала своей основной политической и экономической целью возвращение и обустройство на родине предков миллионов соотечественников. А у абхазов эта цель – даже не на 10 месте, а где-то в хвосте государственных программ и планов, реализация которых не обозначена какими-либо значимыми успехами.

Выходит, что мы не справляемся, несмотря на государственные и иные субсидии, с архиважнейшей задачей – репатриацией соотечественников, как одного из главных факторов демографической безопасности – основы существования абхазского народа и его государственности в условиях опасного и непредсказуемого нынешнего миропорядка. В таких случаях, надо полагать, следует, тщательно проанализировав создавшуюся ситуацию, которая, безусловно, укажет на стагнацию проблемы репатриации, скорректировать, либо наметить новые планы деятельности. Например, давно пора считать проблему воссоединения народа – первоочередной задачей государственных органов страны, в связи с тем просить помощи и содействия у стран, являющихся правопреемниками государств, имевших прямое отношение к трагедии кавказских народов в 19 столетии. Этого, к сожалению, до сих пор не сделано, и планов таковых пока не просматривается, как у абхазов, так и у других народов Северного Кавказа. А ведь то самое Обращение президента России Б. Ельцина являлось как раз приглашением к такому диалогу всех заинтересованных сторон, который, как отмечалось выше, до сих пор так и не состоялся.

Вообще, если смотреть на проблему возвращения соотечественников через призму вовлечения в эту деятельность российской и турецкой стороны, то отмечу, что ее реализация должна иметь двустороннюю основу, т.е. путь сей должен быть пройден на основе, повторимся, двустороннего процесса. Что касается, например, подключения Турецкой республики к вопросам репатриации абхазов – турецких граждан – на родину предков, думается, активизировать этот процесс сподручней

было бы нашим соотечественникам. Сегодня процесс приобщения Турции к репатриации намного реалистичнее, нежели в прошлом, особенно в эпоху Кемаля (Ататюрка), правление которого (20-е – 30-е гг. минувшего столетия) сопровождалось укреплением национального турецкого начала в новом светском государстве, где не находилось ниши для идентичности других народов, в том числе кавказских. В то время были ликвидированы все очаги образовательных и культурных центров, каким-то образом связанных с национальными меньшинствами. Отмечались и репрессии против представителей этносов, больше всех в том пострадали абхазы, значительная часть которых попала в число оппонентов кемалистов. Напомним об исходе тысяч анатолийских абхазов в Грецию в начале 20-х годов прошлого столетия, также изгнание из страны видных представителей абхазской диаспоры, бывших на службе свергнутого режима, а позже и опала военного, политического и государственного деятеля, сподвижника самого Ататюрка, первого руководителя Кабинета министров Рауф-бея (Ашхаруа).

Затем, не один десяток лет, различные режимы в Турции поддерживались контролем военных, что не могло не сказываться на условиях общественно-политической жизни страны, в том числе и на состоянии диаспор национальных меньшинств, их традиций, обычаев, языков, духовной составляющей. Позже, с приходом к власти правительства Эрдогана, постепенно началась «перестройка общества»: без особой рекламы во внутриполитической жизни происходили потепление и преобразования на демократических началах. Это видно на примере того, как становились на ноги общественные и культурные сообщества кавказских меньшинств, в частности, абхазские.

Как известно, с приходом к власти кемалистов в 1922 году национальные культурные центры были закрыты, в том числе и абхазский в г. Стамбуле, организованный еще в период Султанской Турции передовыми представителями абхазской диаспоры. Затем, более 50 лет, абхазский язык, традиций и обы-

чаи сохраняли тайно, в узких семейных и родовых условиях. Однако изменить ситуацию забвения родных корней патриоты Кавказской диаспоры попытались в 1975 году, собравшись на встречу в Анкаре для обсуждения создания культурных центров в масштабе всей Турции. Очередная подобная попытка, уже в 1977 году, закончилась весьма печально: стрельбой неизвестными по черкесской молодежи и смертью одного из активистов – Цея Махмута Оздена. Окончательный удар был нанесен идее объединения государственным переворотом в 1980 году. Только через пять лет, в 1985 году, начали создаваться культурные центры, а несколько позже возобновилась работа по созданию централизованной организации. И она возникла в 1991 году пока еще в форме Координационного Совета Кавказских Обществ. Далее процесс самоорганизации диаспоры прибавлял: в 1993 году была создана Кавказская Ассоциация, и, в процессе демократизации турецкого общества, в 2003 году создается Федерация Кавказских Культурных Центров.

В данное время, в 2023 г., как сообщает Госкомитет РА по репатриации, в Турции насчитывается 53 культурных центра, расположенных в 31 провинции. Общее количество членов культурных центров составляет около 30 тыс. человек. Значительная сила, отметим, коли ее возможности да в сочетании с согласием и взаимодействием властей страны пребывания, направить на деятельность по репатриации соотечественников в отчие земли. Результат такой слаженной работы, уверены, не замедлит существенно сказаться на увеличении числа репатриантов на родину предков. Для подобной повестки есть все основания. Во-первых, это исключительно стабильная политическая атмосфера, что очень важно для организации репатриации на новой качественной основе, которая в последнее время установилась между Турцией и Россией – основными региональными державами, от которых зависит кардинальное решение махаджирского вопроса в глобальном масштабе. Во-вторых, в реализации этой проблемы в массовом масштабе объективно должны быть заинтересованы упомянутые обе

стороны, поскольку возвращение к своим корням сотен тысяч потомков махаджиров – граждан Турции, несомненно, будет способствовать укреплению регионального авторитета страны. Также, с другой стороны, это выгодно и Российской Федерации, испытывающей в последнее время трудности в области роста демографии. К тому же, если эти две страны, проявив добрую волю, окажут и экономическую поддержку сугубо переселенческой политике (воссоединению) потомков кавказских народов, то результат окажется кратно превышающим уровень, достигнутый в области репатриации на всем Кавказе по нынешнее время.

В этой связи, что следует особо подчеркнуть, абхазы, даже не являясь в политико-административном отношении субъектом Российского государства, ощущают серьезную политическую, социально-экономическую и военную поддержку великого соседа. А ведь в рамках двухсотлетних российско-абхазских отношений имели место, как уже отмечалось нами, весьма непростые, а, порой, и трагические коллизии. Это и период Российско-кавказской войны, сопряженной с вынужденным исходом большинства абхазов с родных мест на чужбину, репрессий времен сталинской эпохи, когда встал вопрос: быть или не быть абхазскому этносу, исчезнув в грузинской этнической среде. Безусловно, абхазам сопутствовали в эти столетия и светлые моменты: восстановление абхазской государственности в форме советской республики, становление интеллигенции, и, соответственно, национальной экономики, культуры, литературы, искусства, да еще много чего, чем должна отличаться не запоздалая, а идущая в ногу со временем, развитая нация.

В том, конечно, велика заслуга России, великого русского языка, посредством чего абхазы познали и освоили лучшие образцы мировой культуры и цивилизации. Сотни и тысячи абхазских юношей и девушек, за неполные 70 лет советской власти, получили различные знания в российских вузах, стали также кандидатами и докторами наук.

Нельзя, безусловно, не отметить при этом, негативный политический, экономический и культурный шовинизм грузинской метрополии в течение всего периода советской власти , направленный против абхазской автономии, обезличивавший абхазскую государственность во всех проявлениях, вплоть до ее полного свертывания. Однако то, что в итоге до крайности дело не доходило, и, в какой-то момент абхазы получали отдушину во времени, это, разумеется, заслуга и национального движения, и российского центра.

Также и в лихие времена грузино-абхазской войны, несмотря на неоднозначное поведение Б.Н. Ельцина, поддержавшего своего подельника по перестройке Э. А. Шеварднадзе, народ и республики Российской Федерации всецело оказались на стороне пострадавших от агрессии абхазов. Руководство и депутаты Верховного Совета, оборонное ведомство, Совет Безопасности, многие общественные организаций старались, вопреки официальной исполнительной власти, в частности, функционерам из Администрации Президента и Министерства иностранных дел (А. Козырев), наведя мосты с абхазским руководством, остановить грузинскую агрессию. Ясное дело, что это было весьма затруднительно, поскольку за войной, развязанной Шеварднадзе, стояли поддержавшие грузинского лидера ведущие политики Запада. И, тем не менее, в течение всей войны абхазы, возможно, не в полной мере, но все-таки снабжались из Российской Федерации, как продуктами питания, так и необходимым военным снаряжением. И тысячи добровольцев, несмотря на предупреждающие заявления власти, успешно переходили по горам российскую границу, и никто, при этом, к счастью, не погиб и не был ранен. И, что самое главное, о чем не раз упоминал В.Г. Ардзинба, русский народ в большинстве своем твердо поддерживал освободительную борьбу абхазов за независимость. К сказанному великий лидер абхазов присовокуплял и такие мысли: руководители приходят и уходят, а народы остаются всегда. Также абхазы и россияне, испытывающие искренние чувства дружбы и взаимоуважения.

Подтверждением тому и события, случившиеся в первой четверти 21 столетия, особенно с приходом к власти В.В. Путина. Тогда Российская Федерация предприняла решительные шаги, шедшие в разрез с политикой мировых центров силы, по избавлению Абхазии от тяжелейших пут жестокой блокады, объявленной ей по выходу из войны с Грузией. Новый Премьер России, только придя во власть, в 1999 году, при президенте Б. Ельцине, являвшемся инициатором политических и экономических санкций против обескровленной войной небольшой страны, снял с Абхазии экономическую блокаду. Затем последовали дальнейшие решения: отмена политических и информационных санкций СНГ, также введенных с подачи Грузии, при молчаливой поддержке международных организаций: ООН, СБСЕ (ОБСЕ), Совета Европы и прочих мировых и западных сообществ.

Через некоторое время, после 2005 года, Абхазия ощутила основательную, по сравнению с послевоенными 90-ми годами, финансово-экономическую поддержку России. После признания Российской Федерацией независимости РА (2008) и установлении межгосударственных договоров о дружбе и союзничестве, львиная доля абхазского бюджета практически формировалась за счет российских финансовых вливании. Средства главным образом направлялись на ремонт и частичное восстановление инфраструктуры, дорог, детских садов, школ, больниц и других объектов. Эта солидная помощь позволяла руководству Абхазии высвободить и перенаправить более значительные собственные средства (а не только те внебюджетные 2%) на нужды организованной и действенной политики репатриации соотечественников. В таком разе, безусловно, можно было бы строить эту работу на основе реалистичной и целенаправленной, разработанной по отдельным временным этапам, программе деятельности по репатриации, что, на наш взгляд, позволило бы вернуть на родину значительное большее число соотечественников, нежели то, что мы видим на сегодняшний день. В этой связи, думается, есть резон

определиться с узловыми выводами по выше исследованным разделам монографии, также обсудить некоторые моменты и примеры из деятельности некоторых народов по организации репатриации на историческую родину. Считаем, вместе с тем, уместным высказать соображения по части совершенствования, а, возможно, и реорганизации, механизма репатриации – о чем и скажем в заключительной части исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вначале отметим, что автор данного исследования не претендует на всестороннее освещение всего спектра движущих сил, причин и следствий такой масштабной катастрофы абхазов и родственных горских народов Северного Кавказа, как махаджирство (исход) коренного населения края в 19 столетии на чужбину. Рассуждения и выводы по этой проблеме, содержащиеся во введении, как правило, основаны на разысканиях и исследованиях крупных ученых – кавказоведов, таких, как Г. Дзидзария, А. Фадеев, Ш. Инал-ипа, И. Беркок, В. Ардзинба, Т. Ачугба, Г. Анчабадзе и др.

Эмиграционные процессы, имевшие место в более поздний период (в 20 – 21 вв.) также исследуются с привлечением исторических материалов: документов, сборников, статей, писем, авторы которых видные ученые и публицисты, государственные и общественные деятели, представители интеллигенции. Это Н. Лакоба, В. Ардзинба, М. Бутба, С. Басариа, Д. Маан, С. Чанба, Д. Гулиа, Б. Сагария, Р. Гожба, С. Лакоба, А. Куджба и др.

От трагедии махаджирства – до проблемы репатриации

Отмечая сообщения исследователей махаджирства (исхода) населения с территории Северного Кавказа в целом, и Абхазии, в частности, подчеркнем, что большинство из них подчеркивали вынужденный характер процессов переселения народов перед натиском царского самодержавия. Обратное, то есть, о добровольном исходе основного потока населения, ведомого якобы верованием ислама в чужие края, сообщали лишь апологеты самодержавия дореволюционной поры. Ведь абхазы с исламом были знакомы (некоторые группы и слои населения исповедовали сию религию весьма поверхностно и формально), на протяжении нескольких сотен лет. Но массо-

вых исходов в ту пору, как известно, не наблюдалось. А вот за относительно короткое время при царизме (с 1810 по 1880 гг.), как нами уже отмечалось, почти каждое десятилетие тысячами были вынуждены отправляться за море. Безусловно, время от времени, случались и факты исхода различных групп населения (свободных крестьян, дворян, подневольных) в результате агитации лидеров отдельных родов, влиятельных аамста и князей, или же насильственных действий турецких военных во время русско-турецких войн.

Различные источники, как, скажем, исследователи процесса махаджирства или же представители царской администрации, приводили противоречивые данные о числе семьей или душ, отправлявшихся на чужбину. Чиновники от царской власти при этом занижали их количество, некоторые же исследователи позднего периода, наоборот, приводили завышенные цифры.

Скрупулезный анализ большого объема различных источников и архивных данных периода Кавказской войны, содержащийся в монографии Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы Абхазии XIX столетия», позволяет ученому предельно правдиво осветить наиболее ощутимые волны вынужденного и массового переселения изгнанников. В то же время в работе также называются «махаджирскими годами» – 1821, 1824, 1830, 1837, 1840-1841». И, как заключал Г. Дзидзария, уже никто и приблизительно не определит количество людей, унесенных этими годами. Ссылаясь на З.И. Чичинадзе, он же отмечает 1810, 1829, 1854 годы, в течение которых было переселено 5, 10, 20 тыс. абхазов. Таким образом, исследователь, как видим, усматривает между 1810 и 1854 годами восемь больших и меньших переселенческих волн, произошедших под натиском самодержавия.

Георгий Алексеевич, полагая более или менее правдивыми число махаджиров 60-х – 70-х гг. 19 века, утверждал, что «… по указанным годам мы располагаем, по крайней мере, приблизительными данными». И указывал в указанный период цифру

в 135 тыс. переселенцев «абхазо-абазинской этнической принадлежности, а вместе с убыхами – приблизительно 180 тыс.».

Там же, где ученый высказывал сомнение в точности данных по убывшим, то есть с периода 1821 по 1841 гг., как нам видится, махаджиры тех лет даже по приблизительным данным могут составить цифру от 80 до 120 тыс. переселенцев, как из малой, так и из большой Абхазии. Примерно подобную картину переселения предполагал Георгий Алексеевич в своем исследовании. Мнение В. Г. Ардзинба, о котором он говорил в свое время автору данного исследования, состояло в том, что за все время махаджирства (1810 – 1878) Абхазию покинуло не менее 300 тыс. человек.

Близки к этому и данные, приведенные Султаном Довлет-Гиреем, добытые им, по словам Г. Дзидзария, в Константинополе (в Мухаджир-комиссиони), согласно которым с 1816 по 1910 год в Турцию эмигрировало «абхазцев или абазинцев» – 349345 чел., вместе с убыхами – 384284 чел.[1]

Обычно исследователи переселенческих процессов 19 века в Абхазии называют не более 4 – 5 волн массовых исходов, хотя на наш взгляд их, подобных волн, малых и больших, не менее десятка. Досконально, на фактическом материале их никто не подвергал тщательному исследованию, да и, как отмечает Г. Дзидзария, по многим из них нет документальных сведений. Подтверждением тому и сообщение крупного царского чиновника А.П. Берже о том, что «горцев никогда никто не считал, почему и точных статистических сведений о них не существовало»[2].

Впрочем, о том, что Абхазия вконец опустела после последних крупных волн переселения (в период народного восстания 1964 года, в связи с русско-турецкой войной 1877-1878 гг.) писали сами чиновники новой администрации. Например,

[1] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1982. С. 374.; С.П. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1923. С.105.

[2] Дзидзария Г.А. С. 374.; Ал. Берже. Горные племена Кавказа. С. 72.

сравнивая сведения исследователей 17 – 18 вв. (Евлия Челеби), являвшихся свидетелями плотного заселения края (от Ингура до Сочи) многочисленными воинственными абхазскими обществами, нельзя не придти к выводу о вынужденном исходе сотен тысяч абхазов, как из пределов Абхазского княжества, так и с территории, заселенных вольными абхазскими обществами.

По этому поводу Г. Анчабадзе писал: «Последние залпы Кавказской войны гремели в горах Северо-Западной Абхазии, в верховьях Мзымты и Псоу. Жители Аибги и Ахчипсы, вместе с собравшимися у них абреками из разных племен, готовились к схватке, перекрыв завалами тропы. Великий князь Михаил Николаевич, (брат Александра II), назначенный наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией в конце 1862 года, послал в этот труднодоступный район четыре колонны войск, общей численностью более 25 тысяч человек. Русские войска, двигаясь с разных сторон, решительно подавили сопротивление горцев и к 20 мая1864 года сосредоточились в урочище Губаадвы (ныне Красная поляна) общества Ахчипсы…

Днем окончания этого самого продолжительного в истории России военного конфликта считается 21 мая 1864 года, когда на Красной поляне в присутствии наместника было отслужено благодарственное молебствие в ознаменование победы и проведен торжественный парад войск».

Исследователь также отмечал: «С карты Кавказа исчез народ убыхов, полностью переселившийся в Турцию 1864 году. Тогда же почти поголовно выселились садзы и медовейцевы, а также большинство северокавказских абазин»[1].

Добавим к тому, что такая же судьба постигла поголовно все общества, населявшие территорию от Гагр до Сача (Сочи), долины и верховья Псоу и Мзымты, также горцев Аибги и Ахчипсы…

Исследователи и различные источники по поводу массо-

[1] Анчабадзе Г.З. Абхазия и Кавказская война. 1810 – 1864 гг. Тбилиси, 2021. С. 110.

вого выселения населения отмечали: «…В результате махаджирства 60 – 70-х годов (19 столетия – В.Ч.) почти совершенно опустели современный Адлерский, Гагрский, Сухумский и Гудаутский (Бзыбская Абхазия) и Очамчирский (Абжуйский) районы… В отдельных селах: в Адзюбжа осталось всего 20 дворов (из 390), в Атара – 28 (из 160), в Джгерда – 60 (из 500), в Дурипше – почти поголовно все население подверглось изгнанию на чужбину»[1].

Например, в Гагринской общине (между реками Гагрипш и Бзыбь) жило 191 абхазское семейство (815 человек), о которых Дьчков-Тарасов позже писал как о «бесследно исчезнувших после войны 1877 года»[2]. Г. А. Рыбинский о Дальском ущелье сообщал: «И в настоящее время на этих площадках и частью на скате вы встретите массу фруктовых заброшенных деревьев. Здесь лет пятнадцать тому назад жило 5 тыс. душ абхазцев, но они переселились в Турцию, и теперь там никто не живет»[3].

Этот трагический перечень мог быть весьма долгим. Но об этом нами сказано в соответствующем разделе. Теперь же лишь отметим, что число покинувших родину по вынужденным обстоятельствам абхазов, населявших территорию от р. Ингур до абхазо-убыхского местечка Сача (ныне Сочи), по нашему мнению, составляло не менее двух третей населения края, может, и более того. К таким выводам склонялись многие исследователи: от 300 тыс. до 500 тыс. переселенцев. Всего же людей из обществ абхазо-абазинского корня, также близкородственных абхазам черкесов, покинуло родину по разным источникам – от 2 – до 3 млн. человек. Такие количественные оценки не могли не беспокоить идеологические структуры

[1] Дзидзария Г.А. «Махаджирство…». С. 375.; Н.Я. Марр. О языке и истории абхазцев. М. – Л., 1938. С.177.; »Кавказ», №160, 11 августа 1877г.; Ш.Д. Инал-ипа. Дурипш. Сухуми, 1981. С. 1981.

[2] Дзидзария Г.А. «Махаджирство…».; А.Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. С. 82.

[3] Дзидзария Г.А. «Махаджирство…».; Рыбинский. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894, С.10.

советской страны, поскольку на официальном уровне признавалось небольшое число проживающих за рубежом потомков махаджиров. Как уже отмечалось нами выше, таковых из числа абхазов советский энциклопедический словарь насчитал всего 5 тыс. абхазов, проживающих в Турции. Хотя, как отмечал в свое время (в 90-х годах 20 века) автору этих строк доктор исторических наук, академик АМАН В.Г. Ардзинба потомков абхазских махаджиров только в Турецкой республике могло находиться не менее 800 тыс. человек.

Думается, выдающийся абхазский историк Г. А. Дзидзария отчетливо представлял истинные масштабы исхода населения, но, учитывая политические и идеологические реалии советского периода, он иной раз вынужден был в завуалированной форме смягчать некоторые факты. Понимая, что его выводы частенько идут в разрез официальным установкам в области науки и идеологии, он в гибкой форме отстаивал научную истину в своем глобальном исследовании. Так, имея в виду весь трагизм исхода подавляющего большинства абхазов на чужбину, он отмечал: «…Преувеличенное представление о количестве абхазских махаджиров XIX века само по себе характерно и представляет интерес, поскольку оно отражает значительность масштабов эмиграции»[1].

Отметим также, что данное исследование ученого, раскрывшее всю мощь и фатальную неотвратимость истоков и причинно-следственных условий махаджирства горских народов Кавказа в 19 столетий, является и поныне основным фундаментальным трудом, наиболее глубоко и всестороннее показавшим вселенскую трагедию абхазов и братских горских народов. Монография Г. А. Дзидзария, как отмечалось выше, представила воочию всему миру истинную картину событий: временные рамки (волны) исхода абхазов и родственных народов, также близкие к реалиям количественные данные ушедших на чужбину. Содержание и выводы работы ученого, вне всякого сомнения, и поныне являются основными ори-

[1] Там же. С. 374.

ентирами для исследователей данной проблемы. Совсем иное можно отметить по поводу «трудов» некоторых провластных историков прошлого, также составленных ими в свое время энциклопедий и прочих источников по проблеме махаджирства, мягко говоря, весьма далеких от научной истины и элементарного правдоподобия.

Наряду с такими защитниками официальной политики царизма, весьма правдивыми и сочувствующими коренному населению воспринимаются публикаций отдельных представителей интеллигенции. Таковыми оказались наблюдения В. Желиховской, в том числе живо описанная трагическая картина, связанная с переселенцами, находившимися на злополучном судне «Агиос-Петрос». Приведем отрывок из ее повествования «Между Батумом и Сухум-кале», в котором автор сообщает о судьбе тех абхазов, которые хотели вернуться на родину: «Собралось их человек до двухсот. Собрав последние гроши, наняли они кочерму, чтобы довезла она их до Сухума, но негодяй хозяин кочермы, грек, обманул их. Доплыв до Батума, он объявил им, что в кочерме его повреждение, что он не рассчитал, подняв такой тяжелый груз, что дальше плыть невозможно… К пристани их не пустили. Несчастная кочерма, со своими двумя сотнями голодных, оборванных, измученных пассажиров, три дня качались в виду города – без помощи, без пищи, без воды!.. Что на этой кочерме нашли – страшно подумать!.. Представь себе, на ней уже было несколько человек мертвых. Да! И мертвецы, и умиравшие, и еще здоровые, – все это лежало и сидело вповалку, друг на друге, потому что судно едва могло вмещать пятьдесят человек, а подняло двести. Все это копошилось, еле ползая, в страшной нечистоте, скопившейся на дне кочермы; больные бредили в предсмертных мучениях; другие стонали, моля о хлебе, о капле воды; дети, несчастные младенцы, кричали или обессиленные у груди бесчувственных от голоду матерей!.. Боже праведный! Бывают же

такие ужасы на свете!..»[1].

Таковыми в большинстве случаев были реалий того беспощадного времени, и вряд ли оно, это время, подлежит забвению…

Грузинский натиск: во что бы то ни стало освоить Абхазию…

Следующие этапы эмиграционных процессов, происходивших в 20-м столетии, отличались от прошлого трагического времени и по форме и по содержанию. Уже, к счастью, не было столь массовых, как при царизме, процессов эмиграции, поскольку и сам абхазский народ, утерявший в предыдущую эпоху, как минимум свои две трети населения, не мог составить большого числа эмигрантов, а те, кто был заинтересован в освоении абхазской земли, не обладали ресурсами и возможностями царской России. Тем не менее, меньшевистское правительство только что созданного грузинского государства в том же 1918 году путем военной экспансии оккупирует Абхазию. При этом правда, обещает абхазскому «младшему» брату крепкую помощь в политическом и экономическом становлении, разумеется, в содружестве с «малой» грузинской империей, и даже содействие в возвращении махаджиров на родину. Вскоре, однако, обман раскрылся: наступили времена политического и экономического гнета, переходящего периодически в разгул репрессий против инакомыслящих абхазов: сторонников Горской республики, российских большевиков и прочих противников грузинской меньшевистской власти. В подобной ситуации уже не было и речи об обещанных свободах и благах, а вместо помощи в решении махаджирского вопроса, Тифлис приступил (тайно) к подготовке процесса заселения территории Абхазии. Для этого впервые был создан на государственном уровне многомиллионный Демографический

[1] Вера Желиховская. По берегам Черного моря. Из писем к подруге. Москва, 1908.

фонд, который обеспечивал скупку домов и участков для жителей внутренних районов Грузии. Для этой цели проводилась репрессивная политика против определенной категории граждан из числа абхазов, русских, армян и др., вынуждая их к эмиграции. В свою очередь, представители отмеченного фонда скупали для переселенцев из Грузии дома и участки местных жителей, спасавшихся от репрессии меньшевиков.

Таким оказалось начало демографической экспансии Грузии против Абхазии, продолжавшейся на протяжении трех лет меньшевистской оккупации, также и всего почти 70-летнего периода советской власти. И, как правило, в этих делах «малая» империя всегда находила местных прислужников.

Сразу отметим, что в отношении Абхазии политика грузинских большевиков в национальном вопросе мало чем отличалась от меньшевистской власти. Уже к середине 1920-х годов усилиями вначале меньшевиков, а затем и грузинских большевиков абхазы в собственной стране оказываются в меньшинстве. Как нами уже отмечалось выше, в те годы (1926) абхазское население составляло 26,4%, в то же время пришлые грузины – 32%. Таким манером реализовывался при поддержке государственных структур (и меньшевиков, и большевиков) тот самый девиз Н. Жордания: «Во что бы то ни стало взять Абхазию!»

Продолжатели «дела» меньшевиков, грузинские большевики, чтобы облегчить демографическое освоение Абхазии практически переняли все способы и приемы царской России. К примеру, эффективно использовали всю мощь госаппарата и партийных структур (И. Сталин в Кремле плюс С. Орджоникидзе и Тифлисское руководство на Кавказе) в подавлении абхазских органов власти, финансировали и экономически поддерживали (Абхазпереселенстрой) демографическую экспансию – завоз десятков тысяч переселенцев из соседней Грузии. И, тем самым, намного превзошли своих заклятых предшественников – меньшевиков в ограничении прав и свобод абхазского народа, свертывании абхазской государственности (от не-

зависимой ССР до бесправной автономии в составе «малой» грузинской империи). Это облегчило им демографическую оккупацию Абхазии. В этом плане весьма точна и справедлива известная формула В.Г. Ардзинба, определявшая подобную захватническую политику «как агрессивный грузинский национализм», коим обуреваемы были на протяжении почти всего 20-го столетия, как политическая элита, так и интеллигенция Грузии.

Думается, демографическая экспансия для грузинского руководства была тем инструментом, с помощью которого легче было бы полностью свернуть абхазскую государственность, а, заодно, довершить ассимиляцию абхазов в картвельской этнической среде, таким образом, как это было проделано с мегрелами. По иному, то есть, как это свершило царское правительство, отменив абхазское княжество и оттеснив на чужбину абхазов, уже не было возможности. Даже всесильный красный император Сталин, лишивший абхазов союзной республики, не смог отнять той самой куцей государственности в формате автономной республики. Избран был иной путь освоения чужой территории: это демографическая экспансия, наполнение Абхазии жителями внутренних районов Грузии до такой степени, когда численность абхазов будет доведена до минимума (10 – 5%), а затем народу предстояло полностью исчезнуть в грузинской этнической среде. Численность же пришлых грузин в то же время, к 2000 годам, должна была составить подавляющее большинство в республике (90%), остальному негрузинскому населению (всецело лояльному грузинской идеологии) определено было довольствоваться 5 – 10 проц. (З. Гамсахурдия).

Еще в 20-х годы, когда только начинала вызревать политика и практика свертывания абхазской государственности и демографической экспансии, глава Абхазии Н.А. Лакоба уже догадывался, полагаем, о тайных намерениях «своих соратников» по партии. И он пытался, даже в рамках политического диктата центральных властей, каким-то образом (возвращением части махаджиров) противостоять процессам освоения

республики грузинским элементом. В надежде, скажем, до лучших времен. Не сбылось. Его устранили физически, ибо видели в нем самое большое препятствие в деле претворения целей полного подчинения и освоения Абхазии. Тогда, как нами уже отмечалось в данном исследовании, наступило время лихолетья: репрессированы были тысячи сынов Абхазии, сотни семьей вынуждены были срочно покинуть республику. Путь их лежал, как правило, в крупные российские города, многие скрылись на Северном Кавказе, в других республиках большой страны. Так печально зарождалась абхазская советская диаспора за пределами отчей земли, но с надеждой на возвращение. По нашим оценкам, а другой статистики нет, в пору сталинских репрессии (1937 – 1953) родину покинули не менее 2 – 3 тысяч человек.

Совершенно иная, трагическая ситуация возникла в результате грузинской агрессией (1992 – 1993 гг.), развязанной еще одним агрессивным грузинским националистом Эдуардом Шеварднадзе, по иронии судьбы поименованным на Западе поборником демократии. Это при его правлении, и в ходе грузино-абхазской войны, сотни тысяч жителей, и Грузии, и Абхазии, стали беженцами. Грузины, являвшиеся недавними переселенцами в Абхазии, или потомками переселенцев, в итоге, и в основном, вернулись на родину, в отчую землю Сакартвело. Другим же народам, изгнанным оккупантами – абхазам, русским, армянам, грекам, евреям – пришлось искать временного пристанища, вплоть до разгрома оккупантов и освобождения Абхазии. И все же не все вернулись обратно, на место своего прежнего проживания. Например, не стало уже в Абхазии такой национальной общины, как евреи, выдворенные грузинской оккупационной властью, они обосновались частью на родине – в Израиле, частью – в странах Запада, сильно поубавилась большая община русских, в целом славянских народов, мало осталось в республике греков. Абхазы, в основном, вернулись на родину. Тем не менее, тому у автора этих строк есть личные свидетельства, немало все же абхазов

укоренилось, вначале временно, а некоторые и по сей день, в различных городах России, в республиках Северного Кавказа, некоторые и в странах дальнего зарубежья. К тому добавились послевоенные годы экономической и политической блокады, объявленной свободной Республике Абхазия странами СНГ, за исключением Белоруссии и Туркмении, за ее нежелание вновь войти в лоно прежней метрополии – Грузии. Эти трудные годы (1993 – 1999) в жизни послевоенной республики, вынудили к эмиграции немало жителей страны, в том числе и абхазов, покидавших родину в поисках применения своих сил и способностей для поддержки семей, родных и близких. Часть из них до сих пор пребывает в России, других республиках бывшего СССР, причем, есть среди них и такие, кто в силу своего экономического и социального положения не отмечены тамошними переписными кампаниями. И потому считаем, что российские переписи, отмечающие наличие тамошней абхазской диаспоры, не полностью соответствуют реальным сведениям о численности абхазской общины.

Если в 20 – 30 годы 20-го столетия вопросом возвращения потомков махаджиров занимался непосредственно руководитель правительства Советской Абхазии и его немногие сподвижники, вначале независимой, затем договорной и автономной республики, то после гибели Н.А. Лакоба на эту проблему было наложено строгое государственное табу. Нарушение этого негласного запрета каралось, к примеру, во времена сталинизма репрессиями и гонениями, иной раз и со смертельным исходом. И в следующие периоды советской власти вопросы репатриации партийными и государственными органами не ставились, а тот, кто из ответственных работников, или даже рядовой член партии, проявил бы инициативу в этом деле, он тот час заработал бы реноме националиста. Это привело бы к потере работы и всяких перспектив на будущее. И потому, как сообщается в соответствующей главе данной работы, налаживанием связей с зарубежной диаспорой, после долгого перерыва, примерно с конца 60-х годов прошлого столетия, занялись

горячие энтузиасты – представители интеллигенции, трудовых слоев народа, не обремененных ни постами, ни должностями. И, тем не менее, налаживать первые контакты, обмениваться с зарубежными соотечественниками письмами и открытками, редкими телефонными разговорами, было делом нелегким и небезопасным. За этим тщательно следила грузинская спецслужба – Комитет Государственной Безопасности. Эта структура, формально подчиняясь правительству Абхазии, отчитывалась только перед КГБ Грузии. Безусловно, все абхазские подвижники, а их было не так уж и много, находились под пристальным наблюдением спецслужбы, главной заботой которой и было следить за патриотично настроенными представителями абхазского народа. С ними проводились беседы, их пытались запугать, вербовать, шантажировать. Но люди эти не ломались – они верили, что вершат святое дело единения. И потому, надо полагать, все же, шаг за шагом, связи с диаспорой ширились, в 70-е годы уже налаживались встречи, как на отчей земле, так и в ареале проживания соотечественников.

Национальный лидер и вопросы репатриации

Кардинальные сдвиги в укреплении и развитии связей с соотечественниками произошли после того, как В. Г. Ардзинба в конце 1990 года возглавил автономную Абхазию. Бесправной республике в составе имперской Грузии нужно было выбираться из кабальных пут метрополии. Необходимы были преобразования: в политической, экономической и социальных сферах, то есть произвести такую комплексную реформу прежних укладов, что позволило бы Абхазии стать самостоятельной и суверенной на деле. Но для этого, что было видно невооруженным взглядом, не хватало людского ресурса из числа коренного населения. Представляя хорошо эту проблему, Владислав Григорьевич, что ему всегда было свойственно, проводил в республике эффективную интернациональную политику, пытаясь вокруг абхазской проблемы объединить все националь-

ные общины республики. Это ему вполне удавалось, поскольку его интернационализм выражался не только в теоретическом плане, но и на практике: в депутатской среде, в госструктурах, среди руководителей учреждений и предприятий были его назначенцы из числа русских, армян, греков и других.

Наряду с этим, очень большое, можно сказать, судьбоносное значение, национальный лидер придавал решению задач по ускорению репатриации абхазов на историческую родину. Нами уже отмечалось, что, несмотря на политические и экономические проблемы предвоенного времени, глава Абхазии изыскал возможность для поездки в Турцию (июль 1992 г.) во главе представительной делегации с целью общения с тамошними абхазами, и, разумеется, ознакомления с их чаяниями, мыслями, стремлениями. В самый тяжелый период войны (март 1993 г.), когда национальный лидер, как и лучшие представители народа – защитники Отчизны, в мартовских сражениях ощутили воочию численное неравенство с агрессором, тогда, полагаем, с особой силой представилась трагичность давнего исхода большинства абхазов на чужбину – разрыва живого тела целого нарда. Выход же из этого положения был один – выработка механизма для цели единения двух частей единого абхазского этноса на отчей земле. Результатом такого осознания явилось создание (на сессии Парламента 23 марта 1993 года) Государственного Комитета по репатриации соотечественников.

В послевоенное время (1993 – 1999), в условиях блокады республики, абхазская диаспора и братские народы Северного Кавказа оказали моральную и материальную поддержку народу Абхазии, что также позволило отстоять завоеванную кровью свободу и независимость Апсны. Это стало подтверждением того обстоятельства, что укрепление и развитие прочных связей с диаспорой и единокровными северокавказскими народами – самая надежная опора независимости и безопасности абхазского этноса. С учетом этого фактора в вышеотмеченный период по инициативе В. Г. Ардзинба были заключены

договоры с республиками Северного Кавказа, Татарстаном и Башкортостаном, также с рядом краев и областей Российской Федерации. Новый импульс получили отношения с диаспорой: расширялись и укреплялись связи абхазской республики с соотечественниками в области духовной и культурной жизни, в сфере экономики и торговли, создавались производственные и коммерческие предприятия с участием представителей диаспоры.

И все же, как полагаем (исходим при этом из личных бесед с В. Ардзинба), глава Абхазии был явно обеспокоен медленно разворачивавшимся процессом возвращения соотечественников на родину. Тому, естественно, на всем протяжении 90-х годов минувшего столетия основательно препятствовали политическая, экономическая и информационная блокада республики, а также крайне негативное отношение к этой проблеме враждебной Грузии, имевшей влияние на руководство Турции и России. Думается, не в последнюю очередь потому состоялась поездка Президента В.Г. Ардзинба и представительной абхазской делегации в июне 1999 года в Турцию, о чем упоминалось нами в соответствующей главе. Тогда состоялись встречи с представителями правительства Турции, общественными и политическими деятелями. Но не только эти проблемы беспокоили Владислава. Здесь напомню лишь об одном эпизоде, о котором не упоминалось в СМИ, но Владислав Григорьевич позже о том поведал автору этих строк. Оказалось, что в нескольких приватных встречах с группой лиц из числа состоятельных представителей диаспоры глава Абхазии поставил вопрос ребром: «Поймите, – говорил он своим собеседникам, – на государственном уровне, с участием наших больших соседей, возвращение абхазов на родину наладить проблематично. Свидетельством тому минувшие после войны годы: приехало всего несколько сот человек, а закрепилось и того меньше. И дело не только в политических обстоятельствах, – внимательно всматриваясь в лица собеседников, продолжал Владислав. Проблема, замечу вам, не простая, это ситуация послевоенной

Абхазии, разрушенная инфраструктура, разваленная экономика, отсюда и отсутствие рабочих мест. Так, где же обустроиться и тому малому числу, что вернулись на родину?» – таким вот образом озадачивал собеседников абхазский лидер.

Но видя, что никто не готов отвечать, Владислав высказал давно наболевшие соображения, что должно было бы по его мысли дать новый и динамичный импульс массовому возвращению соотечественников на родину предков. Оно могло состояться не только по зову сердца на отчую родину предков, но, в соответствии с новыми временными реалиями, на основе не менее важной: при крепкой финансово-экономической поддержке тех, кто принял решение укорениться на исторической родине.

Выше нами уже было сказано о том плане, по которому весьма состоятельным абхазам диаспоры предлагались проекты создания в Абхазии на льготных основаниях предприятий, в частности в лесопромышленной отрасли, с привлечением в качестве рабочих и инженерно-технических работников в основном только лиц из числа соотечественников. Таким образом, по мысли Владислава возвратившиеся на родину абхазы обеспечивались бы рабочими местами, а за жилье, решение бытовых проблем, образование отвечали бы государственные структуры. На такой основе, как полагал Владислав Григорьевич, можно было бы укоренить в Абхазии несколько тысяч переселенцев. Однако, как отмечалось нами выше, тогда эти предложения главы Абхазии повисли в воздухе: прямого отказа не было, как и не оказалось соответствующего результата.

Как видим, в те самые 90-е годы прошлого столетия Владиславом предпринимались различные проекты по возвращению соотечественников, но все они не вырастали в тот масштаб, который ожидал глава Абхазии. И, как мне представляется из бесед с ним на эту тему, он уже к концу 90-х, особенно после визита в Турцию в июне 1999 года, стал больше склоняться к тому, что решение махаджирской проблемы невозможно в отсутствие соответствующих социально-экономических усло-

вий. Ведь как глубокий аналитик и крупный ученый древности, он прекрасно представлял себе, что пора «романтизма», неизбывной тоски по утерянной родине могли испытывать, не смешивая сие с материальными издержками, лишь те, кто на практике ощутил трагедию массового переселения, как и их прямые потомки.

Полагаем, что такое психологическое состояние могли ощущать и представлять махаджиры, писавшие Н. Лакоба, и ставившие вопросы о переселении на родину практически без ожидания «райских кущ», т.е. обеспечения их на родной стороне существенной материальной поддержкой. Но это время минуло, народились новые поколения соотечественников, для которых Абхазия – историческая родина, а Турция – родина по месту рождения. Понятно, что на самосознание личности воздействуют многие факторы, где основную роль играют быт, духовное воспитание, религия, язык и прочие атрибуты, формирующие уже в данное время нашего среднестатистического соотечественника. Нам надо отказаться (что совершенно не умоляет значение и достоинство нынешних потенциальных репатриантов) от иллюзорной сравнительной аналогии махаджиров прошлого 19 столетия с нашими современниками.

В зеркале репатриации: история и перспективы

Сегодня, наряду с ностальгией (тоской) по исторической родине, на первый план выходят вопросы экономического и социального характера, что совершенно созвучно времени и апробировано практикой других разделенных народов, например, евреев и армян. В одном случае, первым сопутствовал успех – на основе массовой репатриации евреев на выделенный решением ООН территории возникло государство Израиль, в другом – полное фиаско, несмотря на большой потенциал армян, как на родине, так и за рубежом. Сегодня население Армении не только не увеличилось, но, скорее всего, постоянно убывает, пополняя численность южнорусских земель, где

армяне по некоторым данным составляют несколько миллионов жителей, и, судя по всему, скоро в России их будет больше, чем в родной стране.

Заметим, что судьбы разделенных народов во многом схожи, но есть также и разительные отличия, история диаспор армян и абхазов в том также не исключение. К примеру, абхазы диаспоры, как и армяне, кратно превышают население собственно Абхазии. Но образование диаспор у этих народов имели некоторые отличия. В этом плане исследователь Ю.Д. Анчабадзе отмечал следующее: «Рассеяние, в результате которого во многих странах и регионах мира образовалась армянская диаспора (спюрк), является существенной чертой, во многом определившей исторический путь Армении и ее народа. Ранние миграций армян зафиксированы еще в начальных веках новой эры, однако, самый массовый исход связан с трагическими событиями геноцида 1915 г., когда, спасаясь от катастрофы, миллионы армян были вынуждены покинуть исконные зоны проживания в Восточной Анатолии. Рассеявшись по миру, беженцы частью освоили новые зоны проживания, частью влились в старожильческие армянские общины, что в целом обусловило достаточно сложную структуру и разнородный состав отдельных частей спюрка»[1].

Как известно, возвращение репатриантов в Армянскую ССР, (что, однако, не означает возвращения на исконные места проживания), в основном, имело место во времена бывшего Союза ССР. В свое время вопросами репатриации армян занимались на самом высоком уровне – в ЦК КПСС и Совете Министров СССР, с разрешения И. Сталина, разумеется. И результат не преминул сказаться, не то, что в случае с абхазскими репатриантами (из греческой Македонии), которым в 30-х годах 20 столетия закрыли дорогу на родину по злой воле того же Сталина и его тифлисских подручных.

В случае же с армянами была проявлена сильная

[1] Анчабадзе Ю.Д. Ценное энциклопедическое издание. Времена. Историко-культурный альманах. № 1– 2. Сухум, 2024. С. 325.

государственная поддержка, к примеру, 21 ноября 1945 года Совет Народных Комиссаров СССР принял Постановление (№2947) «О мероприятиях по возвращению армян из-за границы в Советскую Армению». В нем, наряду с разрешением вернуться зарубежным армянам на проживание в Армянскую ССР, перечислялись меры по поддержке и обустройству репатриантов. Так, Совету Народных Комиссаров Армянской ССР поручалось «обеспечить индивидуальное жилищное строительство для армян, возвращающихся на родину, государственным кредитом в размере 50 процентов стоимости жилого дома» (это в то время, когда Советская страна лежала в послевоенных руинах). Репатрианты также освобождались от государственной пошлины на имущество, Указом Президиума Верховного Совета СССР (19 октября 1946 г.) армянские репатрианты признавались гражданами СССР с момента прибытия их в Союз Советских Социалистических Республик. Тогда (в течение 1946 – 1948 гг.) в Советскую Армению возвратилось около 100 тыс. человек. Но еще до того, в 1921 – 1949 гг. в Армении прошла первая волна репатриации, когда туда вернулось 75 тыс. армян[1].

Была еще одна волна репатриации армян во второй половине 60-х гг. в том же 20 столетии, которая, как отмечали армянские источники, насчитывала около 100 тыс. человек. Но государственной поддержки, которую в полной мере ощутили репатрианты послевоенной волны, таковой, судя по всему, уже не оказалось. И репатрианты в 60-х в подавляющем большинстве своем вернулись обратно в страны проживания, за исключением той части, обосновавшейся в России. Получается, что в тяжелое время послевоенной разрухи в СССР репатриантам смогли обеспечить приемлемые условия, а в благополучные времена, как видим, этого не случилось. Так что вряд ли стоит преувеличивать ностальгические чувства по исторической родине, особенно тогда, когда репатриация

[1] Колбая Г.Н. Проект приращения Грузии за счет территории Турции. Журнал «Сухум», № 3 – 4, 2023. С. 68–69.

не подкреплена социально-экономической поддержкой. История с армянскими репатриантами тому пример.

В последние десятилетия ряд государств, причем, вполне преуспевающих в экономике, социальной сфере, демографии, тем не менее, уделяли большое внимание и проблемам репатриации соотечественников. В этом плане на государственном уровне ими были составлены программы, в соответствии с которыми соотечественники в организованном официально порядке переселяются на историческую родину. Так, в Германию после 1991 года вернулось 5 млн. человек, в основном из бывшего СССР. Подобные проекты были реализованы Румынией, Венгрией и Казахстаном, при этом основное требование к возвращающимся – предъявление документа, удостоверяющего национальные корни репатрианта. К примеру, в Казахстан по этой программе уже вернулось около 1 млн. человек, в Румынию с 2019 года переселилось 400 тыс. репатриантов[1].

Во всех этих случаях принимающие репатриантов государственные структуры, в первую очередь, делают упор в своей деятельности на удовлетворение социальных и экономических потребностей вернувшихся на родину, разговор же о значении романтизма и ностальгии в качестве «локомотива» репатриации имеет место лишь в сфере культуры и духовной жизни.

Самый действенный опыт по репатриации соотечественников накоплен государством Израиль со дня его основания в 1948 году в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Нации (29.11.1947 г.). Как уже отмечалось выше, Израиль с самого начала существования и по настоящее время (2023 – 2025 гг.) находится в конфликтных отношениях с соседями – арабскими странами: Палестиной, Египтом, Сирией, также и с Ираном. В последнее время, судя по всему, руководство Израиля военно-силовым путем пытается решить проблему укрепления собственной безопасности

[1] Информация РБК. 25.03. 2023 г.

за счет вытеснения двухмиллионного арабского (Палестинского) анклава на западном берегу реки Иордан. Стремительный рост еврейского населения в новообразованном государстве Израиль происходил в течение 40 – 50 лет (современное население страны около 10 млн. жителей, из них более 80 проц. евреи). Площадь государства, выделенная решением ООН, насчитывала 14,1 тыс. кв. км, а с учетом захваченной в 1947 – 1948 гг. части территории Палестины и Голанских высот Сирии, составляет более 26 тыс. кв. км.

Нельзя не отметить предысторию еврейской репатриации, кардинальное отличие ее, к примеру, от нашей абхазской ситуации. Евреи утеряли свое отечество в далекой древности, две тысячи лет тому назад. Абхазы, к счастью, несмотря на трагедию исхода большинства населения в 19 веке, все же смогли сберечь родину. До самого последнего времени массовая репатриация для евреев считалась основной общенациональной идеей, нацеленной на объединение рассеянного по всему миру народа на земле обетованной. Полагаем, что успеху воссоединения евреев способствовали и такие важные составляющие как религиозный фактор, культурные, общественные и социально-экономические ценности, свойственные этому этносу. В нашем же случае дело обстоит несколько иначе. Разделенные абхазы в современную эпоху отличаются по некоторым указанным параметрам, что, безусловно, в значительной мере сказывается на консолидации нашего народа. Например, волею судьбы за последние столетия диаспора и население собственно Абхазии оказались не только разделенными частями одного и того же этноса. Но также, наряду с общим в историческом прошлом мировоззрением и укладом жизни, ныне абхазы диаспоры и родины стали различаться по конфессиональному признаку, современным культурным, социальным и общественным ценностям, на что наложили печать десятки лет жизни, как в условиях советской власти, так и в пределах мусульманского ареала. Потому, как нам кажется, адаптация еврейского репатрианта в Израиле, крепко поддерживаемого

государственными структурами, исповедующего единую национальную идею, пройдет более благополучно и эффективно, нежели в аналогичном случае в Абхазии. В развитом экономически и финансово еврейском обществе, где почти все госструктуры обязаны заниматься проблемами эмигрантов (документы, жилье, работа, образование, обучение языку и т.д.) процесс возвращения на родину был обречен лишь на успех, поскольку для государства это задача номер один. В этой связи, думается, не было бы лишним обратить наше внимание на отдельные моменты из богатого арсенала методов и форм деятельности соответствующих государственных структур Израиля в области репатриации.

Наибольшая ответственность в работе с репатриантами лежит на двух ведомствах – это Министерство по абсорбции мигрантов и Еврейское агентство. Министерство и Агентство занимается вопросами возвращения и адаптации иммигрантов. В 1952 году был издан правительственный указ, по которому эти ведомства ответственны за абсорбцию (адаптацию, приспособление к новым условиям) иммигрантов, Агентство также освобождено от всех видов налогов. Программы по возвращению евреев готовятся израильским правительством, государственными организациями. Все эти программы поддерживаются и реализуются государственными инстанциями в лице министерств и ведомств, местными администрациями, общественными организациями. Вернувшимся в Израиль репатриантам предоставляется возможность изучить родной язык, проводятся специальные курсы по изучению иврита. Также для больших групп постоянно транслируются ТВ и радиоканалы на иностранных языках (русском, английском)[1].

Конечно, экономика и финансы государства Израиль и Абхазии, безусловно, не равнозначны, известны также возможности мировых еврейских общин Америки, Европы. Однако же мы не ведем речь об обеспечении интересов и потребностей

[1] Жаде Джемре Эрджийес. Адыго-Абхазская диаспора и репатриация. Майкоп, 2020. С. 110 – 111.

миллионов переселенцев, как в случае с Израилем. Кстати, в последнее время израильские власти могут пересмотреть систему репатриации, в основе своей «экстренной» (к примеру, в 2022 году Израиль принял 70 тыс. человек, по 200 – 300 чел. в день, 50% – выходцы из России). Теперь же есть намерение несколько изменить систему приема репатриантов, заменив ее массовую основу «плановой». В таком случае репатриантов будут оформлять через соответствующие посольства страны, куда будут представляться документы и информация о потенциальном репатрианте, и только после тщательного изучения различных обстоятельств и сведений о личности, будет приниматься решение. Это, видимо, связано с теми довольно нередкими случаями, когда среди приезжающих в Израиль соотечественников, многие обзаведясь гражданством и паспортами, предпочитают проживание в Европейских странах или в США.

Кадры и финансы – основа и опора механизма репатриации

В современных абхазских условиях процесс репатриации и адаптации соотечественников, как правило, ведется спонтанно, то есть, не столь организовано и обустроено с точки зрения ответственности власти и госструктур. Хотя, как известно, число абхазских репатриантов за год, а то и два, кратно меньше тех, кто прибывает в течение месяца в Израиль. В то же время нашему государству нужна солидная прибавка коренного населения, поскольку стабильное функционирование всех отраслей жизнедеятельности, укрепление социальной и духовной сфер – непременное условие безопасного существования народа и его страны. Национальная безопасность для абхазов, например, могла бы считаться удовлетворительной, коли коренное население составляло не менее 300 тыс. человек, при этом не менее 70 проц. от всего населения. В данный же момент абхазы по последней переписи (2018) составляют 124 тыс. чел., или 51,3 проц. от общего числа жителей страны. Это

обстоятельство является крайне негативным фактором, угрожающим основам государства и безопасности абхазского народа. К сожалению, эта критическая ситуация, не отмечающая и намека к улучшению, не дает оснований для выправления положения хотя бы в будущем. Более того, просматривается тенденция к ухудшению ситуации. Например, на проведенном в 2023 году «Круглом столе», посвященным проблемам демографии, приводились такие тревожные факты: снижение показателя ожидаемой продолжительности жизни, низкие показатели рождаемости, высокие показатели младенческой смертности, ухудшение репродуктивного здоровья женщин, также и здоровья новорожденных[1].

Не радует оптимизмом и статистика, отмечающая, что численность родившихся в 2021 году на 601 чел. меньше, чем в 2017 году, за тот же период умерло на 523 чел. больше, число браков сократилось на 255, разводов – на 23 больше[2].

Таким образом, можно сделать выводы о том, что по причине объективных и субъективных обстоятельств обе составляющие прироста населения (демография и репатриация) не стали пока еще основными факторами увеличения народонаселения Абхазии и укрепления, тем самым, национальной безопасности. Объективные факторы, создавшие подобную ситуацию, известны – это исторические катаклизмы, сопровождавшие абхазский народ на протяжении двух последних столетий. Основные из них: вынужденный исход (махаджирство) подавляющего большинства абхазов на всем протяжении 19 века, трехлетнее господство грузинских меньшевиков (1918 – 1921). Также колонизация Советской Абхазии грузинскими большевиками при поддержке Сталина (1922 – 1953), репрессии в 30 – 40 годы 20 века (более 3 тыс. человек), потери народа (более 5 тыс. человек) в ходе Великой Отечественной войне (1941 – 1945), и, наконец, потери (более 3 тыс. человек) в ре-

[1] «Круглый стол»: «Демографическая безопасность Абхазии: вызовы и ответы». Газета «РА», № 54, 27 июля 2013 года.

[2] Там же.

зультате агрессии Грузии против Абхазии (1992 –1993).

Все это, безусловно, отразилось на генофонде абхазов, свидетельством чему медленный рост рождаемости, снижение продолжительности жизни, рост показателя смертности и прочие негативные процессы.

В таких условиях, когда вряд ли возможно быстро выправить ситуацию в области естественной демографии (для этого нужно серьезная корректировка нынешней экономической и финансовой политики руководства государства, что является темой отдельного разговора), надо еще больше усилий уделить такой составляющей роста коренного населения, как репатриация зарубежных соотечественников. Нельзя сказать, что ранее репатриации не уделялось должного внимания. Но надо также отметить, что этот уровень внимания не соответствовал велению времени и потребностям национальной безопасности. Если говорить прямо, без обиняков, то можно констатировать, что абхазской политической элитой (руководством страны) вопрос возвращения соотечественников (как и демографическая проблема в целом), за последние два десятка лет не был поставлен в ряд самых жизненно важных для народа и страны. Это было время огромной финансовой поддержки России, которая распределялась на объекты инфраструктуры республики, причем, не всегда первоочередные. Хотя миллиард- другой из той суммы было бы целесообразно перенаправить на организацию помощи репатриантам.

Давно настало время, когда репатриации и структурам, занимающимся ею, следует придавать значение и соответствующий бюджет на уровне министерств обороны или внутренних дел. Тогда, думается, вкупе с некоторыми другими преобразованиями, можно было бы переломить ситуацию и сдвинуть с места решение этой архи важнейшей проблемы. По иному, как это работа строится в данное время, вряд ли образуется что-либо путное. Ясное дело, что с бюджетом Фонда репатриации (немногим более 200 – 300 млн. руб.), неоправданно ожидать реализации серьезных программ по переселению

и адаптации соотечественников. В том убеждают следующие факты: в 2022 году, например, расходная часть Фонда составляла около 165 млн. рублей. Из этой суммы на идеологическую деятельность было затрачено всего 4 млн. руб., на строительно-ремонтные и хозяйственные расходы – немногим более чем 101 млн. руб. На такие средства в Израиле, например, не смогли бы адаптировать, то есть, укоренить на жительство, и десяток переселенцев.

Здесь могут заметить: мол, подмечать недостатки и неудачи легко, а вот что делать, того не сказано. Попробуем ответить и на эти вопросы, хотя бы в тезисной форме. Как нам кажется, надо проанализировав прошлую деятельность механизма репатриации, вычленить те звенья, которые в той или иной мере оказались дееспособными, привнесшими в работу определенные результаты. А вот от косности, формализма и равнодушия в этой сфере (особенно в верхах руководства страны) надо полностью избавляться. Необходимо в то же время наращивать качество работы структур механизма репатриации, профессионализм и ответственность сотрудников всех уровней, занятых вопросами соотечественников.

Но и не это самое главное. Поскольку в целом старый механизм не принес ощутимых результатов (за 30 минувших лет что-то около 2 тыс. переселенцев, но точных данных нет), то надо полагать, что существующая практика работы только на основе отдельного министерства или ведомства в данное время малоэффективна. Нужны новые структуры, за деятельность которых в ответе будет высшее руководство страны: это соответствующее Управление в Администрации Президента, Министерство по репатриации и адаптации под контролем и персональной ответственностью главы государства (на уровне, скажем, силовых структур). Необходима постоянная, контролирующая роль законодательной власти: эта цель может быть реализована созданием Комиссии или Комитета под личным контролем руководства Парламента. Сердцевиной контроля должны стать ежегодные отчеты на специальной сессии На-

родного Собрания всех структур законодательной и исполнительной властей, отвечающих за репатриацию, коим давалась бы строгая оценка проделанной работе. Главный показатель положительной деятельности этих структур – не только число репатриантов, прибывших в страну, а, главным образом, количество лиц или семей твердо обосновавшихся в течение года на исторической родине.

Также целесообразно рассмотреть возможность создания таких финансовых структур, как Фонды по репатриации и адаптации в каждой стране проживания диаспоры, куда стекались бы финансовые средства для переселенцев из данной страны. Не секрет, что среди наших зарубежных соотечественников немало уважаемых, и, вместе с тем, состоятельных бизнесменов, которые могли бы, как, скажем, деловые люди еврейских и армянских диаспор, активнее помогать этим фондам. Это было бы существенным финансовым подспорьем для репатриантов. Им, бизнесменам, также сподручнее было бы вести контроль и учет состояния этих общественных финансовых учреждений.

Безусловно, все эти фонды организационно и информационно должны быть связаны с Головным Фондом в Абхазии (подотчетному Парламенту Абхазии), что позволило бы в необходимые моменты оказывать помощь в организации переселения соотечественников на историческую родину.

Известно также, что в среде абхазской диаспоры, большей частью в Турецкой республике, немало политических деятелей, депутатов разного уровня, в том числе и в турецком парламенте, в различных исполнительных структурах, научных, культурных и военных ведомствах. Думается, была бы резонной, скажем, постановка вопроса перед тамошними властями всех уровней и государственными структурами о помощи и поддержке, в том числе политической, организационной и финансовой, желающим вернуться на историческую родину потомкам махаджиров. Ведь и Турция, как правопреемник Османской империи, несет свою часть ответственности за иско-

реженные судьбы сотен тысяч горцев, в том числе и абхазов. Высокий гуманизм и чувство ответственности, как нам видится, особенно к пострадавшим кавказским народам, не чужды турецкому обществу. Думается, посему и представителям абхазской диаспоры Турции следует проявить в этом плане настойчивость и политическую волю.

И вообще, строить работу по переселению соотечественников следует не только в Абхазии, но и в равной мере в странах проживания диаспоры. Представителям соответствующих структур государства (Министерствам по репатриации, иностранных дел, культуры, образования и некоторым другим) надо укреплять и совершенствовать сотрудничество с активом диаспоры, дернеками, комитетами, другими общественными и культурными учреждениями, а самым авторитетным из них правительство Абхазии могло бы делегировать наибольшую ответственность за организацию подготовительной деятельности по репатриации соотечественников. Например, вменить на договорных условиях составление сведений по районам и областям тех или иных стран о числе лиц, склонных к переезду на родину, биографических данных и личных характеристик потенциальных репатриантов, представление последним данных с информацией об экономических, финансовых и социальных возможностях принимающей стороны, о предполагаемой географии расселения. При этом полагаем необходимым продумать систему тщательного контроля и отбора потенциальных репатриантов специальной комиссией или комитетом, избранными демократическим путем на собраниях в местах проживания диаспоры. Таким образом, надо полагать, актив диаспоры будет нести ответственность за рекомендованного репатрианта на жительство в Абхазии. Это, безусловно, должно сказаться на качестве деятельности структур репатриации, что к тому же позволит предотвращать нередкие случаи появления в числе возвращающихся на родину лиц, не ладящих с законом в стране проживания, или

же просто склонных, заметим мягко, больше к делячеству, нежели к укоренению на родине предков.

Когда-то утверждали, что кадры решают все. Сегодня, наряду с этим, такое же первостепенное значение в деле организации репатриации имеет ее финансовая поддержка. И потому совершенно на иных, нежели нынешние, должны быть основы финансирования репатриации. Если руководство Абхазии – президент, парламент, правительство признают репатриацию соотечественников стратегической задачей государства, то автоматически возникнет целесообразность бюджетного обеспечения решения этой задачи и отмены 2-х процентных поборов с населения. Но поскольку абхазский бюджет вряд ли способен в полной мере на серьезные вливания для кардинального решения данной проблемы, давно назрела постановка этого вопроса перед стратегическим союзником – Российской Федерацией. В свое время в беседе с представителями абхазской интеллигенции Президент РФ В.В. Путин весьма мудро и со знанием дела обратил внимание собеседников на необходимость решения двух важнейших аспектов в жизни абхазов, отметив сие такими словами: «Все свои возможности направьте на увеличение численности своего народа и изучение своего родного языка, а что касается остального – мира и безопасности – мы это берем на себя». Лучше, как говорится, не скажешь. Потому, думается, российское руководство не откажет абхазской просьбе: уделить на обустройство переселенцев часть средств из российской социально-экономической помощи Абхазии, на первых порах, скажем, в размере 1 –2 млрд. рублей. Можно также нам чем-то пожертвовать временно: оптимизировать численность и зарплату чиновников, сократить финансовые расходы на автопарк, мебель и оргтехнику госслужащих. Также приостановить избыточные расходы на строительство дорог, гостиниц, отелей, ремонт школ и детсадов и т.д., за счет чего обеспечить организованную государством планомерную репатриацию вначале нескольких сот, а может, и тысяч

абхазов. Ведь так, выказывая твердую государственную и политическую волю, ставил вопрос репатриации в свое время Нестор Лакоба, да только злобные недруги абхазов сорвали эти весьма реальные планы. Блокадное время и послевоенная разруха также стали препятствием в деле реализации переселения соотечественников, которое пытался наладить В.Г. Ардзинба. Теперь же, как видим, иные времена и обстоятельства, когда впервые появилась возможность, не ощущая таких объективных и субъективных препятствий, о которых сообщалось выше, наладить эффективную работу по репатриации. Да только вот как быть с таким немаловажным фактором, тоже субъективным: сможет ли наша политическая элита, правительство найти в себе решительность и волю, чтобы поставить сей вопрос перед Москвой, также изыскать средства из бюджета Абхазии на архи важный переселенческий проект?

Кроме того, нужно изыскивать и иные резервы, в том числе и такие формы и методы, которые на первых порах не всеми в обществе будут адекватно восприняты. Например, на ряде предприятий, учреждений и организаций можно было бы законодательным путем прописать для специалистов и служащих из числа репатриантов систему квотирования (резерв) должностей и специальностей. При этом с целью закрепления новоприбывших соотечественников на государственной службе, также и на работе по найму, специальным решением Парламента и Правительства зафиксировать повышенную заработную плату, специальные премиальные, а студентам и аспирантам – стипендию на уровне реального прожиточного минимума. И все это должно соответствовать уровню, не ниже, чем в странах проживания репатриантов. Конечно, реализация этих мер для государства весьма сложна, тяжела и непривычна, но, полагаем, что только нестандартные решения помогут обеспечить стране прибавку людского ресурса.

Также следует тщательно продумать и подготовить выверенную программу – план по возвращению репатриантов,

связанных с селом, на заранее отведенные для заселения земельные угодья, числом не мене 10 дворов в той или иной местности. В отсутствие домостроений и прочих хозяйственных построек, переселенцам должна быть обеспечена государственная субсидия, полностью покрывающая расходы на обзаведение жильем и необходимым хозяйством. Государство также, посредством беспроцентных кредитов, обеспечивает средства на приобретение живности и сельхозинвентаря.

География расселения и рамки финансовой поддержки репатриантов должны быть обговорены заблаговременно: с участием представителей правительства Абхазии и актива диаспоры (того или иного дернека), и совместно с теми, кто изъявил желание на переселение именно в сельскую местность.

Понятно, что решать эти вопросы, то есть пойти на некоторые издержки в области собственного благосостояния, разумеется, непросто, и без поддержки и народного одобрения здесь не обойтись. В этом плане необходимо в крупных селах и в райцентрах провести на сходах разъяснительную работу. Люди должны быть информированы, причем первыми лицами государства, видными представителями науки, культуры и искусства, о тяжелом демографическом положении, замедлении прироста абхазского населения, также о том, что безопасность народа и страны может быть гарантирована лишь достаточным числом коренного, государство образующего народа – абхазского, при этом, численностью не менее 300 тыс. человек. Общество должно глубочайшим образом проникнуться наступлением такой опасности, когда абхазская основа (сущность) государственности, словно шагреневая кожа, будет постепенно сокращаться, поскольку будет увеличиваться и станет большинством некоренное население. И не надо стесняться во весь голос говорить об этом. Ибо вполне реальна в близкой перспективе та самая ситуация, от которой мы избавились в результате кровопролитной войны тридцать лет тому назад. Однако есть два пути, что могут предотвратить столь гибельную развязку: это естественный прирост населения, который,

по российскому образцу, нужно будет основательно стимулировать, но ждать быстрой людской прибавки и в этом случае не приходится. Вот потому, наряду с естественным приростом населения, следует идейно и психологически настраивать членов общества на всемерную поддержку активизации деятельности всех структур страны по репатриации потомков махаджиров, что, конечно же, невозможно без действенной поддержки всех слоев народа: сельчан, горожан, интеллигенции, чиновничества и властных структур. Нам всем, от начальства, до простых людей, нужно отчетливо осознать: для того, чтобы активно заработал процесс возвращения соотечественников на родину предков, каждый из нас должен пожертвовать частью собственных благ. При этом подчеркнем такое обстоятельство, которое апробировано опытом ряда стран: только тогда будет успешной переселенческая компания, если обусловить, то есть, вывести на передний план, ее экономический характер. А коли не сможем добиться того, то не будет и сдвигов в решении этой наиважнейшей проблемы. В таком разе, вполне возможно, что абхазы в течение 20 – 30 лет могут потерять все героические завоевания недавнего прошлого, превратившись в подневольный придаток другого, более успешного и продвинутого в экономическом и социальном аспекте, соседнего народа.

Таким образом, то есть, только создав необходимые предпосылки соответствующего уровня жизни для соотечественников в условиях Абхазии, хотя бы не ниже, нежели в стране их проживания, можно будет ожидать долгожданных сдвигов в столь важном деле, как возвращение потомков махаджиров – наших соотечественников. В ином разе, как эта проблема решается сегодня (не по вине, разумеется, существующих структур репатриации), ожидать успехов в деле воссоединения многострадального народа было бы весьма проблематично. Звучит сие несколько пессимистично, но ведь в душе многие осознают, что это непреложный факт. Смеем полагать, что это будет так до тех пор, пока во главу угла данной проблемы, наряду с призывами к патриотизму, не будет задействован не менее, а,

может, и более существенный фактор – действенная экономическая поддержка репатриантов в Абхазии, с одной стороны, с другой – также весомая помощь состоятельных зарубежных абхазов. Словом, надо действовать в русле мировой, апробированной практики, о том вкратце было сказано выше, абхазы, думается, должны извлечь из сего обстоятельства сугубо необходимые, полезные уроки.

Виталий Зиевич Чамагуа

Видные представители Абхазии и абхазской диаспоры в борьбе за восстановление национального единства (воссоединение) абхазского народа (XIX–XXI вв.)

Верстка Е.Г. Гегия

Формат 60х90 1/16.
Физ. печ. л. .

312